

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт права, социального управления и безопасности

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

К 85-летию доктора юридических наук,
профессора З.З. Зинатуллина

Сборник статей

Ижевск
2023

УДК 343.1(082)
ББК 67.410.2я43
П685

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Научные редакторы:

*В.Г. Ившин, директор ИПСУБ ФГБОУ ВО «УдГУ»
к.ю.н., доцент, профессор кафедры,*

*Г.А. Решетникова, к.ю.н., доцент кафедры
ИПСУБ ФГБОУ ВО «УдГУ»,*

*Л.Г. Татьяна, зав. кафедрой уголовного процесса
и правоохранительной деятельности ИПСУБ
ФГБОУ ВО «УдГУ», д.ю.н., профессор.*

П685 Правовая политика в современном обществе: к 85-лет.
д-ра юрид. наук, проф. З.З. Зинатуллина : сб. ст. / науч. ред.
В.Г. Ившин, Г.А. Решетникова, Л.Г. Татьяна. – Ижевск :
Удмуртский университет, 2023. – 334 с.

ISBN 978-5-4312-1103-4

Сборник посвящен 85-летию выдающегося деятеля российской юридической науки, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина, внесшего значительный вклад в развитие российского уголовного процессуального права.

В издание вошли статьи участников Всероссийской научно-практической конференции, проведенной 20 января 2023 г. Институтом права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета. В статьях рассматриваются актуальные вопросы уголовного процессуального законодательства и правовой политики в современном обществе.

УДК 343.1(082)
ББК 67.410.2я43

ISBN 978-5-4312-1103-4

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2023
© Авторы статей, 2023

К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗИНУРА ЗИНАТУЛЛОВИЧА ЗИНАТУЛЛИНА

13 января исполнилось 85 лет доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Удмуртской Республики, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации Зинуре Зинатулловичу Зинатуллину, признанному специалисту в области уголовного процесса, успешному организатору науки и талантливому педагогу.

Уважаемый Зинур Зинатуллович! Примите самые добрые и искренние поздравления с днем рождения! Пройденный Вами жизненный путь – это путь целеустремленного человека, талантливого руководителя кафедры, высокопрофессионального, решающего сложнейшие задачи во всех сферах своей многогранной деятельности. Вы заслужили репутацию одного из ведущих ученых нашего региона. Вы много сделали для воспитания интеллектуальной элиты Удмуртской Республики и страны.

Сегодня Вы активно сочетаете научную и преподавательскую деятельность, участвуете в важнейших многоуровневых научно-практических конференциях. Десятки лет плодотворной академической, управленческой и преподавательской работы. Ваши высокие заслуги подтверждены большим количеством наград и грамот Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Ваш значительный вклад в развитие вузовского образования и науки является ярким примером преданного и самоотверженного служения Удмуртскому университету и Удмуртской Республике.

Позвольте пожелать Вам крепкого здоровья, счастья, благополучия и неизменных успехов на благо российского образования и науки!

*Директор Института права, социального
управления и безопасности ФГБОУ ВО «УдГУ»
В.Г. Ившин*

З. З. Зинатуллин,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ

Странен, очень и очень странен человек – высшая ценность во всем мироздании. И чем шире открываются врата в это мироздание, тем больше задумываешься над вопросом о том, все ли сделано тобой в мире насущном и всё ли правильно во благо не только самого себя, но и окружающего тебя социума. Позволю утверждать, что вреда последнему я не причинил; да и просто не мог пойти на это. Всем прожитым доволен. То, что есть – есть. Это моя жизнь и жизнь окружавших меня людей.

Родившегося в глухой татарской деревеньке и «помотавшего» в военные и послевоенные годы разрухи по стране 1956 г. привел меня в Казанский орденов Ленина и Трудового Красного Знамени государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина. Первые, самые робкие шажочки в мир науки проявились под руководством известного ученого в области уголовного права профессора Б. С. Волкова, настоявшего, в частности, и на том, чтобы я принял участие во Всесоюзной студенческой научно-практической конференции в г. Иркутске. Результат выразился в опубликовании в 1958 г. в академическом журнале «Правоведение» моей первой статьи – «Квалификация хулиганства, связанного с уничтожением и повреждением имущества».

С января 1960 года последовала работа в Елабужской специальной школе милиции МВД Союза ССР, сопровождавшаяся, в частности, и со сдачей экзаменов кандидатского минимума, что и позволило в 1969 году стать аспирантом кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского государственного университета и в июне 1971 года успешно защитить в Московском государственном

ном университете диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности «Уголовное право и уголовный процесс». Основные положения диссертации были опубликованы в журнале «Правоведение», № 2 за 1972 г., и в монографии «Возмещение причиненного преступлением вреда» (г. Казань, 1974 г.). Хотелось бы думать, что толика и моих суждений позитивно повлияла на то, что в 1974 году в форме уголовно-правовой реституции стало возмещаться в три раза больше ущерба от преступлений, чем в середине 60-х годов прошлого столетия¹.

70–80-е годы XX века ознаменовался бурной и в целом плодотворной волной научных исследований в области изучения состояния эффективности социалистического права в целом и его отдельных институтов. В роли отправного в этом стала монография С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе»². Последовала серия научно-практических конференций и научных исследований в русле не только оценки качества действующего законодательства и составляющих его отдельных институтов и норм, но и разработки способов и приемов измерения их эффективности, определения условий эффективности действия правовых установлений, вскрытия объективного и субъективного свойства факторов, влияющих как на эффективность самих таких установлений, так и правоприменительной деятельности. Ограничусь указанием лишь на некоторые из них³. В стороне не остались и процессуалисты Казанского Государственного университета, опубликовавшие

---

¹ См.: Зинатуллин З. З. Избранные труды : в 2 т. Т. I. СПб., 2013. С. 11.

² См.: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.

³ См.: Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике исследования) // Сов. гос. и право. 1970. № 6.; Самощенко И. С., Никитинский В. И., Венгеров А. Б. Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 25. М., 1971; Эффективность применения уголовного закона. М., 1973; Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок : в 2 т. / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1975; Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979; и др.

коллективную монографию «Вопросы эффективности советского уголовного процесса» под ред. проф. Ф. Н. Фаткуллина⁴.

Публикуются и работы других авторов⁵. В их числе и монография «Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность»⁶, ставшая в последующем основой защищенной мною в 1984 г. диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. При обработке эмпирических данных использовалась разработанная нами матричная модель, на основе которой определялась степень эффективности правовых образований⁷, включая, в частности, и степень эффективности отдельных мер уголовно-процессуального принуждения. Это позволило не только классифицировать такие меры на высокоэффективные, среднеэффективные и малоэффективные, но и вскрыть основные условия, влияющие на эффективность самих мер уголовно-процессуального принуждения и практики их применения.

Не думается, что сформулированная нами полвека тому назад матричная модель измерения эффективности правовых установлений сегодня, в условиях глобальной цифровизации социальных отношений, изжила себя. Эмпирические данные вне зависимости от того, отражают ли они только прошлое, либо в них есть что-то из настоящего, сегодняшнего, тем более то, что ориентирует на будущее (а это все составные сферы цифровизации), своей определенной значимости не утрачивают. Это и есть «соль» диалектического метода познания сущности, содержания, аксиологической составляющей всего того, чем богато наше мироздание. Гениальные слова одного из отцов теории познания В. И. Ленина, чётко определившие

---

⁴ См.: Вопросы эффективности советского уголовного процесса / под ред. проф. Ф. Н. Фаткуллина. Казань, 1976.

⁵ См.: Еникеев З. Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения. Казань, 1982; Маликов М. Ф. Эффективность приговора в советском уголовном процессе. Казань, 1982; и др.

⁶ См.: Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981.

⁷ См.: Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность правовой нормы. Казань, 1977. С. 104–107.

го диалектно-материалистический путь познания истины «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике»⁸, неопровержимы. Природа, именно природа и наделила человека всеми только присущими ему чувственно-предметными рецепторами (слух, обоняние, осязание и т. д.), всем тем, что не присуще ни роботам, ни каким-либо иным созданным человеческим разумом явлениям, предметам материального мира. Считаю действительно необходимым еще раз указать на то, что «существо человек, весь смысл его жизнедеятельности заключен именно в познании. Человек создан для познания; вне его он просто не существует»⁹.

С учетом произошедших в стране в 90-е годы XX века глобальных социально-экономических преобразований в практике применения, в частности, мер уголовно-процессуального принуждения произошли весьма значимые изменения. В условиях капитализации социума приоритет стал отдаваться не связанным от изоляции социума мерам уголовно-процессуального пресечения, таким как домашний арест и залог, а с 2018 г. и запрету определенных действий. Стало практически невозможным заключать под стражу на период расследования уголовного дела мошенников-предпринимателей (ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ).

1985 год оказался для меня своего рода переломным. Судьба приводит меня в Удмуртский государственный университет, в котором подготовка студентов-юристов находилась лишь на начальном этапе. О юридической науке, ее становлении практически ничего и не было слышно.

Почти 35 лет заведовал кафедрами, надо полагать, неплохо. В 1987 г. кафедра уголовного права и процесса Удмуртского университета заносится на республиканскую Доску Почета. Предпринимаются большие усилия для повышения уровня острепенности преподавательского состава факультета. С января 1992 г. 14 лет – председатель диссертационного совета по специальности 12.00.09 –

---

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 152.

⁹ Зинатуллин З. З. Избранные труды : в 2 т. Т. II. СПб., 2013. С. 289–290.

уголовный процесс, криминалистика и ОРД. Одновременно возглавлял и Ижевскую специализированную юридическую консультацию при УдГУ. В бурные 90-е годы XX века удалось сохранить на плаву преподавательский состав; значительное число преподавателей стали адвокатами. Адвокатская практика способствовала, да и сегодня способствует качеству преподавательской деятельности. Тем более, что наряду с аспирантурой (а некоторое время – и докторантурой), активно стала развиваться и магистратура. Увеличилось на факультете и число докторов юридических наук. По специальности 12.00.09 появились и свои, скажем так, «доморощенные» доктора наук в лице Э. С. Гордона, Л. Г. Татьяниной и А. М. Каминского и значительная когорта кандидатов наук.

Продолжая разработку проблем обвинения и защиты по уголовным делам, а также уголовно-процессуальных функций, осуществлял научное руководство по подготовке диссертаций (количество таких диссертационных исследований сегодня приблизилось к 70-ти), все больше обращались к центральной проблеме всего уголовного судопроизводства вне зависимости от его типа и формы, какой является проблема уголовно-процессуального доказывания. Изданная еще в 1993 г. монография «Уголовно-процессуальное доказывание» в связи с УПК РФ 2001 г. обстоятельно перерабатывается. Созданная на её основе работа в 2003 г. получает рекомендацию Министерства образования Российской Федерации для использования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 02.11.00 «Юриспруденция». Не раскрывая содержания данного учебного пособия (его текст воспроизведен полностью во втором томе моих избранных трудов, изданных в 2013 г. в Санкт-Петербурге в серии «Антология юридической науки»), позволю лишь отметить, что удалось сформулировать и обосновать свое отношение ко многим остро дискуссионным вопросам уголовно-процессуального доказывания, в числе которых и так называемая «Теория плюральности истин» проф. А. С. Александрова, позволившая провести достаточно четкую грань между такими категориями как «истина», «предмет» и

«социально-полезный результат» в уголовно-процессуальном доказывании, раскрыть содержание и аксиологическую составляющую средств уголовно-процессуального доказывания¹⁰. В то же время отмечу, что никакой модели эффективности как альтернативы объективной истины¹¹ я не создавал по одной лишь причине, что такие социальные явления как «эффективность» и «истина» совершенно разные ипостаси¹². Истина как соответствие реальной действительности выводов следственных, прокурорских и судебных органов. По уголовному делу может быть только одно – оно либо есть, либо нет, иного не дано.

Что касается основных направлений исследований в сфере современной постсоветской уголовно-процессуальной науки, то видятся они мною в следующем: во-первых, несмотря на наличие весьма значимых научных исследований, связанных с раскрытием социально-правовой природы уголовного процесса как правоприменительной деятельности, являющейся родоначальной проблемой уголовно-процессуальной науки¹³, и основываясь на закрепленных в главе 1 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. с поправками 2020

---

¹⁰ См.: Зинатуллин З. З. Избранные труды : в 2 т. Т. II. СПб.

¹¹ См.: Муратова Н. Г., Муратова Н. Д. Модель эффективности как альтернатива объективной истины (генезис концепции профессора З. З. Зинатуллина) // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию проф. З. З. Зинатуллина. Ижевск, 2013. С. 105–114; Муратова Н. Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи. 2021. С. 104.

¹² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 232, 236, 837.

¹³ См.: Викторский С. И. Российский уголовный процесс. М., 1997; Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956; Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963; Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980; Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2001; Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005; Стратегии уголовного судопроизводства. М., 2008; Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строгович. М., 2020; Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России. М., 2021 и др.

года основах конституционного строя Российского государства, надлежит еще более активизировать работу по раскрытию сущности, назначения и аксиологической составляющей постсоветского уголовного судопроизводства в условиях современной уголовно-процессуальной политики; во-вторых, необходимо сосредоточить все усилия на формировании соответствующего современным реалиям уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации. Обоснованных предложений по этому злободневному вопросу просто множество. По сути это все процессуалисты России. Пофамильному их перечислению алфавита не хватит. Законодатель игнорировать их далее просто не вправе.

Позволю остановиться обстоятельно лишь на анализе одного из предложений. Речь идет о том, что из УПК РФ необходимо в срочном порядке полностью исключить главу 52 (ст. 447–452 УПК РФ), продолжение существования которой, ее содержание полностью попирают (игнорируют) демократическую и правовую природу нашего государства (ст. 1 Конституции РФ). Естественная заповедь всей нашей человеческой жизни, четко отраженная в Конституции РФ словами о том, что «все равны перед законом и судом» (ст. 19 Конституции РФ), ни на йоту, тем более в угоду «власть предержащих» не должна нарушаться. Конституционный суд России обязан в этом весьма непростом вопросе использовать предоставленные ему в соответствии со ст. 125 Конституции РФ полномочия. Не надо ограничиваться частной констатацией несоответствия отдельных положений главы 52 УПК РФ Конституции РФ, как это сделано в результате исключения на основе Федерального Закона от 29.12.2010 за № 433-ФЗ из УПК РФ ст. 452, регламентировавшей особенности рассмотрения уголовных дел в отношении членов Совета Федерации, Депутатов Государственной Думы и судей федеральных судов. Правом неприкосновенности обладает согласно ст. 91 Конституции РФ только глава государства (ч. 1 ст. 80 Конституции РФ) в лице Президента РФ, отречение которого от должности, лишение неприкосновенности может иметь место лишь в установленном ст. 93 Конституции РФ порядке. Как видим, и здесь

закрепленная в ст. 93 Конституции РФ норма о равенстве всех перед законом и судом остается неизменной. Тем более непонятным, ничем не оправданным остается и существование в действующем УПК РФ главы 52.

Что касается авторского видения структуры и содержания всеми ожидаемого УПК РФ, то они изложены в нескольких моих публикациях¹⁴.

В-третьих – дальнейшая разработка доктринальных составляющих уголовно-процессуальной науки во всех случаях органично связывается с принципами, трактуемыми в русской словесности как «основные, исходные положения какой-н. теории, учения, науки и т. п.»¹⁵, и такой социально-идеологической категорией, как идея в качестве «мысленного образа чего-н.»¹⁶. Если первые представляют собой «правовые положения, выступающие в уголовно-процессуальной деятельности в качестве общеобязательных требований закона», а потому и рассматриваются как принципы уголовного процесса, то вторые как мировоззренческие категории «играют роль принципов науки»¹⁷. Согласие с такими суждениями позволяет однозначно констатировать то, что «в качестве уголовно-процессуальных принципов могут выступать только закрепленные в уголовно-процессуальном законе положения»¹⁸.

Претендующее на статус уголовно-процессуального принципа Российского государства социальное явление должно быть органично пропитанным следующими свойствами: во-первых, быть

---

¹⁴ См.: Зинатуллин З. З. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. СПб., 2013. С. 305–316; 366–374; Его же. De lege ferenda по структуре УПК РФ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 24–28; Его же: Уголовно-процессуальная наука постсоветской России. М., 2021. С. 14–23.

¹⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 547.

¹⁶ Там же. С. 219.

¹⁷ См. об этом: Принципы уголовного процесса / под общ. ред. Г. С. Русман, С. М. Даровских. М., 2022. С. 9.

¹⁸ Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России. М., 2021. С. 47–48.

монолитной составляющей демократической правовой природы российского государства; во-вторых, ориентированным целиком и полностью только на полноценную реализацию каждым человеком и гражданином предоставленных ему в соответствии с главой 2 Конституции РФ прав и свобод, выполнение государством своей обязанности по их признанию, соблюдению и защите (ст. 2 Конституции РФ); в-третьих, получившее свое законодательное закрепление в соответствующем уголовно-процессуальном установлении (в нашем случае – в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ). Указанные свойства (признаки, черты) являются доминантами при определении количественного состава уголовно-процессуальных принципов, их разновидностей и вложенного в каждый из них конкретного содержания.

Многочисленные, а по сути своей, нескончаемые дискуссии (зачастую и очень острые) по этим вопросам объяснимы не только субъективным состоянием дискутирующих (дуэлянтов в спорах), но большей частью постоянно изменяющимися условиями жизни социума, происходящими в государстве социально-экономическими преобразованиями, включающими в себя и состояние законодательной его составляющей, органичной частью которого является и уголовно-процессуальное законодательство в виде, в частности, и действующего на сегодня УПК РФ 2001 г. с внесенными в него соответствующими Федеральными законами изменениями и дополнениями, количественный и содержательный состав которых во многом не только изменил содержание подписанного Президентом России В.В. Путиным 18 декабря 2001 г. УПК РФ, но и не согласуются с условиями жизнедеятельности России во втором десятилетии XXI века. Несмотря на то, что о настоятельной необходимости разработки нового УПК РФ выше уже отмечалось, позволю вновь обратиться к гаранту нашей Конституции Президенту России В.В. Путину и к соответствующим законодательным органам с указанной просьбой.

Проблема уголовно-процессуальных принципов в силу своего стержневого характера постоянно находится в центре внимания уголовно-процессуальной науки. Свидетельством этого являются, в

частности, и целый ряд публикаций XXI века¹⁹. В их числе и моя работа – «Уголовно-процессуальная наука постсоветской России» с изложением авторского видения современного состояния с исследуемыми проблемами уголовно-процессуальных принципов. С учетом данного обстоятельства и во избежание не вызывающих особой необходимости повторений остановлюсь здесь лишь на отдельных, приобретших статус практически в результате, как представляется, сугубо субъективных трактовок действующего УПК РФ, либо наиболее дискуссионных, либо вообще не имеющих никакого отношения к категории уголовно-процессуальных принципов положений. В их числе, как ни странно, оказался и самым добросовестным образом работавший на основе ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. принцип всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств расследуемого или разрешаемого судом уголовного дела, отнесенного фактически без всякого обоснования идеологами УПК РФ 2001 г. к числу антагонических по отношению к принципам состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) и презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) принципам²⁰.

Вместе с тем совершенно понятно, что всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств расследуемого или разрешаемого уголовного дела есть не что иное, как добросовестное выполнение соответствующим должностным лицом своих служебных

---

¹⁹ См.: Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства. М., 2003; Даровских С. М. Принципы состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе. Челябинск, 2001; Зинатуллин Т. З., Закиров А. Д. Уважение чести и достоинства личности. Ижевск, 2004; Аширбекова М. Т., Кудин Ф. М. Принципы публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам. Волгоград, 2007; Томин В. Т. Уголовный процесс. Актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 95–135; Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовно-процессуальной науки. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015; Зинатуллин З. З. Избранные труды в 2 т. Т. II. СПб., 2013; С. 336–350; Принципы уголовного процесса / под общ. ред. Г. С. Русман, С. М. Даровских и др. М., 2022 и др.

²⁰ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, проф. Е. Б. Мизулина. М., 2002. С. 65.

обязанностей. И если тот или иной участник уголовно-процессуальной деятельности со стороны обвинения либо со стороны защиты ставит под сомнение качество такой деятельности, обоснованность сформулированных на основе собранных и исследованных по уголовному делу доказательств, выводов, то законодатель совершенно не препятствует такому участнику уголовного процесса обосновывать соответствующими доказательствами и материалами свои возражения и, соответственно, формулировать свои процессуально значимые по делу выводы и заявлять соответствующие ходатайства. А это и есть не что иное, как форма, способ проявления действия принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. Не было и просто не могло быть препятствий для реализации принципа состязательности при производстве по уголовным делам. Впрочем, и, как представляется, сам законодатель прекрасно понимает, что принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела не мог исчезнуть полностью из содержания самого же УПК РФ. Достаточно, к примеру, обратиться к условиям допустимости выделения материалов уголовного дела в отдельное производство, если это, как указано в ч. 2 ст. 154 УПК РФ, «не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела». На это же ориентированы содержащиеся в ст. 422 и 436 УПК РФ указания законодателя о возможных условиях выделения в отдельные производства уголовного дела в отношении несовершеннолетних или лиц, нуждающихся в применении к ним принудительных мер медицинского характера.

Компоненты необходимости соблюдения обосновываемого уголовно-процессуального принципа хорошо прослеживаются, в частности, и в практически регулярно принимаемых постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Чтобы убедиться в этом представляется вполне достаточным обратиться к содержанию Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», требуемому основывать выводы суда на исследованных и оцененных в судебном заседании доказательствах

(пункты 4 и 6), требующих того, чтобы приговор содержал в себе «анализ и оценку доказательств в отношении каждого подсудимого и по каждому (выделено авт.) обвинению (пункт 7), а также обстоятельным изложением всего того, что должно указываться в каждой из частей поставленного судебного приговора (пункты 11, 18 ч. 7). С учетом того, что прикрепленный идеологами УПК РФ 2001 г. к указанному принципу ярлык его антагонистичности по отношению к принципам состязательности сторон и презумпции невиновности сегодня все еще, к сожалению, сохраняется (какого-либо вразумительного обоснования этому так и нет), считаю необходимым существующую систему уголовно-процессуальных принципов дополнить принципом установления по делу объективной истины с указанием в его содержании того, что истина по уголовному делу может считаться достигнутой (установленной) лишь тогда, когда «знания оценивающего об обстоятельствах дела будут соответствовать реалиям»²¹. Законодатель суждения и предложения, исходящие из периферии России, чаще всего просто не слышит, не придает им значения. Не думается, что также он может относиться к мнению руководителей авторитетных государственных структур, включая, в частности, Следственный Комитет Российской Федерации. Вся история жизнедеятельности людей – яркое свидетельство истины о том, что «вода камень точит».

С учетом того, что современное наше государство является демократическим, надлежит возратить в число уголовно-процессуальных принципов гласность судебного разбирательства и равенство всех граждан перед законом и судом; а также изменить наименование закрепленного в ст. 18 УПК РФ принципа на обеспечение национального языка в уголовном судопроизводстве.

Что касается структурирования уголовно-процессуальных принципов, то представляется, что их надлежит классифицировать с позиции их служения выполнению назначения уголовного судопроизводства и стоящих перед ним задач (соответствующую норму о

---

²¹ См.: Зинатуллин З. З. Указ. соч. С. 53.

задачах надлежит сконструировать) и их проявлению на отдельных этапах производства по уголовным делам.

При этом законодатель совершенно прав, начав конструировать систему уголовно-процессуальных принципов с принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 71 УПК РФ), справедливо обозначенному в процессуальной литературе в качестве «принципа принципов уголовного процесса»²².

Считаю необходимым обратить особое внимание к конструированию в процессуальной литературе совершенно новых, неизвестных, скажу так, истории становления и развития уголовно-процессуального законодательства уголовно-процессуальных принципов. То, что развитие научной мысли имеет место, не может не радовать; такого рода факты можно и нужно только приветствовать. И условие при этом должно быть только их обоснованность реалиями материального мира, данными достаточно репрезентативного характера социологических исследований.

В связи с изложенным возникает ряд вопросов относительно видения авторов соответствующих предложений по конструированию как самого наименования, так и содержания отдельных из сконструированных положений заслуживающей к себе самого пристального внимания монографии «Принципы уголовного процесса» под общей редакцией доцента Г. С. Русман и профессора С. М. Даровских.

С учетом того, что содержание монографии еще должно, скажу так, вжиться во внутреннее состояние каждого из нас, что, естественно, потребует определенное время, изложу лишь свое предварительное видение по отдельным из поднимаемых в монографии вопросов.

Множество вопросов возникает, в частности, по содержанию главы второй, получившей наименование: «Общеправовые положения, реализуемые в уголовном судопроизводстве», с выделением и анализом таких, по мнению соответствующих авторов раздела, принципов, как правовая определенность (2.1); добросовестность

---

²² См.: Якимович Ю. К. Указ. соч. С. 105.

(2.2), отождествленная (надо так понимать) с принципом недопустимости злоупотребления правом; гуманизма (2.4); справедливости (2.5) и, скажу так, просто совершенно неожиданным и непонятным для меня принципом эффективности (2.3).

Одним из вызывающих необходимость своего разрешения является вопрос о тех гранях, где проходит раздел между правовыми и нравственными составляющими уголовно-процессуальной деятельности. Вопрос сам по себе чрезвычайно, скажу так, тонкий, в реалии практически не разрешимый, ибо все то, что законно, находится в рамках правых предписаний, то и нравственно, а, следовательно, гуманно и справедливо. Если подойти к выделяемым авторами в этом разделе работы принципам, то следует, что по своему существу любой нравственный принцип, которым должен руководствоваться человек, надлежит расценивать как тот или иной уголовно-процессуальный принцип. Теряется смысл необходимости какого-либо подразделения уголовно-процессуальных принципов, аксиологической их характеристики.

Что касается выделения одним из авторов монографии принципа эффективности с предпринятой попыткой раскрыть его содержание (раздел 2.3), скажу, что во многом непонятным представляется здесь все то, о чем ведет речь автор раздела, ограничившаяся, по сути дела, лишь констатацией, по ее мнению, невыработанности дефиниции эффективности уголовно-процессуальной деятельности и отсутствием единодушия относительно признаков (критериев) этого явления и общими фразами о том, что «эффективность всегда конкретна», тем, что «она универсальна», что «это синтетическая категория, охватывающая понятие экономические, правовые, технические и многие другие»²³.

Мне, проведшему ряд исследований по проблемам эффективности как самих правовых установлений, так и эффективности соответствующей правоприменительной (в частности уголовно-процессуальной) деятельности и защитившему уже в далеком 1984 г.

---

²³ Принципы уголовного процесса / под общ. ред. Г. С. Русман, С. М. Даровских. М., 2022. С. 68–69.

диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по проблеме «Эффективность уголовно-процессуального принуждения», представляется несколько неэтичным не обращать внимания на многочисленные предложения о необходимости получения обоснованных разъяснений по одной из самых глобальных проблем всей правовой материи, какой является проблема эффективности права и его составляющих, включая и все, что связано с познанием эффективности уголовно-процессуальной деятельности, эффективности отдельных институтов уголовно-процессуального права. В стороне, к примеру, остались вопросы, связанные с методикой выявления эффективности правовых установлений, с использованием в этих целях общих формул и специально разработанных матричных моделей. С учетом же еще и того факта, что по своей смысловой составляющей эффективная деятельность во многом совпадает с добросовестным выполнением определенной деятельности с тем, что относится к нравственной составляющей нашей жизни, которая никак не измеряется (нравственность как социально-эмоциональное явление в каждом конкретном случае либо проявляет себя, либо ее нет; третьего, в виде, скажем, нечто «среднего» не существует). По одним лишь этим причинам вряд ли оправдано формулировать эффективность в качестве уголовно-процессуального принципа. Позволю оценивать выделяемый автором принцип эффективности в качестве постановочного на современном этапе научных исследований в области постсоветской уголовно-процессуальной науки.

Вместе с тем считаю, что возможности использования разработанных способов и форм познания эффективности правовых предписаний и, соответственно, правоприменительной деятельности далеко не исчерпаны. Необходимость обращения особого внимания на это обстоятельство обуславливается, в частности, постановкой под сомнение отдельными учеными-процессуалистами даже достаточно прочно устоявшихся уголовно-процессуальных институтов.

В их числе и эффективность в современных условиях, по мнению проф. А. С. Александрова, «малопригодной существующей системы следственных действий» с предложением о ее замене

«универсальным следственным действием» в виде получения «цифровой информации машинным способом»²⁴. В чем усмотрел уважаемый профессор «малопригодность существующей системы следственных действий» остается неясной. Необоснованность в такого рода выводах недопустима. Возможностей познания эффективности социально-правовых явлений именно в условиях становления цифровых технологий становится больше. И в этом направлении уже делаются определенные шаги²⁵. Обращение в этих целях к использованию матричных моделей, элементы которых «отражают взаимосвязи изменений под действием нормы регулируемых ею общественных отношениях, цели нормы, исходного состояния обоснованных отношений, а также издержек ее применения» способно дать хорошие репрезентативные результаты²⁶.

При всем уважении к законодателям не думается, что даже в условиях капитализации хозяйственной деятельности государства представляются всесторонне и глубоко выверенными, в частности, все более широко распространенные практики применения института прекращения производства по уголовным делам по установленным ст. 25.1 и 28.1 УПК РФ основаниям. Возможно для бюджета страны такая практика и полезна. Но нельзя же игнорировать цели применения мер уголовного наказания за совершенное преступление, одной из которых, как указывает сам же законодатель в ч. 2 ст. 43 УК РФ, являются не только восстановление социальной справедливости, но и исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. В последние годы о профилактике преступлений стали почему-то просто забывать.

С позиции своей правомерности определенные вопросы вызывают и ряд других уголовно-процессуальных институтов. Среди

---

²⁴ См.: Александров А. С. Проблемы уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 133–134.

²⁵ Риски в праве: пути решения / под ред. проф. Л. Г. Татьяниной. М., 2020.

²⁶ Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 105.

них много нареканий вызывали предложения о возможности дифференциации уголовно-процессуальных производств. В развернувшейся еще в 70-е годы прошлого столетия острой дискуссии²⁷, идеологи УПК РФ 2001 года с преодолением возможных на их пути препятствий добились того, что к концу первого десятилетия действия УПК РФ 2001 г. в нем, наряду с обычным, получила свое закрепление еще и группа упрощенных уголовно-процессуальных производств в виде принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), а на основе Федерального Закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ еще и производство дознания в сокращенной форме (ст. 226.1–226.9 УПК РФ).

Не будучи сторонником упрощенных производств и тем более возможного расширения их перечня в виду одного лишь отступления в них от закрепленной ст. 7 УПК РФ доминантной составляющей о том, что любое из применяемых по уголовному делу процессуальных решений должно соответствовать требованиям своей законности, обоснованности и мотивированности (обоснованность во всех случаях предполагает подкрепление решения фактами, исследованными доказательствами²⁸, чего как раз и нет в установленных главами 40, 40.1 и 32.1 УПК РФ производствах); названные производства вынуждены принимать как состоявшуюся и достаточно твердо устоявшуюся на практике данность, ибо именно в таком порядке сегодня разрешаются абсолютное большинство уголовных дел о преступлениях средней и небольшой тяжести.

В завершение считаю необходимым обратить внимание еще на одну проблему, связанную с определением места уголовно-процессуальной науки в системе наук, связанных с познанием крими-

---

²⁷ См.: Строгович М. С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределе ее дифференциации // Соц. Законность. 1974. № 9.; Пашкевич П. О. Процессуальные формы судопроизводства нужно дифференцировать // Соц. Законность. 1974. № 9 и др.

²⁸ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 395.

нала и противодействием такому социальному злу, как преступление. Речь идет прежде всего о предмете уголовного процесса и, соответственно, о предмете уголовно-процессуальной науки.

Несмотря на то, что определенное видение по указанным вопросам получило свое отражение в печати²⁹, позволю обратиться внимание на отдельные очень важные в этом вопросе аспекты.

Начну с того, что, как ни странно, в ст. 5 УПК РФ, посвященной раскрытию содержания использованных по тексту УПК РФ основных понятий, дефиниции предмета уголовного процесса не существует. Нет ее и в учебно-методической литературе как советского, так и постсоветского периода жизни России. В большинстве своем все суждения о предмете уголовного процесса сводятся к регламентированной уголовно-процессуальным законом деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по расследованию и разрешению уголовных дел в сочетании с формирующимися при этом уголовно-процессуальными отношениями с последующим переходом к раскрытию содержания назначения российского уголовного судопроизводства³⁰. Вместе с тем «предмет» и «деятельность» – не однопорядковые категории. Если первое представляет собой «всякое материальное явление, вещь», то второе обозначает «занятие, труд, работа каких-то органов, сил природы»³¹. При таком раскладе составляющих содержание понятия уголовного процесса становится очевидной имманентная связь между предметом правоприменительной деятельности правоохранительных органов государства по борьбе с преступностью и защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ) и осуществляемой в этих целях

---

²⁹ См.: Зинатуллин З. З. Проблемы уголовного процесса России : сб ст. Ижевск, 2008; Его же. Избранные труды : в 2 т. СПб., 2013; Его же. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России. М., 2021 и др.

³⁰ См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М., 1989. С. 403; Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005. С. 10; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина и И. Б. Михайловской. М., 2010. С. 5–6 и др.

³¹ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. М., 1978. С. 532, 150.

уголовно-процессуальной деятельностью. Думается, что такого рода дефиницию предмета уголовного процесса (уголовного судопроизводства) и надлежит отразить в содержании ст. 5 УПК РФ (п. 25.1 ст. 5 УПК РФ).

При всем позитивном, что вложено в содержание ст. 6 УПК РФ, оно согласуется в этимологическом своем отношении только с указанием на «область, сферу применения кого-чего-н.»³² и совершенно не указывает на те средства, посредством которых в результате соответствующей уголовно-процессуальной деятельности только и можно обеспечить указанные в ч. 1 ст. 6 УПК РФ ценности. Речь идет о тех задачах, которые обязаны выполнять правоприменители по поступившему в их производство уголовному делу и используемых для этого средствах.

О несостоятельной необходимости формулирования непосредственно по тексту УПК РФ специальной нормы (статьи) о задачах уголовного процесса практически с первых же дней принятия УПК РФ 2001 г. все процессуалисты страны ведут речь³³. Ввиду того, что содержание предлагаемой статьи во многом совпадает с текстом содержания ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., считаю, что нет необходимости воспроизводить ее и здесь. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за каждое преступление посредством защиты прав и свобод человека и гражданина и есть именно то дело, служению которому и должны посвящаться все производства по уголовным делам.

Что касается вопроса о месте уголовно-процессуальной науки в системе наук, в которых исследуются проблемы, связанные с противодействием такому социальному злу, как преступность, то он,

---

³² Там же. С. 346.

³³ См.: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ. М., 2002; Зинатуллин З. З. Избранные труды в 2 т. Т. II. СПб., 2013. С. 367; а также обоснованные предложения профессоров В. А. Азарова, В. С. Балакшина, Х. А. Давлетов, Н. Г. Муратовой, Л. Г. Татьяниной и многих других ученых непосредственных правоприменителей России.

как представляется, достаточно основательно раскрыт такими известными учеными-процессуалистами, как проф. В. Г. Даев, проф. А. Д. Прошляков и их учениками³⁴. Позволю ограничиться суждениями проф. А. И. Александрова о том, что «именно благодаря уголовно-процессуальным правилам государство в лице своих правоохранительных органов устанавливает, при каких обстоятельствах это (т. е. преступление – уточнение авт.) произошло и кто именно нарушитель и назначает последнему справедливое наказание. Не будь уголовного процесса, нормы уголовного кодекса так и остались бы декларативными положениями, не обеспеченными каким-либо механизмом разрешения. С другой стороны, отмени государство уголовный закон – следом за ним исчезнет и уголовный процесс. Эту взаимосвязь характеризует выражение: «Уголовное право без уголовного процесса бессильно, а процесс без права бесцелен»³⁵.

Таковы некоторые из основных насущных, узловых проблем постсоветской уголовно-процессуальной науки, служению которой и призваны все мы.

---

³⁴ См.: Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982; Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998; Васильченко А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005; Муравьев К. В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона. М., 2019.

³⁵ Александров А. И. Актуальные проблемы уголовно-процессуальной политики современной России // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию д-ра юрид. наук, проф. З. З. Зинатуллина / под ред. проф. В. Г. Ившина и Л. Г. Татьяниной. Ижевск, 2013. С. 12.

В. С. Балакишин,
*профессор, д.ю.н., профессор кафедры
судебной деятельности и уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева»,
г. Екатеринбург*

СКОЛЬКО ИСТИН (И КАКИХ) НАДЛЕЖИТ УСТАНОВЛИВАТЬ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ? К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА З. З. ЗИНАТУЛЛИНА

Проблема, касающаяся цели уголовно-процессуального доказывания, как представляется, приобретает затяжной характер. И, видимо, продолжится до принятия нового уголовно-процессуального закона, в котором принцип состязательности займет равноправное положение с другими не менее важными принципами. А пока примат названного принципа над другими порождает немало проблем по многим практически значимым вопросам. Что, в свою очередь, приводит к ошибкам на различных стадиях уголовного судопроизводства. Одной из таких проблем, как отмечено выше, является определение цели уголовно-процессуального доказывания.

В этой связи уместно вспомнить о докторе юридических наук, профессоре, почетном работнике высшего профессионального образования Российской Федерации Зинуре Зинатулловиче Зинатуллине, которому в январе 2023 года исполняется 85 лет. Зинур Зинатуллович начал свой творческий путь после окончания юридического факультета Казанского государственного университета в качестве преподавателя Елабужской специальной школы МВД СССР, готовившей сотрудников для практической деятельности в органах милиции. Непосредственно общался с практическими работниками и через проблемы, с которыми они сталкивались на практике, окупался в проблемы правоприменения. Видимо, именно это общение обусловило в определенной степени выбор им темы кандидатской диссертации, которую он посвятил проблемам возмещения матери-

ального ущерба, причиненного преступлением. Но уже в тот период Зинур Зинатуллоевич заинтересовался проблемами уголовно-процессуального доказывания. Это можно объяснить тем, что в науке российского уголовного процесса немного тем, которые непосредственно либо опосредованно не выходят на основные положения теории доказательств. Другое дело, что не каждый ученый это замечает либо придает этому значение. В отличие от них З. З. Зинатуллин, занимаясь исследованием проблем возмещения ущерба, причиненного преступными действиями, проблем эффективности применения мер процессуального принуждения, не обходил вниманием сложную, проблемную, важную с позиций правоприменения и одновременно очень интересную тему доказательств и уголовно-процессуального доказывания.

В научной статье, опубликованной в 1972 году в журнале «Правоведение» под названием «Уголовно-правовая реституция как форма возмещения причиненного преступлением материального ущерба», юбиляр обратился к проблеме о судьбе вещественных доказательств³⁶. В частности, он поставил вопрос о несовершенстве ст. 85 УПК РСФСР, которая, «предусматривая возможность возвращения законным владельцам вещественных доказательств, не указывает, в какой форме это может быть сделано», имея в виду негативные последствия для уголовно-процессуального доказывания и итоговых решений по делу. По результатам проведенного исследования З. З. Зинатуллин сформулировал продуманные, реально выполнимые предложения, касающиеся возмещения материального ущерба посредством возвращения собственникам определенного вида вещественных доказательств. Исследуя вопрос об эффективности применения мер уголовно-процессуального принуждения, автор обращает внимание на то, что «многие из применяемых на предварительном следствии мер процессуального принуждения

---

³⁶ См.: Зинатуллин З. З. Уголовно-правовая реституция как форма возмещения причиненного преступлением материального ущерба // Правоведение. 1972, № 2. С. 117–119.

связаны с собиранием и исследованием средств доказывания»³⁷, иначе говоря, с уголовно-процессуальным доказыванием. Продолжая исследования в этом направлении, Зинур Зинатуллович не без оснований обращается к методологическим основам уголовно-процессуального доказывания, формируя для себя, по сути, принципы, которыми следует руководствоваться в ходе дальнейших научных исследований. В результате он приходит к важным для теории доказывания умозаключениям. Одна из работ, названная «Методологические предпосылки уголовно-процессуального доказывания»³⁸, посвящена этому вопросу. В ней автор приходит к выводам, которых продолжает придерживаться в дальнейших своих исследованиях.

Первый важный вывод исследователя сводится к тому, что уголовно-процессуальное доказывание есть объективная реальность, а поэтому «к его исследованию полностью применимы основные принципы, законы и категории философии и ее диалектический метод познания социальных явлений». Второй вывод – цель познавательной деятельности. По мнению юбиляра, таковая «заключается в получении истинных знаний об изучаемых явлениях». Наконец, третий важный вывод для исследователя – это то, что для познания действительности, поиска наилучших путей к истинному знанию неоценимое значение имеет определение правильного метода. В этом смысле, по мнению З. З. Зинатуллина, диалектика как всеобщий метод познания действительности «позволяет выбрать наиболее целесообразный способ познавательной деятельности, правильно ее организовать и успешно разрешить проблему»³⁹.

---

³⁷ См.: Зинатуллин З. З. Совершенствование правовой регламентации мер уголовно-процессуального принуждения как одно из условий повышения эффективности предварительного следствия // Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституции СССР : сб. ст. ; тезисы выступлений на науч.-практ конф. М., 1979. С. 21.

³⁸ Зинатуллин З. З. Методологические предпосылки уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 2. С. 22–30.

³⁹ Там же. С. 25.

Важнейшее значение для плодотворной деятельности Зинура Зинатулловича в выработке твердых позиций по ряду существенных проблем уголовно-процессуального доказывания явилось, как представляется, его убежденность в том, что материалистическая диалектика не абстрактна и должна конкретизироваться в зависимости от того, что исследуется. Квалифицировав по характеру и содержанию предмета познания все юридические науки на общетеоретические, отраслевые и специальные, определив науку уголовного процесса как отраслевую, он делает не совсем традиционный, но, представляется, обоснованный вывод, согласно которому «уголовный процесс есть в большей своей части не что иное, как уголовно-процессуальное доказывание». «Без него, – пишет автор, – невозможно установить по уголовному делу объективную истину, выполнить стоящие перед уголовным процессом задачи. Отсюда ни одно научное исследование в области уголовного процесса не может обойтись без соприкосновения с теми или иными проблемами уголовно-процессуального доказывания»⁴⁰.

Не менее пристального внимания заслуживает еще один важный вывод, которым, по мнению З. З. Зинатуллина, необходимо руководствоваться в научных исследованиях. С его точки зрения, он заключается в том, что «Ответственным этапом исследования **являются сбор и накопление фактического материала**. Можно применить для обработки и анализа полученных данных сложные методы, дорогостоящую технику, однако результаты и выводы окажутся недостоверными, если были нарушены правила сбора информации. Полученная информация должна быть надежной, адекватной, репрезентативной и объективной, ибо только в таком случае конечные выводы и результаты будут правдивыми»⁴¹. Пожалуй, точнее не скажешь. Хотя далее автор справедливо предупреждает: «Но процесс научного познания нельзя представить упрощенно: сначала эмпирия, а затем – теория. Эмпирические исследования,

---

⁴⁰ Зинатуллин З. З. Методологические предпосылки уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 2. С. 25.

⁴¹ Там же. С. 25.

связывая практику с теорией, сами нуждаются в теоретическом обосновании. Теория разрабатывает гипотезы, которым подчинен выбор направлений, объектов и конкретных методов эмпирического исследования. Теория же обеспечивает научную интерпретацию собранного фактического материала»⁴².

Подчеркивая необходимость использования в исследованиях законов диалектики, З. З. Зинатуллин указывает, что «использование в уголовно-процессуальном доказывании названных приемов и методов возможно лишь на основе принципов диалектики, в полном согласовании с ее законами и категориями». Выступая в своем монолитном единстве, – считает он, – они представляют некую систему. «Ее ядро составляют принципы, непосредственно связанные с основным вопросом философии: материальность, отражение и первичность материи по отношению к сознанию... К основным гносеологическим принципам относятся такие, как познаваемость явлений материального мира, объективность и всесторонность их исследований, историзм, изучение явлений в развитии, конкретность»⁴³. И наконец, по мнению ученого, достоверные выводы исследований невозможны, если «забываются» основные законы диалектики: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания. Можно приводить другие работы профессора З. З. Зинатуллина, в которых он последовательно придерживается выработанных для себя принципов научного познания. Одной из проблем, которой он уделял и уделяет пристальное внимание, есть проблема целей уголовно-процессуального доказывания. Сразу следует отметить его бескомпромиссную позицию по данному вопросу. Здесь достаточно напомнить, что после принятия Концепции судебной реформы, а затем при разработке УПК РФ точка зрения, согласно которой целью уголовно-процессуального доказывания является достижение объективной истины, подверглась не просто критике, а неприятию как таковой. Причем

---

⁴² Зинатуллин З. З. Методологические предпосылки уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 2. С. 26.

⁴³ Там же. С. 27.

не только учеными в области уголовного процесса и криминалистики, но и других научных направлений. Так, методолог В. В. Никитаев, подвергнув критике позицию процессуалистов, полагающих, что целью уголовного процесса является достижение материальной истины как полного и точного соответствия выводов следствия и суда об обстоятельствах совершенного преступления объективной действительности, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц, утверждал: «Объективная (материальная) истина есть фикция, точнее, юридическая фикция, позволяющая использовать уголовный кодекс для постановления приговора; а потому ее сохранение как средства уголовного процесса предполагает, что на первое место будет поставлена процессуальная истина». При этом он понимал под данной истиной не знания об обстоятельствах общественно опасного деяния, базирующиеся на проверенных и оцененных судом в ходе судебного следствия в совещательной комнате, а «соответствие судебного процесса (а значит и его результата) требованиям процессуального права»⁴⁴. Такую же позицию занимает С. А. Пашин. Главное здесь, по его мнению, соблюсти процессуальный порядок судопроизводства и цели достигнуты, поскольку «юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом»⁴⁵.

Исследуя данную точку зрения, Л. Т. Ульянова отметила, что попытка отказаться от установления истины в уголовном процессе в 1991 году была предпринята Е. Б. Мизулиной, возглавившей позже рабочую группу по разработке УПК РФ⁴⁶. Действительно, Е. Б. Мизулина полагала, что постановка вопроса о существовании

---

⁴⁴ Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление. Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий. Выпуск I, часть II. М., 1990. С. 301.

⁴⁵ Пашин С. А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: Юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М., 1999, – 384 с.

⁴⁶ См.: Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учеб. пособие. М., 2008. С. 20.

в уголовном процессе истины «неправомерна не только потому, что не содержит в себе ответа, но и потому, что вообще не может быть отнесена к числу уголовно-процессуальных парадигм. В сфере, которая именуется уголовным процессом, можно и нужно говорить об истинности способа осуществления уголовно-процессуальной деятельности, но не ее результата»⁴⁷. Вот так, не больше и не меньше, не задумываясь, а для каких целей все-таки данная деятельность осуществляется, в которую вовлекаются тысячи юристов, специалистов, граждан, государство в целом. Несколько мягче, но с тем же подтекстом уже после принятия УПК РФ 2001 г. полагала известный процессуалист П. А. Лупинская, некоторые другие авторы⁴⁸. Так, по мнению П. А. Лупинской: «Характерные черты смешанного процесса, и особенно правила доказательственной деятельности, как и требования, предъявляемые к уровню доказанности обстоятельств, положенных в обоснование принятого решения, свидетельствуют о том, что, ставя перед лицами, ведущими судопроизводство, конкретные практические задачи и регламентируя процессуальные правила их достижения, закон не связывает признание законности решений с достижением истины по делу. – И далее, – Известно, что требование достижения истины по каждому делу присуще инквизиционному процессу, который предоставлял возможность использовать для этого любые средства, в том числе и те, которые несовместимы с защитой жизни, здоровья, чести и достоинства человека»⁴⁹. Трудно сказать, какой исторический период времени имела в виду Полина Абрамовна, но снизводить до ею сказанного выше советский период после принятия УПК РСФСР

---

⁴⁷ Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991.

⁴⁸ См., н-р: Подольный Н. Фантомы уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2004. № 4. С. 49; Карякин Е. А. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ). Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 417–423.

⁴⁹ Лупинская П. А. Доказательственное право в УПК РФ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ. М. : МГЮА, 2002. С. 80–81.

есть основания квалифицировать как необъективную оценку. И здесь надо отдать должное З. З. Зинатуллину. Не взирая на авторитеты, он по данному вопросу занял последовательную и принципиальную позицию, отвергнув всякие сомнения в том, что целью уголовно-процессуального доказывания может быть не объективная истина, а какая-то другая категория. В статье, опубликованной в том же сборнике, что и статья П. А. Лупинской, З. З. Зинатуллин и Т. З. Зинатуллин писали, что в УПК РФ нет даже малейшего намека на необходимость установления по делу объективной истины. «Законодатель, – указывают они, – вполне довольствуется простым перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, тем, что «приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен с соблюдением порядка, установленного настоящим Кодексом, и основан на правильном применении уголовного закона». О том, что приговор должен быть истинным, законодатель даже не упоминает»⁵⁰. Подтверждая эту позицию, Зинур Зинатуллоевич в следующей работе пишет, что «достижение объективной истины по уголовному делу на основе уголовно-процессуального доказывания во многом предопределяется четким представлением о предмете данной деятельности». По его мнению, любые черты, свойства того или иного деяния, в том числе и преступления, существуют объективно, независимо от сознания следователя, прокурора, суда. Поэтому уголовно-процессуальное доказывание и есть познание реальной действительности, фактов и обстоятельств конкретного уголовного дела в их социально-правовой сущности. Однако «нельзя отделять процесс отыскания истины по делу от применения следователем, прокурором, судьей норм права, поскольку это есть две стороны единого процесса, которые переплетаются, взаимовозникают в процессе познания окружающей, независимой от нашего сознания объективной

---

⁵⁰ Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. УПК РФ 2001 года и проблема надлежащего уголовно-процессуального регулирования : материалы Международн. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ. М. : МГЮА, 2002. С. 80–81.

реальности»⁵¹. От данной позиции автор не отступил и далее, углубив ее и кокретизировав. В статье «Сколько же истин (и каких) надлежит устанавливать по одному уголовному делу?» З. З. Зинатуллин, подвергнув критике точку зрения А. А. Кухты, утверждавшего, помимо других тезисов, что «правосудный приговор должен сочетать в себе рациональную истину и этическую правду», однозначно указал, что является целью уголовно-процессуального доказывания и почему это так важно. По его мнению, «...устанавливаемая по расследуемому и разрешаемому уголовному делу истина есть не что иное, как знание о соответствии реальной действительности выводов следственно-судебных органов о наличии или отсутствии искомых по конкретному делу фактов и обстоятельств в их правовой сущности»⁵². Более того, усомнившись в объективности «идеологов УПК РФ», исключивших из УПК требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств по каждому уголовному делу, автор предложил: «Не лучше ли законодателю прислушаться к реалиям жизни и восстановить такое требование в статусе уголовно-процессуальных принципов, как это, к примеру, закреплено в ст. 18 УПК Республики Беларусь и ст. 24 УПК РФ Республики Казахстан?». Ибо по его, З. З. Зинатуллина, мнению, «Названный принцип выступает в качестве гарантии, действенного правового средства установления объективной истины по каждому расследуемому и разрешаемому уголовному делу». И, напротив, нигилистическое отношение к вопросу о необходимости установления по каждому уголовному делу объективной истины может повлечь серьезные негативные последствия: «во-первых, это прямой путь к возможному осуждению лиц, не виновных в преступлении; во-вторых, это один из возможных способов оправдания нерадивого, халатного отношения к исполнению соответствующими должностными лицами (следователя, судьями и т. д.) своих служеб-

---

⁵¹ Зинатуллин З. З. уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 2003. С. 69–71.

⁵² Зинатуллин З. З. Сколько же истин (и каких) надлежит устанавливать по одному уголовному делу? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 2. С. 25–26.

ных обязанностей; в-третьих, это путь к формированию у граждан, и в частности потерпевших от преступления лиц, неверия в способность правоохранительных органов раскрывать преступления, устанавливать и изобличать виновных в них лиц»⁵³. Безусловно, можно назвать и другие негативные последствия. Однако представляется и указанных достаточно, чтобы поддержать точку зрения ученого.

В заключение отметим, что, будучи прирожденным педагогом, З. З. Зинатуллин и здесь показывает пример нравственности, уважения основ общества, чести и достоинства человека. Он стремился и стремится воспитывать студентов в духе уважения к закону, морали, нравственной чистоте. Пример тому – категорическое несогласие с позицией профессора А. С. Александрова. Последний попытался «синтезировать» то, что синтезировать невозможно по определению: мораль, нравственность, с одной стороны, и с другой – неограниченную, по сути, возможность использования в целях «выиграть» дело таких тактических приемов, как «мягкая ложь», «конструктивная двусмысленность, просеивание фактов, их направленное освещение ... дискредитация личности»⁵⁴. Причем в работе, посвященной не проблемам уголовно-процессуального познания, доказывания или тактики осуществления защиты, а в работе, в которой рассматриваются вопросы прежде всего судебной этики⁵⁵. По мнению профессора З. З. Зинатуллина, с которым невозможно не согласиться, мысли, изложенные в этой статье, не согласуются с этическими постулатами, с такими основными категориями этики, как добро и благо, справедливость и долг, совесть и ответственность, достоинство и честь. Рассмотрев позицию названного автора

---

⁵³ Зинатуллин З. З. Сколько же истин (и каких) надлежит устанавливать по одному уголовному делу? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 2. С. 26–27.

⁵⁴ См.: Зинатуллин З. З. О судебной этике, правде, «допустимости» лжи и еще некоторых уголовно-процессуальных вопросах // Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А. А. Чувилева: сб. ст. Омск : Омская академия МВД России, 2011. С. 72.

⁵⁵ Александров А. С. Судебная этика и тактика // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2009. № 2 (2). С. 8–9.

через призму истины в уголовном процессе, профессор З. З. Зинатуллин, следует отметить, по-доброму порекомендовал коллеге лишь одно: «не запутывать тех, кто делает первые шаги в юриспруденции». Ибо «надо, чтобы человек усвоил, прежде всего, позитивную сторону судебной этики, усвоил «цветы» человеческой цивилизации, учить человека честности, правде, а «не навязывать» под рубрикой «тактика» то, что вообще-то не должен делать человек»⁵⁶. Подводя итог проведенному в названной статье анализу, он пишет: «Вводить в заблуждение молодых в характере и содержании устанавливаемой по уголовному делу истины не нужно. Правда есть правда. Таких же слов, как «полуправда», «мягкая ложь» (значит, есть еще какая-то иная ложь), в уголовном процессе быть не должно»⁵⁷. Заканчивая статью, остается пожелать профессору Зинуру Зинатулловичу Зинатуллину здоровья, дальнейших творческих успехов, дальше придерживаться той же позиции по вопросу о цели уголовно-процессуального доказывания, всего наилучшего.

Список литературы

1. Александров А. С. Судебная этика и тактика // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. – 2009. – № 2(2). – С. 8–9.
2. Зинатуллин З. З. Уголовно-правовая реституция как форма возмещения причиненного преступлением материального ущерба // Правоведение. – 1972. – № 2. – С. 117–119.
3. Зинатуллин З. З. Совершенствование правовой регламентации мер уголовно-процессуального принуждения как одно из условий повышения эффективности предварительного следствия // Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституции СССР: тезисы выступлений на науч.-практ конф. – М., 1979. – С. 21.

---

⁵⁶ Зинатуллин З. З. О судебной этике, правде, «допустимости» лжи и еще некоторых уголовно-процессуальных вопросах. 2011. С. 70, 75.

⁵⁷ Зинатуллин З. З. О судебной этике, правде, «допустимости» лжи и еще некоторых уголовно-процессуальных вопросах. 2011. С. 75

4. Зинатуллин З. З. Методологические предпосылки уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. – 1993. – № 2. – С. 22–30.

5. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. УПК РФ 2001 года и проблема надлежащего уголовно-процессуального регулирования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ. – М. : МГЮА, 2002. – С. 80–81.

6. Зинатуллин З. З. уголовно-процессуальное доказывание. – Ижевск, 2003. – С. 69–71.

7. Зинатуллин З. З. О судебной этике, правде, «допустимости» лжи и еще некоторых уголовно-процессуальных вопросах // Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А. А. Чувилева : сб. ст. – Омск : Омская академия МВД России, 2011. – С. 72.

8. Зинатуллин З. З. Сколько же истин (и каких) надлежит устанавливать по одному уголовному делу? // Уголовное судопроизводство. – 2011. № 2. – С. 25–26.

9. Карякин Е. А. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ). – Екатеринбург, 2005. – Ч. 1. – С. 417–423.

10. Lupinskaya P. A. Доказательственное право в УПК РФ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ. – М. : МГЮА, 2002. С. 80–81.

11. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. – Тарту, 1991.

12. Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление. Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий. Выпуск I, часть II. – М., 1990. – С. 301.

13. Пашин С. А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: Юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. – М. : Метод. Комитет содействия правовой реформе, 1999. – 384 с.

14. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процесс России : учеб. пособие. – М., 2008. – 176 с.

Н. Ю. Волосова,

д.ю.н., доцент, зав. кафедрой

уголовного права ФГБОУ ВО «Оренбургский

государственный университет»,

г. Оренбург

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Положения ст. 105.1 УПК РФ действуют более четырех лет. За это время сложилось определенное мнение о сущности и целесообразности введения данной меры пресечения, а также сформировалась правоприменительная практика ее применения, которая позволила выявить как положительные моменты, так и проблемы.

По данным статистики ходатайства об избрании запрета определенных действий составляют примерно около 3 % всех ходатайств об избрании домашнего ареста, заключения под стражу и залога в качестве меры пресечения.

За январь–июнь 2022 года суды рассмотрели 1637 материалов об избрании запрета определенных действий в качестве меры пресечения, удовлетворено было 1457 заявленных ходатайств [8] или 89 %.

Среди положительных моментов введения данной меры пресечения следует выделить существенное расширение видов мер пресечения, а следовательно, и развитие данного института; возможность при их применении выбирать более эффективные, учитывающие гуманистические начала уголовного судопроизводства, а также подойти к избранию меры пресечения с учетом особенностей личности подозреваемого и обвиняемого и иных обстоятельств, индивидуализировать их применение. Рядом исследователей также было выделено стремление законодателя обеспечить разумный баланс интересов сторон и нормальное течение уголовного судопроизводства [1]; способствование реализации назначения уголовного судопроизводства, провозглашающего необходимость защиты прав и законных интересов лица [6].

Несмотря на положительную оценку предложенной меры пресечения, следует отметить некоторую недоработанность законодателем ее положений и механизма реализации, что было отражено в работах многих исследователей.

Среди критических замечаний были высказаны следующие:

- двойственное толкование п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, которое способно отодвинуть на второй план интересы потерпевшего [5];
- перечень, содержащийся в ст. 105.1 УПК совпадает с ограничениями и запретами, закрепленными применительно к домашнему аресту (ч. 7 ст. 107), что создает правоприменителю трудности в их разграничении [4];
- вызывает возражение применение запрета определенных действий по судебному решению [2].

Рассматриваемая мера пресечения состоит в запрете:

- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый или обвиняемый в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Анализ действующего законодательства позволяет отметить, что запреты предусмотрены и при применении иных мер пресечения. В частности, при избрании подписки о невыезде на подозреваемого и обвиняемого налагаются следующие запреты:

- не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда;

- в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд;
- иным путем не препятствовать производству по уголовному делу.

В связи чем в своих исследованиях З. З. Зиннатуллин и Т. З. Зиннатуллин отметили, что запрет определенных действий в качестве меры пресечения по своей правовой природе, содержанию, назначению и социальной ценности есть своего рода дубликат такой устоявшейся и широко используемой в правоприменительной деятельности меры пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) [2].

Однако практические работники положительно оценивают введение ст. 105.1 УПК РФ, указывая не только на ее эффективность по сравнению с подпиской о невыезде, но и на необходимость гуманизации уголовного процесса и расширение применяемого пресекательного механизма.

Избрание любой меры пресечения направлено на обеспечение должного поведения подозреваемого и обвиняемого и явку к дознавателю, следователю или в суд.

На сайте Президента РФ В.В. Путина содержится следующее пояснение относительно введения данной меры пресечения: закон направлен на создание условий для избрания в отношении обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений альтернативных заключению под стражу мер пресечения, и суть его заключается в возможности ограничения прав и свобод, кроме изоляции в жилом помещении [7].

В период интенсивного изменения общественных отношений, формирования в обществе уважительного отношения к законодательным предписаниям востребован иной механизм обеспечения правомерного поведения подозреваемого и обвиняемого помимо существующих мер пресечения, который бы мог применяться как альтернатива.

В данной статье ввиду ограниченного объема будет затронута только такая мера пресечения, как запрет использования средств

связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Законодатель в п. 8 ст. 105.1 УПК РФ предусмотрел исключения и изъятия из реализации данного запрета: подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, с дознавателем и контролирующим органом.

Анализ правоприменительной практики позволил отметить, что в большинстве постановлений об избрании данного запрета отсутствовало указание на возможность подозреваемого и обвиняемого общаться посредством данных средств коммуникации со своим защитником. Это приводит при ее применении к нарушению прав участников уголовного судопроизводства, в отношении которых данное ограничение было введено.

Любая мера пресечения должна быть обеспечена гарантиями защиты прав личности, в отношении которой она применяется. Однако, что касается запрета использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», законодатель дополнительных гарантий не предусмотрел.

Из опрошенных нами респондентов, к которым был применен данный запрет (в опросе участвовал 51 обвиняемый), большинство столкнулись с указанной проблемой. Анкетирование защитников (в опросе участвовало 68 адвокатов) показало следующие результаты: при избрании этой меры пресечения всеми без исключения, участвующими в опросе, заявлялось ходатайство, в котором была просьба к суду при вынесении постановления указать на возможность использования этих средств для общения с защитником. Однако суд в большинстве своем в постановлении приводил только положения, содержащиеся в ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ. Отсутствие прямого указания в постановлении при избрании этой меры пресечения на возможность общения со своим защитником может быть расценено в качестве нарушения установленных судом запретов. И в этой ситуации формально нарушение будет на лицо.

Анализ правоприменительной практики показывает, что суды не расширяют действие законодательных положений, даже с учетом того, что ими нарушаются права и свободы участников уголовного судопроизводства.

А между тем нормы международного права право обвиняемого на общение со своим адвокатом рассматривают как основу справедливого судебного разбирательства, Конституция РФ в ст. 48 гарантирует получение квалифицированной юридической помощи и право на пользование помощью адвоката, а ст. 16 УПК РФ указывает на то, что государство обеспечивает право на защиту. Положения ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ входят в определенный диссонанс с положениями как международного, так и национального права.

В этой связи особую озабоченность вызывает тот факт, что в случае невозможности иными средствами и способами связаться со своим адвокатом ввиду наложения судом прямого запрета на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» обвиняемый будет лишен права на получение квалифицированной юридической помощи, и как следствие – права на защиту, а предпринятая им попытка связаться со своим адвокатом может быть рассмотрена как нарушение запретов, содержащихся в постановлении суда.

Все это наводит на мысль, что законодатель не сформировал действенный механизм защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, в отношении которых был избран данный запрет.

Решение законодателя было несколько непродуманным. Цель расширения мер пресечения законодателем была достигнута, однако любая норма только тогда впишется в единую систему эффективного правового регулирования, когда она будет отвечать как интересам правосудия, так и интересам личности. В рассматриваемой ситуации законодатель не включил защитника в число лиц, общение с которыми не может быть ограничено.

Полагаю необходимым при принятии решения об избрании в качестве меры пресечения запрета определенных действий в виде использования средств связи и информационно-телекоммуникаци-

онной сети «Интернет» установить дополнительное исключение из данного запрета в качестве гарантии права на защиту – возможность использования данных средств коммуникации для общения со своим защитником.

В связи с чем полагаю, ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

– подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, дознавателем, контролирующим органом и со своим защитником.

Именно такой подход позволит сформировать защитный механизм при избрании этой меры пресечения и обеспечить соблюдение баланса между публичной необходимостью и частным интересом.

Список литературы

1. Вастьянова О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России : дисс ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2022. – С. 3.

2. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Очередные парадоксы уголовно-процессуального регулирования // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 4. – С. 18–22.

3. Калентьева Т. А. О некоторых вопросах избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий на примере судебной практики Самарской области // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / науч. ред.: О. И. Андреева, Т. В. Трубникова ; отв. секретарь И. В. Чаднова. – Томск, 2019. – С. 45–52.

4. Петрова Г. Б., Лавнов М. А. Запрет определенных действий: правовая природа и особенности применения // Вестник СГЮА. – 2018. – № 6 (125). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-opredelennyh-deystviy-pravovaya-priroda-i-osobennosti-primeneniya> (дата обращения: 25.12.2022).

5. Петровских А. С., Смахтин Е. В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 4 (106). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-opredelennyh-deystviy-tolkovanie-i-problemy-primeneniya> (дата обращения: 27.12.2022).

6. Усачев А. А., Котлярова Л. Н. Запрет определенных действий как новая мера пресечения // Вестник РПА. – 2019. – № 4. – С. 36.

7. Уголовно-процессуальный кодекс дополнен статьей, предусматривающей новую меру пресечения – запрет определённых действий // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57291>

8. Статистика. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096>

О. А. Максимов,

д.ю.н., доцент, заведующий

кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО

«Ульяновский государственный университет»

г. Ульяновск

О СУЩНОСТИ ХОДАТАЙСТВ И ЖАЛОБ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

УПК содержит огромное количество форм «процессуального общения» – ходатайства, жалобы, просьбы, требования, возражения, мнения и многое другое. Такое разнообразие обращений лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, к лицам и органам, осуществляющим уголовный процесс, а также отсутствие стабильного и непротиворечивого регулирования складывающихся при их рассмотрении и разрешении правоотношений заставляют искать способы определения места каждого из обращений в общей системе взаимодействия различных участников уголовного судопроизводства с целью применения к сходным средствам сходных механизмов правового регулирования.

При этом стоит отметить, что на практике такие обращения, как ходатайства и жалобы чаще всего расцениваются как просьбы заявителя к «всемогущим» органам и лицам, ведущим уголовный процесс, и, соответственно, рассматриваются последними в большинстве случаев исходя из их собственного понимания целесообразности удовлетворения. Однако следует отметить, что ходатайства и жалобы основаны далеко не только на желании заявителей. В их основе лежат прежде всего субъективные права обращающегося и полномочия органов и лиц, их разрешающих, что выводит их на более высокий публичный уровень и требует к ним соответствующего отношения.

Адресатами ходатайств и жалоб являются сторона обвинения (только на досудебных стадиях) или суд. В самом упрощенном виде функция обвинения состоит в установлении события преступления,

изобличении лица или лиц, виновных в его совершении. Суд правомочен признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание. При этом для того, чтобы полноценно исполнить эти уголовно-процессуальные функции, обстоятельства дела должны быть установлены в полном объеме, без упущений и отказа от деталей. Значение обстоятельств, деталей, их «существенность» могут быть определены только при условии их познания. Познание всех обстоятельств дела является основанием реализации как функции обвинения, так и функции разрешения дела. Это к вопросу об истине, ее установлении. Несмотря на отсутствие в законе указания на требование о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, такая обязанность процессуальных лиц и органов вытекает из требования о законности, обоснованности и мотивированности принятых по делу решений (ст. 7 УПК РФ). Таким образом, любое ходатайство о совершении действий, направленных на доказывание обстоятельств по делу, основывается на неэффективном (по мнению обращающегося) исполнении своей функции стороной обвинения при осуществлении доказывания.

Обращение участника уголовного процесса к компетентному государственному органу с требованием о том, чтобы в производстве по делу были учтены его интересы, защищены его права и пр. свидетельствует о том, что ранее эти интересы, права и др. (по мнению заявителя) игнорировались; выбор следователя оценивается как нарушающий права. Такое ходатайство продиктовано мнением о выходе при осуществлении процессуальной функции за рамки, установленные принципами уголовного судопроизводства. Так, заявляя ходатайство об изменении меры пресечения на более мягкую, лицо указывает на излишнее (по его мнению) ограничение и, соответственно, нарушение ранее принятым решением его прав и свобод и необходимости эти права восстановить новым решением.

Таким образом, большинство ходатайств основываются на негативной оценке ранее совершенных действий и принятых решений и состоят в требовании о совершении действия (бездействии,

принятии решения), необходимого исходя из публичной обязанности соответствующего компетентного лица или органа в рамках осуществления его функции, а не только в связи с желанием обращающегося.

Еще более четко проявляется объективный правозащитный элемент в жалобах, в которых прямо указывается на незаконность ранее произведенных действий, бездействия или принятых решений.

Сказанное не означает, что оценка лицом, подающим ходатайство (жалобу), состоявшегося производства по уголовному делу всегда является правильной и каждое такое обращение должно быть удовлетворено, но позволяет уяснить сущность ходатайства и жалобы, как выражения волеизъявления лица, вовлекаемого в уголовное судопроизводство, объективно основанного на субъективных правах человека и полномочиях лиц и органов, осуществляющих уголовный процесс.

В связи с этим необходимо уделить внимание соотношению в содержании ходатайств и жалоб «просьбы» и «требования». Указанные понятия имеют достаточно четкие различия, прослеживающиеся уже из их словарных определений. В отличие от просьбы [1, с. 374, 380; 2, с. 653, 659; 3, с. 620, 623; 4, с. 501; 5, с. 613] требование [1, с. 797, 798; 6, с. 411; 5, с. 791; 3, с. 809; 7, с. 417] предполагает наличие уверенности обращающегося в том, что существует возможность его удовлетворения, и оно должно быть удовлетворено вне зависимости от мнения адресата.

Законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе РФ достаточно вольно обращается с понятиями «просьба» и «требование». Найти что-либо общее и специфичное в уголовно-процессуальных обращениях, поименованных УПК РФ как «просьбы» либо «требования», достаточно сложно, что позволяет нам сделать вывод о недостаточной проработке указанного вопроса при написании текста УПК РФ и заставляет искать собственные критерии разграничения «требований» и «просьб».

Возвращаясь к лексическому значению рассматриваемых понятий, применительно к требованию, в отличие от просьбы, можно

выявить некую «презумпцию его удовлетворения». Гражданское законодательство Российской Федерации имеет достаточно четкие критерии, позволяющие определить «требование». Статья 382 ГК РФ отождествляет «требование» с правом на исполнение кредитом обязательства. Такое исполнение признается обязательным, отказ от него в одностороннем порядке, как правило, невозможен (ст. 310 ГК РФ), и оно гарантируется государственным принуждением (ст. 308.3 ГК РФ).

На чем может базироваться такая презумпция применительно к уголовно-процессуальным правоотношениям? Представляется, что прежде всего в основе определения «требования» лежит наличие у обращающегося субъективного права, гарантированного к реализации. Необходимость удовлетворения уголовно-процессуального требования обосновывается тем, что у лица имеется субъективное право, гарантированное путем запуска к действию полномочий государственных органов и лиц, осуществляющих уголовный процесс. Права человека, как известно, имеют высшую ценность и их ограничение возможно только в строго оговоренных рамках, что в уголовном процессе проявляется в виде вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения об этом. Исходя из того, что ходатайства и жалобы в уголовно-процессуальном регулировании имеют одинаковое назначение – они направлены на приведение в «действующее», «рабочее» состояние имеющегося у обращающегося права [8, с. 95], такие обращения могут быть отнесены именно к требованиям. Разрешая ходатайство или жалобу, органы и лица, осуществляющие уголовный процесс, оценивают возможность и необходимость преодоления выявленной нами ранее «презумпции удовлетворения требования» и отказывают в удовлетворении обращения только в рамках закона, то есть найдя для этого основания (юридические и фактические) и мотивы. Произвольное разрешение ходатайства или жалобы, не включающее в себя при принятии решения оценку необходимости ограничения прав обращающегося, будет незаконным, в связи с чем следует разделить позицию А. А. Давлетова и Р. Ш. Асанова о несостоятельности вывода

«о том, что реализация участниками досудебного производства их законных прав зависит от дозволения правоприменителя» [9, с. 10].

При этом следует высказать несогласие с мнением указанных исследователей (касательно ходатайств) о том, что «одни обращения относятся к сфере публичного интереса органов предварительного расследования и потому разрешаются по усмотрению следователя, а другие направлены на реализацию прав личности, где роль следователя носит обеспечительный характер». Мы настаиваем на том, что все обращения, разрешаемые следователем в рамках производства по уголовному делу (ходатайства), основаны на имеющихся правах личности и их (не)удовлетворение зависит не от их (не)совпадения с публично-правовыми задачами, стоящими перед следователем, а от обоснованной возможности и необходимости ограничения субъективных прав в рамках, установленных законом.

Косвенным подтверждением такого подхода является, в частности, имеющееся в законе положение о необходимости вынесения в случае разрешения жалобы или отказа (частичного отказа) в удовлетворении ходатайства процессуального акта лицом, разрешающим обращение, а также разделяемая нами позиция о необходимости вынесения такого акта и в случае удовлетворения ходатайства [10, с. 265]. Решение по заявленному требованию, выраженное в акте, позволяет оценить его законность, обоснованность и воздействие на права иных участников уголовного судопроизводства и объективизирует преодоление «презумпции удовлетворения требования».

Специфика уголовно-процессуальных отношений такова, что имеющиеся ограничения субъективных прав человека при его вовлечении в уголовный процесс достаточно четко прописаны, поэтому объем прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, достаточно велик, что делает большинство обращений в рамках уголовного дела именно требованиями, однако «просьбы», то есть обращения, не основанные на правовом статусе участника процесса, также имеют место. Так, заявление об ускорении рассмотрения дела – не требование, а просьба, так как не подкреплено полномочиями процессуальных органов [11, с. 54; 12, с. 132; 13, с. 94]. Для отнесения

его к уголовно-процессуальным требованиям необходимо наделить соответствующие органы и лица конкретными полномочиями, гарантирующими реализацию права на разумное судопроизводство, как, например, предлагает А. Р. Белкин [10, с. 25–26].

По делу могут быть поданы различные просьбы, не основанные на имеющихся субъективных правах заявителя (о свидании с заключенным под стражей, передаче ему вещей и т. д.), однако они выходят за рамки уголовного судопроизводства и по этой причине не разрешаются в порядке, установленном УПК РФ, хотя вполне могут удовлетворяться. Порядок работы с ними – в соответствии с требованиями Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

В отличие от просьб ходатайства и жалобы в уголовном судопроизводстве по своей сущности являются именно «требованиями», которые запускают специфические уголовно-процессуальные механизмы, гарантирующие более высокий уровень соблюдения прав личности и достижение публичного интереса.

Список литературы

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. П–Я. – Москва : Издательство «Русский язык», 2000. – 1088 с.
2. Толковый словарь русского языка : в 3 т. Т. 2. Н–П / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М. : Вече, Мир книги, 2001. – 688 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / РАН, Институт русского языка им В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. П–М. – Москва : Рипол Классик, 2002. – 544 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 53000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : ОНИКС 21 век : Мир и Образование, 2003. – 896 с.

6. Толковый словарь русского языка : в 3 т. Т. 3. Р–Я / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М. : Вече, Мир книги, 2001. – 672 с.

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. Р–Я. – Москва : Рипол Классик, 2002. – 672 с.

8. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ульяновск, 2022. – 595 с.

9. Давлетов А. А., Асанов Р. Ш. Ходатайства и иные обращения участников досудебного производства к следователю // Российский следователь. – 2021. – № 5. – С. 8–12.

10. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? в 2 т. Т. 1. Общая часть. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2022. – 287 с.

11. Головинская И. В., Крестинский М. В., Поликарпова М. Ж. Проблемы реализации отдельных правовых предписаний в свете разумного срока производства // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2018. – № 34. – С. 45–54.

12. Некенова С. Б., Шуняева З. Г. Особенность принципа обеспечения права лица на разумный срок уголовного судопроизводства и специфика его места в системе принципов уголовного процесса // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 10 (142). – С. 131 – 134.

13. Макаров Л. В. Имплементация положений международного права о разумности срока уголовного судопроизводства в УПК РФ: нюансы теории и практики // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 90–96.

О. И. Даровских,

*д.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного
процесса, криминалистики и судебной экспертизы
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск*

К ВОПРОСУ ОБ ОТМЕНЕ ИЛИ ИЗМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Одним из средств обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности было и остается усовершенствование уголовно-процессуального законодательства. К сожалению, начатая в конце прошлого века судебная реформа не позволяет говорить о своем успешном завершении. Поэтому ученые и практические работники продолжают искать пути оптимизации уголовно-процессуального судопроизводства. И один из возможных путей совершенствования и обновления уголовного процесса видится в расширении межотраслевой конвергенции (сближении) уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной отраслей права [15, с. 3].

Данное предложение не является новым. Об этом писали еще И. Я. Фойницкий [12, с. 14–15] и Я. И. Баршев [8, с. 34], и в настоящее время данную точку зрения поддерживают многие современные ученые, представители как цивилистических наук, так и уголовно-процессуальных, например Н. М. Коршунов [9], который рассматривал конвергенцию как «...процесс взаимодействия отдельных элементов национальной правовой системы». А. С. Охлопова определяла конвергенцию уголовного судопроизводства как «...процесс сближения моделей уголовного процесса, а также отдельных уголовно-процессуальных норм институтов, являющихся их структурными элементами» [10, с. 9]. О. В. Третьякова [11, с. 8] выделяла внутреннюю конвергенцию, такую при которой сближение осуществляется в рамках системы права. Мы считаем возможным согласиться с данным подходом и полагаем, что обдуманное

применение в рамках уголовного судопроизводства положений, не противоречащих решениям, принятым в гражданском судопроизводстве, обеспечит качество и эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, складывающуюся при избрании, отмены или изменении такой меры принуждения, как наложение ареста на имущество.

Проблема состоит в том, что избрание указанной меры не всегда гарантирует обеспечение прав и законных интересов лиц. Например, у граждан-участников долевого строительства при регистрации права на земельные участки, на которые уже наложен арест в связи с привлечением к уголовной ответственности застройщика, возникают сложности, разрешить которые не представляется возможным.

Суть проблемы в том, что арест может быть наложен как на земельный участок, так и на объекты завершеного и незавершеного строительства. У участников долевого строительства в связи с наложением ареста на объект их права собственности возникают ограничения в реализации их законного права на владение, пользование и распоряжение данным имуществом. Не урегулирован порядок принятия участниками долевого строительства на себя права собственности при государственной регистрации незавершеного строительства.

Надо отметить, что в Федеральном законе РФ от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [1] не указаны какие-либо ограничения для регистрации имущества, если на это имущество наложен арест в рамках уголовного судопроизводства. Согласно ч. 7 ст. 1 этого же нормативно-правового акта зарегистрировать имущество возможно и в момент незавершеного строительства, если определить данный объект в качестве индивидуально-определенной вещи.

Сложность состоит в том, что, если незавершенный объект строительства стал объектом преступного посягательства и на него наложен арест, а его собственник выступает в качестве уголовно-преследуемого лица, иные лица и (или) организации, желающие

завершить обязательства перед дольщиками, не могут оформить государственную регистрацию перехода права собственности, без которой невозможно распоряжаться объектом для завершения строительства. Поэтому возникает неурегулированная законодателем ситуация, когда при выборе меры принуждения в рамках уголовного судопроизводства суды не учитывают интересы третьих лиц (как лиц и (или) организаций, взявших на себя обязательство по завершению строительства, так и граждан-дольщиков) и позицию законодателя по данному вопросу.

Достаточно распространена ситуация в отношении недостроенных домов, где обманутые дольщики оказываются втянутыми в производство уголовных дел, в рамках которых накладывался арест на земельные участки в целях обеспечения исполнения приговора. Так, по конкретному делу, несмотря на решение Арбитражного суда о передаче строительному оператору, который взял на себя обязательства о финансировании завершения строительства объектов жилых домов, земельных участков со всеми неотделимыми улучшениями, в том числе объектами незавершенного строительства, регистрация права собственности на вышеуказанные земельные участки не была произведена в связи с наложением ареста, а в удовлетворении ходатайства об отмене ареста на вышеуказанные земельные участки суд отказал в связи с тем, что не завершено рассмотрение уголовного дела [5].

Согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ арест на имущество как универсальное средство накладывается судом для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскание штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества.

Это достаточно часто применяемая мера принуждения. Всего в Российской Федерации за 2021 год, согласно сводным статистическим данным, представленным Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации [6], в федеральные суды общей юрисдикции поступило 45 449 ходатайств о наложении ареста на имущество, из них удовлетворено – 38 684, отказано в удовлетворе-

нии в 3 895 случаях. Об установлении срока ареста, наложенного на имущество (п. 9.1 ч. 2. ст. 29 УПК РФ, ч. 3 ст. 115 УПК РФ), за 2021 г. всего было подано 552 материала, из которых 497 удовлетворено, отказано – 22, и по 4 делам вынесены частные определения в адрес органов предварительного расследования. О продлении срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество (п. 9.1 ч. 2. ст. 29 УПК РФ, ст. 115.1 УПК РФ) всего было подано 6 699 ходатайств, из которых 6 302 удовлетворены, в 157 случаях вынесен отказ в удовлетворении; вынесено 13 частных определений из 18 в отношении органов предварительного расследования.

В Челябинской области в суды общей юрисдикции за 2021 год [7] поступило 78 ходатайств об установлении и продлении срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество (п. 9.1 ч. 2. ст. 29 УПК РФ, ст. 115.1 УПК РФ), удовлетворено – 69, отказ был лишь в 4 случаях.

Такой подход судей к удовлетворению заявленных ходатайств объясняется желанием обеспечить исполнение судебного решения в части удовлетворения гражданского иска. По мнению Л. Д. Хабибовой, «...наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве занимает важное значение, поскольку является эффективной мерой процессуального принуждения, которая имеет предупредительный и обеспечительный характер» [13, с. 22].

Возможность избрания именно данной меры принуждения определяется в каждом конкретном случае при наличии сведений, находящихся в материалах уголовного дела, а также объективной необходимостью возмещения любого вида вреда, причиненного потерпевшему преступлением. Побудительной причиной является подозрение о том, что имущество, на которое необходимо наложить арест, может быть отчуждено, вследствие чего реализовать исполнение приговора будет проблематично. Суд должен быть уверен в том, что при наложении ареста на имущество обеспечивается надлежащий ход расследования, защищаются конституционно значимые ценности, а также интересы самого уголовно преследуемого лица в целях реализации принципа презумпции невиновности.

Однако арест на имущество не может продолжаться бесконечно, отмена соответствующих ограничительных мер наступает в тот момент, когда побудительные причины избрания данной меры принуждения исчерпываются.

Конституционный Суд Российской Федерации [3] придерживается мнения, что наложение ареста на имущество избирается и отменяется по постановлению или определению лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. Избрание такой меры принуждения Конституционный Суд Российской Федерации не рассматривает как нарушающее конституционные права граждан, так как в уголовном судопроизводстве арест на имущество может быть наложен не только в целях обеспечения гражданского иска. Оценка оснований наложения ареста и допустимости его отмены отнесена к компетенции органов предварительного расследования и суда исходя исключительно из каждого конкретного случая.

Бесспорно, что, устанавливая сроки и определяя основания отмены ареста может только суд, но с какого момента будет отменена указанная мера принуждения суд также определяет самостоятельно исходя из целей избрания данной меры (были ли заявлены гражданские иски, нет ли оснований для прекращения уголовного дела и другие причины), мы допускаем, что отмена ареста может быть и до окончания рассмотрения уголовного дела судом.

В настоящее время нет действенных правовых механизмов, которые бы позволяли регистрировать право собственности на земельный участок при наличии обременения в связи с возбужденным уголовным делом. Нет и нормативно-правовых актов, которые бы позволяли распоряжаться имуществом, находящимся под арестом, для реализации права хозяйственного ведения. Верховный Суд РФ [4] в своих решениях неоднократно указывал, что поскольку государственная регистрация договора долевого участия, в силу закона, влечет возникновение залога земельного участка, принадлежащего застройщику, а впоследствии, исходя из характера предполагаемого к строительству объекта, – дальнейшую передачу земельного участка в собственность собственникам помещений в до-

ме, это нарушает установленный судом запрет на распоряжение арестованным имуществом. Тем более если земельный участок является предметом преступного посягательства, а арест наложен в целях обеспечения гражданских исков или других имущественных взысканий в интересах самих потерпевших – обманутых дольщиков.

Положительным моментом можно считать внесение изменений в п. 5.1 ст. 16 Федерального закона РФ от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [2] где говорится, что «...наложение ареста, запрета совершать определенные действия с недвижимым имуществом на основании судебного акта или акта уполномоченного органа, избрание залога в качестве меры пресечения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации в отношении земельного участка, занятого многоквартирным домом, в котором расположен объект долевого строительства, права аренды (субаренды) такого земельного участка не являются основанием для приостановления государственного кадастрового учета многоквартирного дома, государственной регистрации права собственности участника долевого строительства на объект долевого строительства или для государственной регистрации перехода права собственности на такой объект, а также для государственной регистрации права общей долевой собственности участника (участников) долевого строительства на указанный земельный участок. При этом запись о наложении ареста, о запрете совершать определенные действия или о залоге погашается одновременно с государственной регистрацией права собственности на последний объект долевого строительства в данном многоквартирном доме», однако это касается ситуаций, когда дом уже построен. В отношении незавершенного строительства такой возможности нет.

Данная проблема является не только уголовно-процессуальной, но также затрагивает вопросы арбитражного и гражданско-правового институтов. Мы согласны с мнением профессора

О. В. Химичевой, что законодательные положения должны соответствовать и быть актуальными к современным криминогенным тенденциям, вовремя интегрировать в правовые процедуры современных технологий [14, с. 63].

Исходя из сказанного считаем возможным предложить внести изменения в ст. 115 и 29 УПК РФ, позволяющие судам изменять или отменять избранную ими ранее меру принуждения, в целях осуществления государственной регистрации права для последующего распоряжения имуществом – строительства объектов недостроенных жилых домов, а также наложить обязанности на нового правообладателя для сохранности данного имущества в целях исполнения приговора. Также необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон РФ № 214-ФЗ, позволяющие осуществление государственной регистрации недостроенного имущества.

Список литературы

1. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (с изм. на 28 декабря 2022 года) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2004 № 214-ФЗ (с изменениями на 28 декабря 2022 года) // СПС «КонсультантПлюс».

3. По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой: постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Верховного суда РФ от 02.04.2015 по делу № 306-КГ14-6218. – URL: http://www.vsrp.ru/stor_pdf_ec.php?id=1248848

5. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 29.01.2020 А76-44428/2020.

6. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год Судебного департамента в Челябинской области. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120>

7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2021 года Управления Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL: <http://usd.chel.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=16>

8. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – М., 2001. – 324 с.

9. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – М. : Инфра-М, 2011. – 240 с.

10. Охлопкова А. С. Особенности унификации норм уголовного судопроизводства Российской Федерации в процессе конвергенции права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 32 с.

11. Третьякова О. В. Юридическая конвергенция : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Владимир, 2012. – 43 с.

12. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – Санкт-Петербург : Альфа, 1996. – 607 с.

13. Хабибова Л. Д. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2020. – № 3 (28). – С. 20–22.

14. Химичева О. В. Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. – 2019. – № 4 (9). – С. 62–65.

15. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Уфа, 2022. – 62 с.

О. А. Мальшева,

д.ю.н., доцент, профессор

кафедры уголовно-процессуального права

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

г. Москва

УНИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ – ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

13 января 2023 года выдающийся ученый, специалист в области уголовно-правовых наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики Зинур Зинатуллович Зинатуллин отмечает свой юбилей – 85 лет со дня рождения.

Профессор З. З. Зинатуллин внес весомый вклад в развитие науки уголовного процесса, разработав пути решения проблем возмещения материального ущерба в уголовном процессе, расширив научные знания об уголовно-процессуальном институте – меры уголовно-процессуального принуждения, обогатив теорию уголовного процесса своими теоретическими суждениями и предложениями практического характера по актуальным вопросам уголовного судопроизводства. Указанное подтверждается многочисленными научными трудами З. З. Зинатуллина (11 монографий, 18 учебных пособий, свыше 300 научных статей; соавторство в подготовке учебников по уголовному процессу разных годов издания) и продолжающейся его научной деятельностью в настоящее время.

Профессор Зинур Зинатуллович Зинатуллин пользуется заслуженным уважением и авторитетом, что подтверждается в том числе развитием другими авторами научных идей по близким ему проблемам, включая обеспечение эффективности применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Разрабатывая концепцию эффективности уголовно-процессуального принуждения⁵⁸, З. З. Зинатуллин полагал, что применять уголовно-процессуальное принуждение допустимо при конфликтных ситуациях, которые могут возникнуть на любом этапе уголовного судопроизводства. Однако такое применение должно основываться на законе и в каждом конкретном случае – на совокупности всех фактических данных по уголовному делу⁵⁹. Приведенные научные воззрения профессора З. З. Зинатуллина сохраняют свою актуальность и в настоящее время – при избрании и применении мер пресечения в условиях функционирования охранительного типа российского уголовного судопроизводства. С учетом указанного важное значение имеет обеспечение эффективного применения меры пресечения в виде домашнего ареста, являющегося наиболее распространенной альтернативой заключению под стражу.

Ретроспективный анализ домашнего ареста свидетельствует о том, что данная мера пресечения применялась с XVII в.: в 1632 г. она была избрана в отношении князя Белосельского по делу Шеина, в 1795 г. – в отношении графа Бестужева-Рюмина. Согласно Военскому артикулу 1716 г. домашний арест мог быть избран в отношении старших офицеров. В 1832 г. данная мера пресечения получила законодательное закрепление в Своде законов Российской империи, позже, в 1864 г. – в Уставе уголовного судопроизводства⁶⁰. В УПК РСФСР 1922, 1923 гг. домашний арест был включен в систему мер пресечения и применялся до принятия Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 г. Вновь обозначенная мера пресечения была закреплена УПК РФ 2001 г.

---

⁵⁸ Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики). Казань, 1981.

⁵⁹ Зинатуллин З. З. Применение мер уголовно-процессуального принуждения: пособие для следователей и лиц, производящих дознание. Устинов, 1986. С. 3, 4.

⁶⁰ Ахминова Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. С. 16.

Современными авторами поднимаются различные проблемы избрания, исполнения, применения домашнего ареста, решение которых, по их мнению, повысит эффективность указанной меры процессуального принуждения. Так, по мнению одних авторов, в регламентации нуждается вопрос, «связанный со сроками исчисления домашнего ареста, поскольку с момента принятия судом соответствующего решения до начала его фактического исполнения по различным причинам может пройти определенный отрезок времени». Поэтому для правильного исчисления срока уголовного наказания целесообразно в УПК РФ уточнить начальный момент срока применения домашнего ареста – с момента начала фактического его применения⁶¹. Другие авторы указывают на возникновение проблемы прогулок, приобретения продуктов и др. при применении домашнего ареста⁶². Критикуется практика установления судами при избрании домашнего ареста запрета «не покидать место жительства без разрешения следователя и суда», являющегося элементом другой меры пресечения – подписки о невыезде и надлежащем поведении, а также условий исполнения домашнего ареста, не только не обеспечивающих изоляцию подозреваемого, обвиняемого от общества, но и не предусмотренных предписаниями ч. 1 ст. 107 УПК РФ: допускаются прогулки, возможность выхода за пределы жилого помещения на земельный участок и придомовую территорию и др.⁶³

Представляется, что достижению целей избрания домашнего ареста будет способствовать не только формирование однородной практики исполнения указанной меры пресечения, но и установление единого порядка ее изменения на более строгую – в виде за-

---

⁶¹ Жилиев Р. М., Первозванский В. Б., Медведева И. Н. О некоторых проблемах избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста и путях их решения // Российская юстиция. 2013. № 11. С. 50, 51.

⁶² Юрьев С. С., Короткова П. Е. Право на охрану здоровья и домашний арест: проблемы регулирования и правоприменения // Адвокатская практика. 2021. № 5. С. 9–10.

⁶³ Ларкина Е. В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения // Lex russica. 2019. № 4. С. 135–137.

ключения под стражу при наличии для этого оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Такое единообразие позволит лицу, в отношении которого избрана рассматриваемая мера пресечения, верно понимать, какие правовые последствия и в каком порядке будут наступать в случае нарушения им условий исполнения домашнего ареста, будут нейтрализованы основания полагать о допустимости варьирования своего процессуального поведения (возможность неисполнения процессуальных обязанностей полностью или частично) в зависимости от этапа производства по уголовному делу.

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлен орган, на который была возложена обязанность осуществлять контроль за соблюдением лицом, в отношении которого избран домашний арест, условий применения такой меры пресечения, а также правомочие этого органа по применению специальных технических средств при осуществлении обозначенного контроля.

Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 (в ред. от 23.04.2012 № 360) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» были конкретизированы предписания ч. 14 ст. 107 УПК РФ о том, что контролирующий орган – уголовно-исполнительная инспекция ФСИН России (далее – Инспекция) при нарушении лицом условий исполнения домашнего ареста уполномочена обращаться в суд с целью изменения указанной меры пресечения на более строгую – в виде заключения под стражу.

Как показывает анализ судебной практики, суд оценивает представленные Инспекцией материалы на предмет их относимости, достоверности, допустимости и в совокупности с другими материалами (сведения, характеризующие личность подсудимого, сведения о наличии судимости у подсудимого, справка о составе семьи, наличие/отсутствие тяжелого заболевания у подсудимого, подтвержденного медицинским заключением, препятствующего его

содержанию под стражей, и др.) – их достаточности. Поводом к проведению судебного разбирательства выступает представление о возбуждении перед судом ходатайства об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу Инспекции, в котором указывается факт нарушения подсудимым условий исполнения домашнего ареста и результаты проверки, подтверждающей указанный факт во исполнение требований пп. 29–32 Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов подозреваемыми, обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог, утвержденного совместным приказом Минюста России, МВД России, СК России, ФСБ России от 31.08.2020 № 189/603/87/371 (далее – Порядок).

Порядком уточнен перечень сведений (в виде документов, материалов), представляемых в суд в целях подтверждения основания замены домашнего ареста заключением под стражу подсудимому: рапорт, объяснения, справки, акты применения технических средств контроля, данные пульта мониторинга по соблюдению подсудимым условий исполнения домашнего ареста и др., форма которых нормативно закреплена в Приложениях к Порядку⁶⁴.

Следует отметить устойчивую практику изменения судом меры пресечения в виде домашнего ареста на более строгую по представлению Инспекции. Так, 16 июля 2020 г. начальник филиала по Бахчисарайскому району ФКУ УИИ УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю П. (далее – начальник филиала УИИ) обра-

---

⁶⁴ Малышева О. А. Доказательственное значение сведений, представляемых уголовно-исполнительной инспекцией ФСИН России в суд в порядке части 14 статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: материалы междунар. науч.-практ. конф. и кругл. столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России : в 10 т. Т. 3. Рязань, 2019. С. 193, 194.

тился в суд с представлением об изменении в отношении Г. меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу. Г. было запрещено вести переговоры с использованием стационарных, мобильных средств связи, электронной почты информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по обстоятельствам, касающимся настоящего уголовного дела. Но фактически каждый вечер Г. с ДД.ММ.ГТТГ г., после помещения его под домашний арест, вел телефонные переговоры до поздней ночи, созванивался с лицами, находящимися в СИЗО, что показала допрошенная в судебном заседании свидетель К., которая ДД.ММ.ГТТГ г. сделала видеозапись и зафиксировала телефонные переговоры Г. Сделанные на CD-диск записи нарушений Г. условий отбывания домашнего ареста легли в основу указанного представления начальника филиала УИИ. Кроме этого, судом также было принято во внимание, что Г. обвиняется в покушении на совершение преступления, относящегося к категории особо тяжких, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 10 лет.

Данные обстоятельства в совокупности с обстоятельствами дела и данными о личности подсудимого привели суд к убеждению в том, что Г., находясь под домашним арестом, может оказать влияние на участников уголовного судопроизводства и воспрепятствовать производству по делу⁶⁵. Ходатайство начальника филиала УИИ было удовлетворено.

Пример 2. В ходе проведения очередного судебного заседания Кузьминский районный суд г. Москвы, решая вопрос о мере пресечения в отношении подсудимой З. на период судебного разбирательства, в соответствии со ст. 107, 255 УПК РФ удовлетворил ходатайство начальника филиала № *** ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве и изменил ей меру пресечения с домашнего ареста на заключение под стражу на срок 5 месяцев 4 суток, то есть по 30 апреля 2019 года.

---

⁶⁵ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 05.08.2020 по делу № 22К-2194/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2023).

Суд в апелляционном постановлении, рассматривая доводы апелляционной жалобы, указал, что мотивы и основания, послужившие к вынесению ходатайства, подробно изложены в представлении начальника филиала УИИ о возбуждении перед судом ходатайства об изменении меры пресечения, которые являются мотивированными и отвечают требованиям ст. 107, 108, 110 УПК РФ.

Свое решение об удовлетворении ходатайства начальника филиала УИИ суд основывал на представленных материалах дела, результатами изучения личности подсудимой З., характера и степени общественной опасности совершенного ею преступления, которые в совокупности подтвердили обоснованность принятого решения⁶⁶.

Пример 3. Начальник филиала по ГО Жатай ФКУ УИИ УФСИН России по РС (Я) направил в суд представление о нарушении ФИО1 условий исполнения домашнего ареста. Из представленных материалов суд усмотрел, что вопреки установленным судом ограничениям и запретам с 21 часов 56 минут 9 июля 2019 года до 5 часов 20 минут 10 июля 2019 года подсудимый ФИО1 отсутствовал по месту содержания его под домашним арестом по адресу:..

Доводы об уважительности нарушения ФИО1 условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста в связи с тем, что в указанный период времени он выносил диван на помойку ввиду укусов клопов и невозможности нахождения в одном помещении с клопами, о чем адвокатом представлены документы, судом рассмотрены и обоснованно признаны несостоятельными. ФИО1 был взят под стражу в зале суда⁶⁷.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при рассмотрении указанного представления начальника филиала ФКУ

---

⁶⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 14.01.2019 по делу № 10-0327/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2023).

⁶⁷ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 19.08.2019 по делу № 22-1524/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2023).

УИИ УФСИН России по субъекту РФ судом в каждом конкретном случае проверяются и оцениваются представленные ему сведения. При этом суд руководствуется предписаниями ст. 97, 99, 107, 108, 110, 255 УПК РФ. Судом также исследуются иные обстоятельства, необходимые для принятия законного и обоснованного решения. Судебное заседание проводится в соответствии с принципами состязательности и равноправия сторон.

По мнению З. Р. Рахматулина, исследующего порядок разрешения вопросов в стадии исполнения приговора, данные, которые представляются уголовно-исполнительной инспекцией в суд, являются доказательствами по делу. «Прямое указание на это в законе отсутствует, но с помощью их устанавливается факт злостного уклонения от отбывания наказания. Отметим, что в практической деятельности судьи оценивают эти данные по аналогичным с уголовно-процессуальным доказыванием критериям»⁶⁸. Отчасти можно согласиться с приведенной позицией.

Действующий правовой механизм исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста нельзя признать эффективным, поскольку контролирующий орган в лице Инспекции лишен возможности единообразно реагировать на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства на нарушение лицом, в отношении которого исполняется домашний арест, запретов, наложенных на него судом⁶⁹.

В первом случае Инспекция согласно ч. 14 ст. 107 УПК РФ должна уведомить устно в течение 2-х часов и затем письменно в течение 24 часов с момента установления факта нарушения условий исполнения домашнего ареста следователя, дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело. Следователь,

---

⁶⁸ Рахматулин З. Р. Оптимизация порядка выявления и доказывания нарушений, совершенных осужденными без изоляции от общества // Современное право. 2020. № 2. С. 82.

⁶⁹ Малышева О. А. Негативные последствия действия правового механизма избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. С. 215–221.

дознатель, руководствуясь собственным убеждением, часто вопреки документального подтверждения Инспекцией факта допущенного нарушения подозреваемым, обвиняемым и предписаниям ч. 14 ст. 107 УПК РФ, принимают не ожидаемое, с учетом указанного, решение ходатайствовать в суд в установленном законом порядке об изменении меры пресечения на более строгую, а игнорирует такое представление Инспекции. При обращении следователя, дознавателя с ходатайством в порядке ч. 14 ст. 107 УПК РФ суд принимает решение в порядке и на основании, приведенным выше в научной работе. Так, ДД.ММ.ГГГГ следователь обратилась в суд с ходатайством об изменении ФИО1 меры пресечения с домашнего ареста на заключение под стражу, поскольку обвиняемый допустил нарушение избранной ему меры пресечения и может продолжить заниматься преступной деятельностью.

Рассматривая ходатайство следователя об изменении ФИО1 меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу, суд исходил из представленной следователем информации о нарушении обвиняемым избранной меры пресечения, что подтверждается показаниями свидетеля ФИО3, самого обвиняемого ФИО1, и уведомлением, поступившим из филиала по <адрес> ФКУ УИИ УФСИН России по <адрес>.

Шуйским городским судом Ивановской области 09 ноября 2020 года обвиняемому ФИО1 была изменена мера пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу⁷⁰.

Чаще в следственной практике следователь, дознаватель не реагируют на уведомление Инспекции о нарушении подозреваемым, обвиняемым условий применения домашнего ареста, что снижает значение домашнего ареста в обеспечении надлежащего процессуального поведения подсудимого и не исключает сокрытие его от органов предварительного следствия, дознания и суда, совершение им нового преступления при нахождении под домаш-

---

⁷⁰ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 19.11.2020 по делу № 22к-2541/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2023).

ним арестом. Подтверждением указанного является следующий пример судебной практики.

Так, в ходе предварительного следствия в отношении Б. Ю. была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с возложением на нее запретов, предусмотренных пп. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, которая продлевалась в установленном порядке. Несмотря на требования уголовно-процессуального закона, предъявляемые к поведению лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, Б. Ю. нарушила данную меру пресечения, что выразилось в том, что она, будучи подключенной к электронному средству надзора и контроля (стационарное контрольное устройство и электронный браслет), 13 февраля 2021 года покидала место отбывания домашнего ареста без соответствующего согласования и разрешения. Инспекция уведомила об этом следователя, руководствуясь требованиями п. 20 Порядка. Но согласно материалам уголовного дела мера пресечения осталась прежней.

После поступления 23 апреля 2021 года уголовного дела для рассмотрения по существу в Черемушкинский районный суд г. Москвы в порядке ст. 255 УПК РФ Б. Е. был продлен срок содержания под домашним арестом на 6 месяцев, то есть до 23 октября 2021 года. 27 мая 2021 года подсудимая Б. Ю. вновь нарушила условия домашнего ареста – отсутствовала по месту отбывания меры пресечения, что было зафиксировано Инспекцией. Впоследствии было установлено, что она задержана и подозревается в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

03 июня 2021 года в суд поступило представление начальника филиала № 17 ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу. Постановлением Черемушкинского районного суда г. Москвы от 16 июня 2021 года было удовлетворено представление начальника филиала № 17 ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве и мера пресечения бала заменена Б.Ю. на заключение под стражу. Суд также учел, что Б. Ю. обвиняется в совершении преступления, отнесенного уголовным законом к категории особо тяжких, за которое

уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет⁷¹.

Таким образом, рассматриваемая правовая регламентация процессуального порядка изменения меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу влечет появление следующих негативных последствий. Во-первых, создаются условия для необоснованного расширения пределов усмотрения следователя, дознавателя в рамках своей процессуальной самостоятельности; во-вторых, затягиваются сроки направления в суд материалов о нарушении подозреваемым, обвиняемым условий домашнего ареста; в-третьих, нивелируется роль контролирующего органа, призванного обеспечивать эффективное применение домашнего ареста, ввиду необоснованной градации процессуальных полномочий Инспекции в зависимости от стадии уголовного судопроизводства.

Указанное снижает потенциал рассматриваемой меры пресечения, в определенной степени создает условия для противоправного поведения подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого избран домашний арест. Поэтому требуется унификация процессуальных полномочий Инспекции в контексте единства определенных для нее уголовно-процессуальным законодательством задач при применении мер пресечения.

---

⁷¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 10.08.2021 № 10-15734/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2023).

Н. Г. Муратова,

*д.ю.н., профессор, профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань*

КОМПЕНСАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТЕ

(профессору *Зинатуллину Зинуру Зинатулловичу*, Заслуженному юристу Удмуртской Республики, доктору юридических наук, профессору кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» посвящается)

Проблемы концептуальных основ совершенствования статуса жертвы преступления и проблемы возмещения вреда в уголовном судопроизводстве традиционно рассматриваются во многих работах профессора З. З. Зинатуллина. Это проблема – одна из его наиболее любимых научных тем, востребованная и актуальная многие годы и в современном уголовно-процессуальном праве. Данная проблематика в современных условиях не может не волновать исследователей и ученых, и практиков, и просто патриотов государства.

Возмещение вреда потерпевшему имеет международно-правовое значение. Существует огромный ряд международных актов, посвященных правам и законным интересам потерпевших, среди них можно назвать следующие: Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью; Резолюция (77) 27 Кабинета Министров Совета Европы «О компенсации потерпевшим от преступлений»; Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений; Рекомендация N R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса».

Актуальность данного вопроса подробно освещена профессором Б. В. Сидоровым в работе «Поведение потерпевших от

преступления и уголовная ответственность» (1998 г.). Он предлагает: а) установить правильное соотношение между понятиями «жертва» и «потерпевший»; б) ввести в уголовное право и уголовный процесс такие определения, как «жертва преступления» (или «правоприемники потерпевших»), пострадавших от иных противоправных поступков – «жертв запрещенных уголовным законом деяний» или правомерного социально полезного поведения – «жертва правового случая» [1].

Мнения исследователей продолжают поражать многообразием, но практически все едины в одном – нужна концептуальная идея об оптимальной законодательной модели возмещения вреда потерпевшему по уголовному делу [2]. Известный ученый-процессуалист профессор О. А. Зайцев своей научной Концепцией государственной защиты субъектов уголовно-процессуальной деятельности обосновал один из важнейших элементов системы оптимальной защиты общества своих интересов [3]. Ученые пристально изучают ряд новых законодательных моделей, которые свидетельствуют о процессуальном компромиссе: досудебное соглашение и согласительные процедуры (Азаров В. В., Абшилава Г. В., Гуськова А. П., Лазарева В. А., Зинатуллин З. З. и др.), мировое соглашение и примирение сторон (Газетдинов Н. И., Воскобитова Л. А. и др.), «сделка с правосудием» при согласии обвиняемого с обвинением (Епихин А. Ю., Володина Л. М., Татьяна Л. Г., Прошляков А. Д. и др.). Действительно, заключение *процессуального договора* может стать универсальным средством обеспечения прав личности с момента начала уголовного преследования [4]. Далее. Молодые ученые предлагают поговорить о перспективах компенсационного и компромиссного договора в уголовном судопроизводстве [5], о новых видах решений при признании права на возмещение вреда за лицом, к которому применялись незаконные меры принуждения [6], о значении решения о признании гражданским истцом и совершенствовании механизма возмещения вреда потерпевшему [7].

Представляется, что вопрос о жертве преступления (потерпевшем) достаточно много обсуждался и учеными, и практиками.

Возмещение вреда потерпевшему – одна из обсуждаемых тем специалистов многих отраслей права. Закономерно ли в связи с этим, с учетом изменившегося уголовно-процессуального законодательства, ставить вопрос об определении единого понятия – жертва преступления? С учетом анализа институтов уголовно-процессуального права, складывающейся правоприменительной практики и европейских стандартов защиты прав человека можно констатировать два направления в изучении статуса потерпевшего: первое – жертва преступления (потерпевший – ч. 1 ст. 42 УП РФ), второе – жертва преступления, по которому не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого (жертва нераскрытого преступления).

Законодательные модели. Современные авторы предлагают разные варианты решения проблемы: от создания фонда потерпевших [8]⁷² до разработки оптимальной формулы возмещения вреда потерпевшим [9]. Вторая группа жертв преступлений обращает на себя пристальное внимание общества. В 2010 году были приняты два федеральных закона, направленных на реализацию принципа разумности срока уголовного судопроизводства: 1) Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [10]; 2) Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [11]. Оба закона направлены на защиту заинтересованных лиц от необоснованно длительных сроков уголовного судопроизводства путем: 1) подачи председателю заявления об ускорении рассмотрения уголовного дела; 2) предъявления требования в суд о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

---

⁷² На сайте Следственного комитета Российской Федерации опубликован проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений». URL: <http://sledcom.ru/document/1130> (дата обращения: 08.01.2022).

Позднее был принят Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [12], в котором правовой статус потерпевшего совершенствуется, в частности, ч. 1 ст. 42 УПК РФ была изменена и дополнена: 1) решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда; 2) если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице. Была введена специальная норма по обеспечению гражданского иска (введена ст. 160.1 УПК РФ). Согласно которой, если преступлением причинен вред, то следователь, дознаватель обязаны принять меры: 1) по установлению подлежащего имуществу подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые, в соответствии с законодательством Российской Федерации, несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым; 2) по наложению ареста на данное имущество. Кроме того, ч. 2 ст. 160.1 УПК РФ устанавливает право следователя вносить запрос в порядке главы 53 УПК РФ о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства с целью обнаружения имущества, находящегося на территории иностранного государства в порядке взаимной правовой помощи.

Особое внимание законодатель уделяет защите чести и достоинства потерпевшего, информации о нём. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 161 УПК РФ формулируется запрет на разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства, а также о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего четырнадцати лет. В соответствии с ч. 3 ст. 137 УК РФ устанавливается запрет на распространение в СМИ или в иных информационно-телекоммуникационных сетях информацию о личности *несовершеннолетнего* потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста.

Выводы автора. При написании данной статьи хотелось бы обратить внимание на изложенные в диссертационном исследовании Р. Г. Хасаншиной (аспирантка проф. Н. Г. Муратовой) законодательные перспективы указанной проблематики и предложить перечень эвристических научных идей: [13] 1) дополнить п. 14.3 ст. 5 УПК РФ – понятием *компромиссного уголовно-процессуального решения*, под которым понимают правовой акт, выраженный в установленной законом процессуальной форме, являющийся результатом соглашения между лицом, совершившим преступление, органом государственной власти, осуществляющим уголовное преследование, и лицом, которому данным преступлением причинен вред, или между лицом, совершившим преступление и органом государственной власти, осуществляющим уголовное преследование, основанное на взаимных уступках каждой из сторон уголовно-правового конфликта; 2) дополнить п. 14.4 ст. 5 УПК РФ – понятием *компенсационного уголовно-процессуального договора*, под которым понимают соглашение между лицом, совершившим преступление, потерпевшим и государственным органом, осуществляющим уголовное преследование, согласно которому лицо, совершившее преступление обязано возместить и (или) загладить причиненный вред потерпевшему, потерпевший обязуется принять возмещение и (или) заглаживание вреда и направить их по целевому назначению в соответствии с условиями договора, а государственный орган, осуществляющий уголовное преследование обязан индивидуализировать ответственность в виде ограничения размера или вида наказания либо прекратить уголовное преследование, 3) дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 10.1 – понятием *«жертва преступления»* – физические и юридические лица, которым причинен ущерб деяниями, влекущими уголовную ответственность (преступления), имеющие право на обязательную публичную судебную защиту, получение статуса жертвы и полного возмещения государством и обществом установленного вреда»; 4) дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 5.1 – понятием *«вред от преступления – физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации, причиненный*

физическому или юридическому лицу, в результате совершенного общественно опасного противоправного деяния лицом, в том числе невменяемым»; 5) дополнить ст. 5 УПК пунктом 14.2 – понятием «*компенсационные меры – меры, осуществляемые государством или обществом, обеспечивающие жертвам преступлений возмещение физического или морального вреда, причиненного преступлением, когда компенсация указанного вреда не может быть обеспечена из других источников*»; 6) дополнить ст. 5 УПК РФ п. 14.3 – понятием «*компромиссных уголовно-процессуальных решений – правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, являющиеся результатом соглашения между лицом, совершившим преступление, органом государственной власти, осуществляющим уголовное преследование, и лицом, которому данным преступлением причинен вред, или между лицом, совершившим преступление, и органом государственной власти, осуществляющим уголовное преследование, основанное на взаимных уступках каждой из сторон уголовно-правового конфликта*»; 7) дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 13.1 – понятием «*информационный вред потерпевшему – обнародование и неправомерное использование персональных данных потерпевшего, его личной и семейной жизни, а также заинтересованное преподнесение фактов о причиненном вреде, демонстрация телесных повреждений потерпевшего с использованием интернет-технологий и СМИ, предложения о неправомерно больших компенсационных суммах с целью неправомерного воздействия на потерпевшего и создания условий для противодействия расследованию*».

Список литературы

1. Сидоров Б. В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. – Казань: АБАК-ЮЛДАШ, 1998. – С. 58.
2. Зинатуллин З. З. Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. – Казань : изд-во Казанского университета, 1974; Его же. Избранные труды в 2 т. Т. 1 – СПб : Юридический центр-Пресс, 2013. – С. 16–19; Муратова Н. Г. Концептуальные ос-

новы совершенствования статуса жертвы в уголовном судопроизводстве // Вестник экономики, права и социологии. – Казань, 2007. – С. 64–65.

3. Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М. : Экзамен, 2003. – С. 76.

4. Муратова Н. Г. О проблемах уголовно-процессуального договора // Научно-практический журнал «Правосудие в Татарстане», 2011. – №3 – С. 36–39.

5. Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – С. 10–15.

6. Николок Валерия. Признание права на возмещение вреда за лицом, к которому незаконно применялись меры процессуального принуждения, – новый вид решений в уголовном судопроизводстве // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д.ю.н., проф. Полины Абрамовны Лупинской ; сб. науч. трудов. – М. : ООО «Изд-во «Элит»», 2011. – С. 288–292.

7. Махова Т. М. Совершенствование института гражданского иска в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д.ю.н., проф. Полины Абрамовны Лупинской ; сб. науч. трудов. – М. : ООО «Изд-во «Элит»», 2011. – С. 112–117.

8. На сайте Следственного комитета Российской Федерации опубликован проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений». – URL: <http://sledcom.ru/document/1130> (дата обращения: 08.01.2022).

9. Формулу расчета компенсации морального вреда потерпевшему была впервые предложена А. М. Эрделевским (Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: Изд. группа ФОРУМ: Инфра, 1997), позднее формулу предлагал С. Ю. Туров (см.: Туров С. Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда

как уголовно-процессуальная функция: теоретико-методологический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. – Юж.-Ур. гос. ун-т. – Челябинск, 2013. – 214 с.).

10. Собрание законодательства РФ. – 03.05.2010. – № 18. – Ст. 2144.

11. Собрание законодательства РФ. – 03.05.2010. – № 18. – Ст. 2145.

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // Российская газета. – 30.12.2013. – № 295.

13. Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – С. 52–74; Муратова Н. Г., Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему от преступления при принятии процессуальных решений по уголовным делам : монография / под ред. д.ю.н., проф. Ф. Р. Сундурова. – М. : Юрлитинформ, 2016. – С. 5–26.

И. А. Насонова,

д.ю.н., профессор,

профессор кафедры уголовного процесса

С. С. Халимоненко,

к.ю.н., преподаватель кафедры

уголовного права и криминологии

ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства

внутренних дел Российской Федерации»

г. Воронеж

РОЛЬ ЗАПРЕТА В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНЦИПА ВСЕСТОРОННЕГО, ПОЛНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

Запрет занимает важное место в механизме уголовно-процессуального регулирования. Это объясняется тем, что он, наряду с позитивным обязыванием, формирует основную часть метода правового регулирования в уголовно-процессуальном праве – императивную составляющую. Запрет востребован в различных институтах уголовно-процессуального права. Не являются исключением в этом смысле и принципы уголовного судопроизводства, «опираясь на которые, российский уголовный процесс призван выполнить свое предназначение» [1]. Запрет позволяет, во-первых, выразить содержание отдельных принципов; во-вторых, участвует в формировании системы, обеспечивающей реализацию принципов уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный запрет необходим для регламентации содержания не только уже предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством принципов, но и принципов, предлагаемых для закрепления в УПК РФ. В связи с этим нельзя обойти вниманием предложения включить в число принципов, предусмотренных в главе II УПК РФ, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Следует отметить, что учеными убедительно доказана целесообразность возвращения

данного правила в систему принципов уголовного судопроизводства [2–5]. А некоторые авторы и вовсе считают, что данное положение до сих пор является принципом российского уголовного процесса [6; 7].

В свое время, будучи закрепленным в ст. 20 УПК РСФСР, данное положение, наряду с обязанностью суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, по приему всех предусмотренных законом мер для выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих его ответственность, включало следующие запреты, адресованные должностным лицам: перелгать обязанность доказывания на обвиняемого; домогаться показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер. Богатый отечественный опыт применения указанных запретов не утрачен и в наши дни. Одним из доказательств того является судебная практика, которая по-прежнему ориентирована на проверку соблюдения указанного правила в рамках рассматриваемого уголовного дела. Данное обстоятельство подтверждается изучением уголовных дел. Так, необходимость исследования судом обстоятельств дела всесторонне, полно и объективно относится апелляционными инстанциями к одному из важных критериев законности вынесенного приговора. Такой подход можно проследить на примере ряда апелляционных постановлений. Данный вид судебных решений фиксирует не только факт всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела судом [8–11], но и отступление от этого положения по разным причинам (ссылка в приговоре на документы, которые не были исследованы в судебном заседании [12], не установлены обстоятельства, имеющие существенное значение для вынесения постановления судьи об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [13]; неполное выяснение существенных обстоятельств дела [14]).

Надо сказать, что такое внимательное отношение судов к проблеме соблюдения требования о всестороннем, полном и объек-

тивном исследовании обстоятельств дела в определенной мере имеет и нормативное обоснование, несмотря на то, что в качестве принципа данное положение не закреплено.

Во-первых, УПК РФ не раз упоминает в тех или иных вариациях указанное требование (например, ч. 4 ст. 152, ч. 1 ст. 330).

Во-вторых, Закон о судебной системе говорит о необходимости обеспечения полного правосудия (ст. 33).

Феномен востребованности правила о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела нами видится в том, что запреты, с помощью которых оно формулируется, олицетворяет собой одну из важных нравственных ценностей: справедливость. Именно этот ориентир используется некоторыми зарубежными уголовно-процессуальными кодексами для закрепления правила о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Так, УПК Республики Азербайджан предусмотрел указанное правило в составе принципа справедливого рассмотрения дела (ст. 17), включив в него дополнительно также запрет на участие судей, прокуроров, следователей, сотрудников органа дознания в производстве по уголовному делу, если они прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела. Такой шаг вполне логичен в силу следующих причин. Механизм отвода участников уголовного судопроизводства, призванный гарантировать именно этот запрет, нуждается в закреплении указанного запрета в уголовно-процессуальном кодексе. А поскольку данный запрет выражает существенные стороны уголовного судопроизводства – его справедливость и объективность, то статус такого запрета должен быть поднят до уровня принципа уголовного судопроизводства.

К сожалению, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России категория справедливости практически не фиксируется, если не считать ее упоминания в ч. 2 ст. 6, ч. 4 ст. 226.9, ст. 297, ч. 1 ст. 332, ч. 4 ст. 389.28 УПК РФ. Это подтолкнуло некоторых российских ученых к мысли о закреплении справедливости в качестве принципа уголовного судопроизводства [15; 16]. Так, О. Л. Васильев, предлагая свой вариант соответствующей

нормы для закрепления в УПК РФ, обратил внимание на то, что справедливость, являясь ценностью для уголовного судопроизводства, предполагает справедливое взаимодействие между участниками уголовного процесса, соответствие действий и решений властных субъектов фактическим обстоятельствам дела, а также установление истины в качестве цели доказывания [17].

Как видно, и упомянутая модель не обошлась без решения вопроса об исследовании обстоятельств дела с позиции объективности. Надо сказать, что и справедливость, и объективность – понятия взаимосвязанные и взаимообусловленные, а применительно к уголовному судопроизводству – выражающие существенные его стороны. Вместе с тем в УПК многих государств, образовавшихся после распада СССР, идея объективного исследования обстоятельств доминирует в характеристике уголовного процесса. В одних случаях она является составляющей принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 18 УПК РФ, ст. 23 УПК Туркменистана, ст. 21 УПК РТ, ст. 19 УПК Кыргызской Республики, ст. 24 УПК РК [18]), в других – она компонент принципов законности (ч. 2 ст. 9 УПК Украины) и установления истины (ст. 22 УПК РУ), в третьих – она выражена в составе задач уголовного судопроизводства (УПК АР (ст. 8) [19]), в четвертых – закреплена в виде обязанностей лиц, ведущих уголовный процесс (ч. 2 ст. 37 УПК Грузии).

И лишь в УПК Латвии [20] объективному проведению уголовного процесса придан статус принципа уголовного процесса (ст. 16). Его содержание подробно разъясняется латвийским законодателем и, если быть кратким, сводится к запрету должностным лицам участвовать в уголовном процессе, если имеются основания для их отвода. Конкретизация возведенного в ранг принципа права на объективное проведение уголовного процесса с помощью упомянутого запрета вполне обоснована, поскольку соблюдение этого запрета надежно гарантирует беспристрастное, непредвзятое отношение должностных лиц к проведению уголовного процесса. К сожалению, такой обстоятельный подход к разъяснению на законода-

тельном уровне объективности исследования обстоятельств дела в уголовно-процессуальных кодексах встречается крайне редко. Отсутствовал он и в УПК РСФСР, закреплявшем положение о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, что нельзя признать правильным.

Полагаем, что при формулировании в УПК РФ принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела следует воспользоваться не только отечественным опытом, но и зарубежным в части конкретизации объективности как одного из компонентов указанного принципа.

Думается, что принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, наряду с традиционной формулой, должен включать в себя еще и дополнение в виде запрета на участие в производстве по уголовному делу лиц, подлежащих отводу по основаниям, предусмотренным ст. 61 и 63 УПК РФ. Предлагаемая в данном случае практика конкретизации отдельных составляющих принципа в других нормах права, существующих за пределами главы 2 УПК РФ, но в рамках уголовно-процессуального законодательства, вполне оправдана с точки зрения логики, используемой законодателем в построении УПК РФ. Данный метод активно используется законодателем и в отношении других принципов. Например, часть 2 статьи 13 УПК РФ находит свое продолжение в ст. 185 УПК РФ; ч. 1 ст. 12 УПК РФ конкретизируется в ч. 5 ст. 177 УПК РФ, а ч. 1 ст. 10 уточняется положениями ст. 91 УПК РФ.

Предлагаемый к закреплению в составе принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела запрет на участие в производстве по уголовному делу лиц, подлежащих отводу, поможет наиболее полно раскрыть его сущность. Указанный принцип следует предусмотреть в статье 17.1 УПК РФ, тем самым тематически приблизив расположение указанного принципа к ст. 17 «Свобода оценки доказательств». Правовая модель принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела представляется следующей:

«Статья 17.1. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела

1. Суд, следователь, прокурор, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель обязаны принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, собрать доказательства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие или отягчающие его ответственность обстоятельства.

2. Суд, следователь, прокурор, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель не вправе перелagать обязанность доказывания на обвиняемого.

3. Запрещается принуждение к даче показаний и объяснений путем насилия, угроз и иных незаконных мер.

4. Запрещается участие в производстве по уголовному делу лиц, подлежащих отводу по основаниям, предусмотренным статьями 61 и 63 настоящего Кодекса».

Список литературы

1. Зинатуллин З. З. Избранные труды : в 2 т. – СПб., 2013. – 702 с.
2. Кругликов А. Равенство всех перед законом и судом – принцип уголовного судопроизводства // Законность. – 2007. – № 3. – С. 34–36.
3. Федорин В. Е. Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2007. – 25 с.
4. Насонова И. А. К вопросу о разумности расширения системы принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2013. – № 1. – С. 39–41.
5. Арепьева Т. А. Начальник подразделения дознания в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2013. – 227 с.

6. Семененко М. Э. Повышение эффективности взаимодействия следствия и прокуратуры в судебном расследовании – путь к законным и справедливым решениям // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2014. – № 3 (3). – С. 275–282.

7. Садиокова У. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 315 с.

8. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 28.08.2019 (дело № 22-5524/2019). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nCJahOrHd5dV/> (дата обращения: 19.04.2022).

9. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 12.09.2019 (дело № 22-5941/2019). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xgQEmN5IUcNj/> (дата обращения: 19.04.2022).

10. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 10.09.2019 (дело № 22-2659/2019) [Электронный ресурс]. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Cotd4zJHGwoB/> (дата обращения: 19.04.2022).

11. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 10.09.2019 (дело № 22-5149/2019) [Электронный ресурс]. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/kQ9OFv60u7mh/> (дата обращения: 19.04.2022) и др.

12. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 05.09.2019 (дело № 1-112/2019) [Электронный ресурс]. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/НКZ6w84OrHt/> (дата обращения: 19.04.2022).

13. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.07.2019). – URL: <https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-osvobozhdeniia-ot-ugolovnoi-otvetstvennosti/> (дата обращения: 19.04.2022).

14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2017 (дело № 33-АПУ17-1СП). – URL: <https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki->

verkhovno-suda-rossiiskoi-federatsii_24/sudebnaia-kollegiia-po-ugolovnym-delam/protsessualnye-vopros (дата обращения: 19.04.2022).

15. Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : монография / под науч. ред. В. А. Семенцова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – С. 64.

16. Васильев О. Л. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 344 с.

17. Васильев О. Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018. – 376 с.

18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021). – URL: <https://online.zakon.kz/m/document?d> (дата обращения: 19.04.2022).

19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.07.2020). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_ (дата обращения: 19.04.2022).

20. Уголовно-процессуальный закон Латвии (принят Сеймом 21 апреля 2005 года и обнародован Президентом государства 11 мая 2005 года (с изменениями, внесенными по состоянию на 28 сентября 2005 года). – URL: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html (дата обращения: 19.04.2022).

Л. Г. Татьяна,

*д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой
уголовного процесса и правоохранительной деятельности*

А. М. Каминский,

*д.ю.н., профессор, заведующий
кафедрой криминалистики и судебных экспертиз
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

ПРИЗНАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ

Вопрос о допустимости доказательств в уголовном процессе является одним из наиболее сложных и дискуссионных. Законодатель достаточно противоречиво определил основания, процессуальный порядок и вид процессуального документа, в котором должно быть отражено решение о признании доказательства недопустимым, кроме того, не указан четко субъектный состав лиц, которые имеют право принимать указанное решение.

В статьях 86, 87 и 88 УПК РФ в качестве субъектов собирания проверки и оценки доказательств из представителей государственных органов указаны только прокурор, следователь, дознаватель и суд. Фактически руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания и должностные лица, указанные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, имеющие право возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий, не отнесены к числу лиц, осуществляющих деятельность по доказыванию.

Законодатель в ч. 3 ст. 88 УПК РФ указал: «Прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе. Доказательство, признанное недопустимым, не подлежит включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление». Таким образом, он

четко ограничил полномочия прокурора, следователя и дознавателя по вопросам признания доказательств недопустимыми только в досудебных стадиях процесса. Если в отношении следователя и дознавателя в этой части не возникает вопросов, то в отношении прокурора, осуществляющего поддержание государственного обвинения указанное положение вызывает вопросы. Поскольку в ч. 4 ст. 88 УПК РФ законодатель указал: «Суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном статьями 234 и 235 УПК». Исходя из указанной нормы следует, что только суд вправе признать доказательство недопустимым в стадии подготовки дела к судебному заседанию, в отношении принадлежности указанного права прокурору законодатель умалчивает. Учитывая, что в ч. 4 ст. 88 УПК РФ речь идет только о стадии подготовки к судебному заседанию, то логично возникает два вопроса: во-первых, кто имеет право оценивать доказательства и признавать их недопустимыми в судебных стадиях уголовного процесса? Во-вторых, при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ, а также вопросов о применении меры пресечения в порядке ст. 108 УПК РФ, кто оценивает доказательства? Законодатель не указал ни одной общей нормы, исходя из которой можно было бы четко определить субъектов доказывания в каждой стадии уголовного процесса. Указанный вопрос находится за рамками заявленной темы, поэтому мы отметим, что оценка доказательств осуществляется представителями сторон и судом, но процессуальное значение имеет только та оценка доказательств, которая осуществляется органами предварительного расследования, прокурором и судом при принятии ими процессуальных решений.

В соответствии с подп. 1 ч. 2 ст. 229 УПК РФ предварительное слушание проводится при наличии ходатайства о признании доказательства недопустимым. Следует отметить, что в ч. 1 указанной статьи назначение предварительного слушания может иметь место как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе суда, в связи с чем полагаем, что в случае, если при изучении судом поступившего уголовного дела с обвинительным заключением или

обвинительным актом возник вопрос о допустимости доказательств, положенных в основу обвинения, то судья может назначить предварительное слушание и при отсутствии ходатайств стороны.

При рассмотрении вопроса о признании недопустимым доказательством на предварительном слушании, независимо от позиции обеих сторон, суд должен рассмотреть ходатайство и принять по нему решение. Полагаем, что согласие обеих сторон о признании доказательства недопустимым не должно быть безусловным основанием для удовлетворения заявленного ходатайства, это обусловлено тем, что изначально доказательство было использовано стороной защиты или стороной обвинения, отказ от признания указанного доказательства обеими сторонами может вызвать ряд вопросов о причинах такого единого подхода у противоборствующих сторон, что, бесспорно, необходимо выяснить, поскольку в уголовном процессе воздействие на стороны, уничтожение доказательств и т. п. не являются единичными случаями, в связи с чем необходимо проанализировать оспариваемое доказательство и дать по нему соответствующую оценку.

Законодатель, как было выше отмечено, не указал изначально в каком процессуальном документе должно быть отражено решение о признании доказательства недопустимым. Учитывая, что для решения указанного вопроса проводится специальное судебное заседание, то, логично, что должен приниматься самостоятельный процессуальный акт, в котором следовало бы отражать решение суда. Однако, законодатель не предусмотрел возможности оспаривания решения суда о признании доказательства недопустимым, что исключило возможность принятия самостоятельного процессуального акта. В части 4 ст. 236 УПК РФ установлено: «Если судья удовлетворяет ходатайство об исключении доказательства и при этом назначает судебное заседание, то в постановлении указывается, какое доказательство исключается и какие материалы уголовного дела, обосновывающие исключение данного доказательства, не могут исследоваться и оглашаться в судебном заседании и использоваться в процессе доказывания». Таким образом, решение о признании

доказательства недопустимым фиксируется в процессуальном акте, принятом по вопросу движения уголовного дела, в нем же указываются те материалы уголовного дела, которые не должны оглашаться в части, связанной с исключенным доказательством.

В ч. 5 указанной статьи отмечено: «Если в ходе предварительного слушания прокурор изменяет обвинение, то судья также отражает это в постановлении...». Прокурор вправе изменить обвинение в сторону смягчения на предварительном слушании, при рассмотрении уголовного дела по существу в суде первой инстанции изменяет обвинение государственный обвинитель по согласованию с надзирающим прокурором. Хотя законодатель предусмотрел, что отказ от обвинения и изменение его в сторону смягчения должен быть мотивирован, но он не предоставил суду оценивать мотивированность позиции прокурора, а рассматривать в дальнейшем уголовное дело с учетом измененной квалификации. Таким образом, прокурор и государственный обвинитель, принимая решение об отказе от поддержания обвинения полностью или в части либо об изменении обвинения, должны оценить те доказательства, которые имеются в материалах уголовного дела вновь, поскольку первоначально прокурор их оценивал при утверждении обвинительного заключения или обвинительного акта.

Вопрос о необходимости оценки доказательств на предварительном слушании может возникнуть в случае удовлетворения ходатайства о признании доказательства недопустимым, заявленного стороной защиты, либо при предоставлении новых доказательств для приобщения их к делу. Прокурор, участвующий на предварительном слушании, изначально оценивает мотивы признания доказательств недопустимыми, которые заявляет сторона защиты, либо оценивает вновь представленные доказательства, после чего он принимает решение в зависимости от оценки им возникшей ситуации либо отстаивает недопустимость признания доказательств недопустимым, либо, соглашаясь с принятым решением, не оспаривает квалификацию, либо отказывается полностью или частично от обвинения или изменяет обвинение.

Судья, рассматривающий уголовное дело на предварительном слушании и по существу в суде первой инстанции, не вправе отказать прокурору в изменении им обвинения или не признать отказ как полный, так и частичный, от заявленного обвинения. Даже если судья не согласен с позицией прокурора, он не может при принятии решения ссылаться на его первоначальную позицию, отвергая последнюю, обвинение суд может рассматривать в рамках, которые определил прокурор. Следовательно, суд связан позицией прокурора при решении вопроса о наиболее строгой квалификации и не может выйти за рамки обвинения, которое поддерживает прокурор.

Таким образом, прокурор является участником оценки доказательств при рассмотрении дела в суде первой инстанции как на предварительном слушании, так и при рассмотрении уголовного дела по существу в судебном разбирательстве.

Следует отметить, что законодатель не указал состав участников особого производства⁷³, оценивающих доказательства при рассмотрении вопросов, возникающих в процессе предварительного расследования. Полагаем, что при решении вопросов дел особого производства именно суд оценивает доказательства, которые он учитывает при принятии решения по делу. Представители сторон оспаривают доказательства, пытаясь отстоять свою позицию; их оценка заслушивается судом, который дает собственную оценку представленным доказательствам и принимает с ее учетом процессуальное решение. Таким образом, при судебном санкционировании⁷⁴ и рассмотрении дел особого производства оценку представленных доказательств осуществляет суд.

---

⁷³ См.: Татьяна Л. Г. Виды особых производств в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26, № 2. С. 123–126.

⁷⁴ См.: Адильшаев Э. А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 1–16.

М. А. Мокшина,

к.ю.н., доцент, зав. кафедрой теории

и истории государства и права ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОЛНОМОЧИЯ, ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

В Докладе «О деятельности Уполномоченного при Президенте по правам ребенка за 2021 год» отмечается, что институт Уполномоченного по правам ребёнка занимает особое место в системе гарантий по реализации, защите и восстановлению нарушенных прав и законных интересов несовершеннолетнего. Его уникальность состоит в том, что Уполномоченный по правам ребёнка, не подменяя органы государства, не входя ни в одну из ветвей власти, аккумулирует в своих руках актуальную повестку сферы детства, оперативно оказывая помощь в решении вопросов во взаимодействии с органами власти и гражданским обществом [1].

На федеральном уровне должность Уполномоченного по правам ребенка была учреждена 1 сентября 2009 года Указом Президента РФ № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» в целях обеспечения эффективной защиты прав и интересов детей [2]. Но данный институт в субъектах РФ появился гораздо раньше. На момент подписания Указа Президента РФ № 986 в 18 субъектах Российской Федерации осуществляли свою деятельность уполномоченные по правам ребенка. И завершился процесс создания уполномоченных в регионах к 2015 году: во всех 85 субъектах РФ функционировал институт Уполномоченного по правам ребенка.

Следует отметить, что впервые должность Уполномоченного по правам ребенка в Удмуртской Республике была учреждена Указом Президента УР от 14.04.2010 № 60 [3]. В настоящее время правовой статус Уполномоченного по правам ребенка в Удмуртской

Республике определен Законом УР от 15.10.2019 № 53-РЗ (ред. от 27.05.2021) «Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике» [4].

Но для единообразного подхода в правовом статусе уполномоченных по правам ребенка, учете накопленного опыта субъектами РФ по данному институту необходимо было принять федеральный закон. И такой Федеральный закон № 501-ФЗ от 27 декабря 2018 года «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» был подписан Президентом РФ, который определил основы правового статуса уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации [5].

По нашему мнению, на правовой статус уполномоченного, осуществление его полномочий, оказывает влияние способ формирования уполномоченного по правам ребенка. В Федеральном законе указывается, что должность уполномоченного по правам ребенка является государственной должностью субъекта РФ, и порядок назначения определяется законом субъекта РФ (пп. 2 и 5 ст. 13). Следовательно, каждый субъект РФ может определить в законе свой порядок назначения и организационно-правовой статус уполномоченных. В одних субъектах Российской Федерации уполномоченные включены в систему исполнительной власти субъекта РФ. Например, в таких субъектах, как Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия), Удмуртская Республика, Рязанская область, Самарская область, Ставропольский край, Тюменская область и др. уполномоченные по правам ребенка назначаются и освобождаются от должности высшим должностным лицом субъекта РФ. В других субъектах РФ (Липецкая область, Новосибирская область, Оренбургская область, Пермский край, Томская область, Ульяновская область, Хабаровский край и др.) определен парламентский способ формирования региональных уполномоченных по правам ребенка. Уполномоченный по правам ребенка назначается законодательным органом субъекта РФ. Как представляется и как показывает практика, назначение уполномоченного по правам ребенка высшим должностным лицом субъекта РФ негативно

сказывается на самостоятельности уполномоченного, не позволяет объективно и беспристрастно реагировать на факты нарушения прав детей. А парламентская модель функционирования института уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ создает условия для большей независимости от исполнительной власти субъекта РФ. Поэтому для повышения эффективности деятельности уполномоченных в Федеральный закон № 501-ФЗ необходимо включить норму, предусматривающую порядок назначения регионального уполномоченного законодательным органом субъекта РФ.

Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» определил основные задачи, компетенцию уполномоченных, которые нашли отражение в законах субъектов РФ. Анализ полномочий региональных уполномоченных показывает, что объем их в основном одинаков, но и расширен в соответствии с федеральным законом (в частности, уполномоченный получил право обращаться в суд с административными исками в защиту прав ребенка; участвовать в обсуждении концепций и разработке проектов законов и иных нормативных правовых актов, связанных с обеспечением и защитой прав детей). Рассмотрим их на примере Удмуртской Республики. Так, в Законе Удмуртской Республики от 15.10.2019 № 53-РЗ (ред. 27.05.2021) «Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике» [6] Уполномоченный исходя из задач, определенных законом: 1) осуществляет мониторинг и анализ реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов детей на территории Удмуртской Республики;

2) содействует эффективному функционированию государственной системы обеспечения реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов детей в Удмуртской Республике;

3) принимает в пределах своих полномочий меры по предупреждению и пресечению нарушения прав и законных интересов детей;

4) осуществляет прием граждан по вопросам защиты прав и законных интересов детей, рассматривает обращения граждан, объ-

единений граждан и организаций в соответствии со статьей 8 настоящего Закона, оказывает консультативную помощь гражданам и организациям по вопросам защиты прав и законных интересов детей, форм и методов их защиты;

5) взаимодействует с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченным по правам человека в Удмуртской Республике, территориальными органами федеральных государственных органов, органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, обеспечивающими защиту прав и законных интересов детей, организациями, осуществляющими на территории Удмуртской Республики деятельность, связанную с защитой прав и законных интересов детей;

6) осуществляет сбор, изучение и анализ информации по вопросам нарушений прав и законных интересов детей, возникающих в результате действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, образовательных и медицинских организаций, оказывающих социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей, и должностных лиц;

7) анализирует правоприменительную практику, осуществляемую в Удмуртской Республике, на предмет наличия пробелов в законах и иных нормативных правовых актах Удмуртской Республики, касающихся защиты прав и законных интересов детей;

8) готовит ежегодный доклад о результатах своей деятельности;

9) осуществляет иные полномочия, предусмотренные законодательством (ст. 7).

Обратим внимание на некоторые из них. Одним из важных направлений деятельности Уполномоченного является рассмотрение обращений граждан. Их анализ позволяет разработать рекомендации и предложения по совершенствованию действующего законодательства, становится поводом для проведения мониторингов, социальных исследований и разработки специальных инициатив детского омбудсмена.

Всего за 2020 год в адрес Уполномоченного по правам ребенка в Удмуртской Республике поступило 1071 обращение [7]. Для сравнения: в 2019 году – 1244 (снижение на 8,6 % связано с эпидемиологической ситуацией в стране и на территории республики, в связи с отменой личных приемов и организацией выездов на территории муниципальных образований), из них:

- в ходе личного приема граждан – 117 (2019 – 466);
- письменно – 645 (2019 – 608);
- по телефону – 309 (2019 – 171).

В 2020 году наблюдался рост на 7,7 % обращений, касающихся семейных правоотношений; в 3,8 раза выросло количество обращений по вопросам судебной защиты и оказания квалифицированной юридической помощи; на 20,8 % обращений граждан по проблемам в сфере образования. Но уменьшилось на 7 % количество обращений по вопросам социального обеспечения, на 54 % снизилось количество обращений, связанных с предоставлением жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, детям-инвалидам, а также семьям, проживающим в домах, признанных аварийными.

Таким образом, значительное количество поступающих к Уполномоченному обращений граждан показывает, что проблема защиты прав детей в полной мере не решена и требует дальнейшего совершенствования. В ряде законов субъектов РФ содержатся нормы, определяющие порядок рассмотрения обращений граждан (например, Татарстан, Пермский край и др.). В целях повышения эффективности работы с обращениями граждан важно в законах субъектов определить порядок, особенности их рассмотрения.

Согласно ст. 7 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»: «Органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своей компетенции должны оказывать содействие ребенку в реализации и защите его прав и законных интересов посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов, проведения методической,

информационной и иной работы с ребенком по разъяснению его прав» [8].

Практика деятельности уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ показывает, что детские омбудсмены по вопросам обеспечения прав и законных интересов ребенка заключают соглашения о сотрудничестве с различными государственными органами субъектов РФ.

В рамках Соглашений организуются совместные приемы граждан, прямые телефонные линии, посещение детских учреждений республики, оздоровительных лагерей, что позволяет изучить положение детей в различных сферах их жизнедеятельности, организуется совместное проведение семинаров, круглых столов по актуальным проблемам детства. Так, в Удмуртской Республике Уполномоченный по правам ребенка осуществляет взаимодействие в целях консолидации усилий по защите прав ребенка с органами государственной власти и правоохранительными структурами: УФССП по УР, Прокуратурой УР, МВД по УР, СУ СК РФ по УР, УФСИН по УР, ГУ МЧС России по УР, Общественной Палатой УР [9].

Взаимодействие и сотрудничество сторон в интересах детей позволяет более эффективно и оперативно решать вопросы по защите прав и интересов ребенка на территории Удмуртской Республики, обеспечивает комплексное решение проблем детей.

Большинство региональных уполномоченных не имеют права законодательной инициативы. Некоторые законы субъектов РФ такое право предусматривают. Так, согласно ст. 15 Закона Кемеровской области – Кузбасса от 31 января 2011 г. № 6-ОЗ (ред. от 30.06.2021 № 66-ОЗ) «Об уполномоченном по правам ребенка в Кемеровской области – Кузбассе» Уполномоченный обладает правом законодательной инициативы в Законодательном Собрании Кемеровской области – Кузбасса [10].

В Удмуртской Республике в соответствии с п. 5 ст. 7 Закона УР от 15.10.2019 № 53-РЗ «Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике» Уполномоченный наделён правом внесения предложений по совершенствованию законодательства

республики в случаях, если законодательные акты нарушают права и законные интересы детей. Используя данное право, Уполномоченный принимал непосредственное участие в законотворческой деятельности по вопросам защиты прав и законных интересов детей, вносил предложения, направленные на совершенствование законодательства. Например, в 2020 году по инициативе Уполномоченного в законную силу вступили: Закон Удмуртской Республики от 3 июля 2020 г. № 34-РЗ «О запрете продажи бестабачных никотиновых смесей на территории Удмуртской Республики и о внесении изменений в статью 7.1 Закона Удмуртской Республики «Об установлении административной ответственности за отдельные виды правонарушений»» [11].

По нашему мнению, уполномоченные в субъектах РФ должны быть наделены правом законодательной инициативы для того, чтобы лоббировать вопросы, связанные с проблемами и интересами детей, в субъекте Российской Федерации.

Пункт 2 ст. 37 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2022 № 560-ФЗ) закрепляет, что Конституцией (уставом), законом субъекта РФ в целях обеспечения дополнительных конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина на территории соответствующего субъекта РФ и в соответствии с федеральными законами могут учреждаться должность уполномоченного по правам человека в субъекте РФ, должность уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ [12].

Учитывая то, что российское государство уделяет огромное значение проблемам детства, защите их прав, представляется, в конституции (уставы) субъектов РФ следует включить нормы, определяющие основы правового статуса Уполномоченного. Кроме того, с целью совершенствования института Уполномоченного по правам ребенка возникает необходимость в разработке модельного Закона «Об Уполномоченном по правам ребенка в субъекте Российской Федерации», в котором необходимо уделить внимание особенностям правового статуса уполномоченных, принципам их

деятельности, основным задачам, порядку формирования, полномочиям и др.

Таким образом, несмотря на то, что полномочия детских омбудсменов в субъектах Российской Федерации в целом урегулированы в законодательстве, необходимо продолжить работу по его совершенствованию в части определения порядка назначения уполномоченного, расширения компетенции, развития форм и методов взаимодействия с органами государственной власти.

Список литературы

1. См.: URL: <http://deti.gov.ru/documents/doklad/>
2. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: Указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 (ред. от 15.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике: Указ Президента Удмуртской Республики от 14.04.2010 № 60 (Утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике: Закон Удмуртской Республики от 15.10.2019 № 53-РЗ (ред. от 27.05.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ (ред. от 30.04.2021 № 116-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об Уполномоченном по правам ребенка в Удмуртской Республике: Закон Удмуртской Республики от 15.10.2019 № 53-РЗ (ред. от 27.05.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
7. См.: Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Удмуртской Республике за 2020 год. – URL: <http://deti.gov.ru/region/udmur/docs>
8. Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. 14.07.2022 № 262-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
9. См.: Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Удмуртской Республике за 2020 год. – URL: <http://deti.gov.ru/region>

10. См.: Об уполномоченном по правам ребенка в Кемеровской области – Кузбассе: Закон Кемеровской области – Кузбасса от 31 января 2011 г. № 6-ОЗ (ред. от 30.06.2021 г. № 66-ОЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (от 28.12.2022 № 560-ФЗ). – URL: <https://www.consultant.ru/>

12. См.: Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Удмуртской Республике за 2020 год. – URL: <http://deti.gov.ru/region/udmur/docs>

Ф. Ф. Зарипов,

*к.ю.н., доцент кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический
университет имени М. Т. Калашникова»*

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Проблема обеспечения безопасности участников уголовного процесса всегда привлекала к себе внимание, поскольку достижение задач уголовного судопроизводства в лице органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, во многом зависит от законодательной регламентации обеспечения безопасных условий участия лиц, вовлекаемых в производство по уголовному делу, и прежде всего тех, кто содействует осуществлению правосудия.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит нормы, заложившие основы государственной защиты лиц, содействующих осуществлению правосудия, а вступившие в законную силу 4 мая 1995 года Федеральный закон от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и 1 января 2005 года Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» предусматривают систему государственной защиты таких лиц.

Из-за необходимости консолидации межотраслевых усилий федеральных органов исполнительной власти в сфере обеспечения безопасности личности существует потребность в теоретических исследованиях, связанных с функционированием института обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе, а также в обобщении мирового опыта деятельности правоохранительных и судебных органов. При этом важно использовать опыт зарубежных органов, обеспечивающих безопасность участников

уголовного судопроизводства, именно с учетом наших российских особенностей: наличия, в частности, организованной преступности; преобладания преступной субкультуры в части общества и среди молодежи; увеличения коррупционных преступлений, а также определенной забюрократизированности (администрирования) правоохранительных органов и судебной системы.

Важность и значимость для правоприменительной практики реализации в уголовно-процессуальной деятельности надлежащей охраны прав и свобод человека и гражданина, соблюдения его интересов посредством применения специальных уголовно-процессуальных и иных мер обеспечения безопасности к участникам уголовного процесса не вызывает сомнений.

Отправляясь от конституционной доминанты о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции Российской Федерации). На основе анализа уголовно-процессуального законодательства, материалов правоприменительной практики и доктринальных положений по проблеме обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства была, как представляется, установлена прямая связь влияния современной российской уголовно-процессуальной политики на применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства компетентными государственными органами⁷⁵.

---

⁷⁵ См.: Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. М. 1997; Юнусов А. А. Обережение участников уголовного процесса и их близких : дисс ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998; Брусницын Л. В. Правовое обеспечение лиц, содействующих уголовному правосудию. М., 1999; Бекетов М., Саморока В. Поводы и основания принятия решения о применении мер безопасности // Уголовное право. 2016. № 3. С. 103–109; Муратова Н. Г. Безопасность личности в уголовной юстиции: первый опыт УПК РФ // Проблемы правовой защиты общечеловеческих ценностей в современной России: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 15–16 сентября 2005 г. Уфа., 2005. Часть III. С. 180–190; Томилова Н. С. Принцип государственной защиты потерпев-

Очевидно, что в результате данных исследований ученые-процессуалисты пришли к выводу о теснейшей, имманентной связи политики в этой области с формированием уголовно-процессуальных институтов и основополагающих принципов правового регулирования обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, а также с порядком применения мер государственной защиты, что все-таки определяет процессуальные гарантии обеспечения безопасности лиц в качестве участников уголовного судопроизводства.

Надо признать, что в советский период существования России вопросы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства находились практически вне сферы правового регулирования, а следовательно, и правоприменения. Советское уголовное судопроизводство формулировалось с позиции преимущественного укрепления законности и ассоциировалось с задачами быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения и наказания виновных в них лиц (ст. 2 УПК РСФСР 1960 года).

Разгул преступности в бурные годы социально-экономических преобразований в России в конце XX века побудил законодателя к принятию в 1995 г. Федерального закона № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», который был прорывом в реализации законодательных инициатив, но, к сожалению, не подкреплена материальными, ни организационными действиями со стороны государства. Практически лишь через десять лет законодатель

ших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: дис ... канд. юрид. наук. М., 2009; Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004; Дмитриева А. А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве. М., 2017; Она же. Предпосылки начала процесса безопасного участия личности в уголовном процессе как элемент теоретической модели // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 4. С. 7–13; Малахова Л. И. Меры безопасности в уголовном судопроизводстве: проблемы реализации и эффективности // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 4. С. 14–18; и др.

закрепил в Федеральном законе № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» меры безопасности в отношении таких участников уголовного процесса, которые в первую очередь и нуждались в государственной защите и обеспечении безопасных условий при участии в уголовном судопроизводстве.

Многофакторные изменения в области социальных и экономических составляющих жизни постсоветской России обуславливают соответствующие корректировки как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Названные ранее федеральные законы подверглись определенным новациям с позиции усиления гарантий обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, значительные изменения и дополнения внесены и продолжают вноситься в действующий УПК РФ, а также в законодательные акты, имеющие отношение к обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства.

Общественные отношения требуют и обязывают государство в лице соответствующих органов своевременно реагировать на все процессы, которые происходят в социуме. В случае, если обратная реакция замедляется, то в обществе сразу же возникает напряжение, что, естественно, в конечном итоге влияет на безопасность государства.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в этом направлении уже многое сделано. За последние 10 лет внесены существенные изменения и дополнения, прежде всего, в ряд законов, направленных на повышение эффективности обеспечения безопасного участия личности в сфере уголовного судопроизводства, создается устойчивая тенденция к детализированной процедуре регулирования института безопасности его участников.

Так, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, наделенным процессуальными правами особого свидетеля (ст. 56.1 УПК РФ), теперь предусматривает возможность применения к нему мер безопасности (ст. 317.9 УПК РФ). Нормы статьи 144 УПК РФ дополнены положением о возможности обеспечения безопасности

лица до возбуждения уголовного дела, в ходе проверки сообщения о преступлении. Статья 159 УПК РФ дополнена новой ч. 2.1 об исключении из общего правила допуска защитника на следственные действия, проводимые в целях обеспечения мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ. В целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд наделен правом принимать решения об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования видео-конференц-связи (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ). Последние изменения в законодательстве коснулись обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах⁷⁶.

Вместе с тем отсутствие в уголовно-процессуальном законе четко выраженного нормативного порядка применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства отрицательно сказывается не только на обеспечении их безопасности, но и в целом на реализации их процессуальных прав и интересов. В действующем УПК РФ, к сожалению, не раскрываются такие понятия, как меры обеспечения безопасности участников процесса и государственная защита и, естественно, не регламентирован порядок их применения государственными органами. В законе отсутствуют нормы, в которых указывались бы разновидности таких мер.

В силу того, что обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства и реализацией мер государственной защиты занимаются различные ведомства правоохранительной системы, возникает необходимость преодоления разобщенности их деятельности, разрешения множества вопросов правового и организационного характера, что требует от государства создания четкой и эффективной межотраслевой системы обеспечения безопасности личности не только в уголовном судопроизводстве, но охватывающей и другие сферы российской правовой системы.

---

⁷⁶ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 515-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2021 г. № 1 (часть I) ст. 54.

Содержание общей безопасности и безопасности личности в уголовном судопроизводстве также тесно связаны как с национальной безопасностью, так и ее составляющими элементами. В уголовно-процессуальной науке уже сравнительно продолжительное время предлагается сформулировать понятие мер обеспечения безопасности, выделить их виды, провести классификацию, раскрыть содержание и сконструировать процессуальный алгоритм применения данных мер, что и нами также поддерживается⁷⁷.

Меры обеспечения безопасности к участникам уголовного процесса применяются сегодня практически в разовом порядке, а не на системной основе. В большей степени это относится к таким мерам обеспечения безопасности, которые требуют значительных материальных затрат и организационных действий. Отсутствует, в частности, четкий механизм переселения того или иного участника уголовного процесса в безопасное место жительства, возможность изменения его внешнего вида, личных данных и так далее. Для осуществления реальной защиты и применения мер безопасности, предусмотренных законодательством в этой сфере, необходимы, как представляется, соответствующие изменения в пенсионном, трудовом, жилищном, медицинском законодательствах, которые должны производиться одновременно.

Отправляясь от сформулированного в п. 58 ст. 5 УПК РФ определения участника процесса, считаем необходимым классифицировать участников для применения в их отношении конкретных процессуальных мер безопасности, а также иных мер государственной защиты.

В наших публикациях, в том числе совместных с профессором Зинуром Зинатулловичем Зинатуллиным о влиянии уголовно-процессуальной политики на гуманную трансформацию российского уголовного судопроизводства, была обоснована необходимость выделения из содержания ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод

---

⁷⁷ См.: Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004; Дмитриева А. А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве. М., 2017 и другие;

человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» самостоятельного принципа «Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства», реализуемого на всех стадиях производства по уголовным делам⁷⁸, который стал бы «локомотивом» по изменению отношения к проблеме обеспечения безопасности личности в уголовном процессе и обеспечил бы конкретные действия со стороны государства в этом направлении.

Считаем, что указанные изменения создадут системный подход в реализации межотраслевого института обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Бекетов М., Саморока В. Поводы и основания принятия решения о применении мер безопасности // Уголовное право. – 2016. – № 3. – С. 103–109.

2. Брусницын Л. В. Правовое обеспечение лиц, содействующих уголовному правосудию. – М., 1999. – 106 с.

3. Дмитриева А. А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – М., 2017. – 170 с.

4. Дмитриева А. А. Предпосылки начала процесса безопасного участия личности в уголовном процессе как элемент теоретической модели // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 4. – С. 7–13.

5. Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – СПб., 2004. – 329 с.

---

⁷⁸ См.: Зарипов Ф. Ф. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса как самостоятельный принцип российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2016. Т. 26, вып. 2. С. 92–95; Зарипов Ф. Ф., Зинатуллин З. З. Человеческое и гуманизм – стержневые доминанты уголовно-процессуальной политики современной России // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 56–64; Зарипов Ф. Ф. Реализация принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 240 с.

6. Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. – М., 1997. – 135 с.
7. Зарипов Ф. Ф. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса как самостоятельный принцип российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2016. – Том 26, вып. 2. – С. 92–95.
8. Зарипов Ф. Ф. Реализация принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2021. – 240 с.
9. Зарипов Ф. Ф., Зинатуллин З. З. Человеколюбие и гуманизм – стержневые доминанты уголовно-процессуальной политики современной России // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 56–64.
10. Малахова Л. И. Меры безопасности в уголовном судопроизводстве: проблемы реализации и эффективности // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 4. – С. 14–18.
11. Муратова Н. Г. Безопасность личности в уголовной юстиции: первый опыт УПК РФ // Проблемы правовой защиты общечеловеческих ценностей в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 15–16 сентября 2005 г. – Уфа., 2005. – Часть III. – С. 180–190.
12. Томилова Н. С. Принципы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 181 с.
13. Юнусов А. А. Обережение участников уголовного процесса и их близких : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород., 1998. – 168 с.

Э. Р. Гафурова,

к. ю. н., доцент кафедры теории

и истории государства и права ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Институт освобождения виновных лиц от уголовной ответственности (далее – УО) следует рассматривать как один из способов проявления в уголовном законодательстве принципа гуманизма.

Сам принцип гуманизма в уголовном праве можно позиционировать как фундаментальную, законодательно закреплённую основу взаимоотношений государства, общества и конкретных лиц в рамках уголовно-правовой защиты от противоправных посягательств [5, с. 85].

Освобождение от УО, отражая принцип гуманизма, подтверждает высшую ценность человека в уголовно-правовых отношениях, предоставляя виновному в совершении преступления возможность быть освобождённым от УО по имеющимся в уголовном законодательстве основаниям.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) институт освобождения от УО регламентирован гл. 11 Общей части, который включает в себя следующие основания освобождения:

- деятельное раскаяние;
- примирение с потерпевшим;
- возмещение ущерба;
- назначение судебного штрафа;
- истечение сроков давности [1].

Помимо этого, в УК РФ также предусмотрены отдельные виды освобождения от УО, например, амнистия, применение

принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, а также специальные основания, предусмотренные в примечании к некоторым статьям Особенной части УК РФ.

Далее, обратим внимание на содержание уголовного законодательства Республики Казахстан, а именно рассмотрим основания освобождения от УО по Уголовному кодексу Республики Казахстан (далее – УК РК) № 226-V от 3 июля 2014 года. В УК РК данный перечень оснований закреплен в разделе 5 «Освобождение от УО и наказания», к ним относятся:

- деятельное раскаяние (ст. 65);
- освобождение при превышении пределов необходимой обороны (ст. 66);
- выполнение условий процессуального соглашения (ст. 67);
- примирение (ст. 68);
- изменение обстановки (ст. 70);
- истечение срока давности (ст. 71);
- амнистия (ст. 78) [7].

К тому же в ст. 83 раздела 6 «УО несовершеннолетних» регламентируется основание освобождения от УО несовершеннолетнего виновного, где в отличие от УК РФ имеется оговорка, касающаяся первичности совершения преступления средней тяжести. К тому же по УК РК несовершеннолетний, впервые совершивший тяжкое преступление, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, может быть также освобожден судом от УО в случаях примирения. В УК РФ такое освобождение возможно за совершение преступлений небольшой либо же средней тяжести.

Рассматривая вышеперечисленные основания освобождения от УО по УК РФ и по УК РК, отметим, что оба законодательства включают в себя деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, истечение сроков давности, амнистию и применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних.

Далее обратим внимание на то, что в УК РК помимо преступления указан и уголовный проступок. Согласно ч. 3 ст. 10 указанно-

го закона под уголовным проступком понимается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства.

В соответствии же со ст. 75 УК РФ лицо может быть освобождено от УО в связи с деятельным раскаянием, однако законодатель ограничивает случаи такого освобождения рядом определенных условий: преступление должно быть совершено впервые и относиться к категории небольшой или средней тяжести. УК РК напротив не указывает категоризацию совершенного впервые преступления, но при этом в ч. 2 ст. 65 УК РК устанавливает перечень деяний, за совершение которых лицо не может быть освобождено от УО, даже если совершило преступление или уголовный проступок впервые.

По ст. 76.1 УК РФ и ст. 68 УК РК подлежит освобождению от УО в связи с примирением с потерпевшей стороной. Более того, УК РК предусматривает освобождение по данному основанию для отдельной категории лиц, для впервые совершивших тяжкое преступление, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека. В российском уголовном законодательстве такое положение отсутствует.

Обращая внимание на нормативную установку об истечении сроков давности, следует отметить, что в УК РК лицо подлежит освобождению от УО по истечении 5 лет после совершения преступления средней тяжести, а в УК РФ срок составляет 6 лет, а также в УК РК определен и срок давности, равный 10 годам для лиц, совершивших коррупционные преступления небольшой или средней тяжести.

Вследствие издания акта об амнистии по УК РК могут быть освобождены от УО лица, совершившие уголовный проступок или

преступление небольшой либо средней тяжести. В УК РФ категория преступлений не определена, то есть акт об амнистии может быть вынесен и в отношении лица, совершившего тяжкое преступление. К тому же отличительной особенностью от УК РК является и то, что в ч. 2 ст. 78 УК РК приводится перечень преступлений, за совершение которых норма об амнистии не применяется.

Помимо норм, касающихся освобождения от УО, схожих с российским уголовным законодательством, в УК РК имеются нормы, регламентирующие следующие основания: в связи с изменением обстановки, выполнение условий процессуального соглашения, превышение пределов необходимой обороны.

Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ [3] была декриминализована ст. 77 УК РФ, устанавливающая освобождение виновных в преступлении лиц от УО в связи с изменением обстановки. В УК РК подобная норма действует и по сегодняшний день.

В раздел об освобождении от УО в УК РК включено также основание, касающееся выполнения условий процессуального соглашения, закрепленного гл. 63 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) № 231-V от 4 июля 2014 г. [8]. Данное положение УПК РК схоже с регулированием процедуры заключения досудебного соглашения по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [2], также в нормах Общей части УК РФ нет упоминания о том, что при досудебном соглашении лицо может быть освобождено от УО, однако согласно предписаниям гл. 10 УК РФ досудебное соглашение влияет на назначаемое виновному лицу наказание.

Таким образом, в Республике Казахстан наличие процессуального соглашения и выполнение виновным указанных в нем условий влечет за собой освобождение лица от УО, в России же наличие досудебного соглашения влияет только на размер назначаемого наказания.

В целом УК РК в Общей части предусматривает аналогичные с УК РФ виды освобождения от УО [4, с. 36]. Но, кроме того, в соответствии со ст. 66 УК РК освобождается от УО лицо, превысив-

шее пределы необходимой обороны. В российском уголовном законодательстве необходимая оборона рассматривается как обстоятельство, исключающее преступность деяния. То есть деяния, формально содержащие все признаки состава преступлений, специальными указаниями уголовного закона преступными не признаются (их преступность исключается) [6, с. 64], а значит УО исключается. В УК РК при необходимой обороне присутствует преступность деяния, но вследствие страха, испуга или замешательства, вызванного общественно опасным посягательством, лицо с учетом обстоятельств дела может быть освобождено от УО.

На основании рассмотренных нами норм, регламентирующих основания освобождения от УО в России и Республике Казахстан, свидетельствует о схожести большей части таких оснований с учетом особенностей каждой страны. УК РК так же, как и УК РФ, гуманен по своей юридической природе в отношении виновных в совершении противоправных действий лиц, но отличается более «жесткими» рамками в части освобождения от ответственности за совершение коррупционных преступлений, половых преступлений и т. д. По нашему мнению, возможно стоит перенять предписания об освобождении от УО лиц, виновных в совершении подобного рода преступлений, по аналогии с УК РК, а также указать в статьях гл. 11 УК РФ, что основания не распространяются на лиц, совершивших, к примеру, преступление коррупционного характера. Помимо схожести имеются и различия, например, в УК РК отсутствуют статьи об освобождении от УО в связи с возмещением вреда или назначением судебного штрафа (ст. 76–76. 1 УК РФ).

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 249.

3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Российская газета. – 2003. – № 252.

4. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дисс ... докт. юрид. наук. – Москва, 2005. – 396 с.

5. Зорина Е. А., Вахмистрова С. И. Институт освобождения от уголовной ответственности и принцип гуманизма // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 1. – С. 85–89.

6. Савинский А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в формате общей теории права // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 11(168). – С. 62–70.

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.11.2022). – URL: <https://online.zakon.kz/>

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.11.2022). – URL: <https://online.zakon.kz/>

А. А. Насонов,

*к.ю.н., старший преподаватель кафедры
уголовного процесса ФГКОУ ВО «Воронежский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Воронеж*

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА СОГЛАСОВАНИЯ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Институт уголовно-процессуального согласования прошел долгий эволюционный путь. На ранних этапах становления российского уголовного судопроизводства лишь иногда тексты правовых актов обращались к категории «согласие». В период судебной реформы 1864 года спрос на указанную категорию возрос, о чем свидетельствует текст Устава уголовного судопроизводства. Так, в нем содержится упоминание о взаимном согласии сторон (например, ст. 97), добровольном соглашении между лицом и свидетелем на приглашение последнего в суд (ст. 576), разрешении председателя суда на выполнение кем-либо из участников процесса тех или иных действий (например, в ситуации, когда членами съезда предлагались вопросы, необходимые для устранения разноречий и разъяснения дела (ст. 162)) и др. Расширение сферы применения согласования в эпоху судебной реформы было неразрывно связано с проникновением диспозитивных начал в уголовное судопроизводство того периода. Тенденция к расширению диспозитивных начал в уголовном процессе и усилению востребованности механизма согласования сохранялась и в советский период, особенно если иметь в виду тот его этап, на котором действовал УПК РСФСР от 27.10.1960. Текст указанного нормативного акта предусматривал различные виды согласия и согласования (например, согласование следователем решения о прекращении уголовного дела вследствие изменения обстановки с прокурором (ст. 6 УПК РСФСР); разрешение следователя обвиняемому на его присутствие при производстве судебной экспертизы (п. 4 ч. 1 ст. 185 УПК РСФСР) и др.)

Однако пик востребованности категории «согласие» приходится на современный период, который ознаменован действием УПК РФ (2001 г). Причем потребность в ней настолько высока, что она упоминается в понятийном ряду, которому посвящена ст. 5 УПК РФ. Тем самым законодатель отнес категорию «согласие» к основным понятиям, используемым в УПК РФ. Кроме того, указанная категория используется для обозначения многих видов согласия, применяемых в тех или иных ситуациях. Одним из таких видов согласия являются всевозможные разрешения, сопровождающие уголовно-процессуальное принуждение. Причем речь идет не только о мерах пресечения, но и о принудительных следственных и иных процессуальных действиях. Такое широкое понимание уголовно-процессуального принуждения проходит красной нитью через многие работы известного ученого процессуалиста, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля наук Российской Федерации Зинура Зинатуллоевича Зинатуллина [1, с. 538–539]. Данная позиция находит свой отклик и в работах других авторов.

Применение наиболее строгих мер пресечения (заключение под стражу, залог, запрет определенных действий, домашний арест) требует соответствующего согласования. Так, следовательно, иницируя перед судом их избрание, должен согласовать вопрос о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения с руководителем следственного органа, а дознаватель – с прокурором. Цель такого согласования заключается в том, чтобы проконтролировать законность и обоснованность выбора следователем, дознавателем соответствующих мер пресечения. Указанная возможность реализуется в ходе процессуального ведомственного контроля, осуществляемого руководителем следственного органа, а также прокурорском надзоре, реализуемом прокурором. Данный фильтр не только облегчает работу судьи, на разрешение которого ставится вопрос об избрании меры пресечения (заключение под стражу, залог, запрет определенных действий, домашний арест), но и в определенной мере гарантирует качество судебного решения.

Способность осуществлять контроль с помощью согласия, разрешения свойственна властным субъектам и в других ситуациях применения мер пресечения. Например, она дает о себе знать в случаях дачи дознавателем, следователем, судом разрешения на оставление лицом, в отношении которого избрана подписка о невыезде, его постоянного или временного места жительства (п. 1 ч. 1 ст. 102 УПК РФ).

Однако носителями согласия, применяемого в сфере уголовно-процессуального принуждения, могут быть не только властные субъекты, но и лица, которые не наделены властными полномочиями. Применительно к мерам пресечения весьма актуальным является согласие лица, в отношении которого они избираются. Данный фактор учитывается при избрании личного поручительства (ч. 2 ст. 103 УПК РФ) и наблюдении командования воинской части (ч. 2 ст. 104 УПК РФ). Так, для применения личного поручительства необходимо согласие подозреваемого и обвиняемого, в отношении которых оно избирается. Аналогичное согласие требуется и для реализации другой меры пресечения – наблюдения командования воинской части. Кроме того, анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что согласие указанных участников уголовного судопроизводства требуется и в случае применения к ним залога (ч. 2 ст. 106 УПК РФ). Во всех указанных случаях согласие используется подозреваемым и обвиняемым в качестве процессуального средства для защиты своих прав и законных интересов.

Примечательно, что согласие в качестве средства контроля и средства прокурорского надзора востребовано не только в сфере применения мер пресечения, но и в ходе применения принудительных следственных действиях. Прежде всего, следует упомянуть те следственные действия, производство которых может угрожать конституционным правам граждан. Недаром их избрание отнесено к компетенции суда. Среди таких действий следует назвать: обыск и (или) выемку в жилище; обыск, выемку, осмотр в отношении адвоката; личный обыск (кроме случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ); выемку заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи;

выемку предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну, а также информацию о вкладах и счетах граждан; выемку и осмотр корреспонденции; осмотр жилища без согласия лица, проживающего в нем; контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Возбуждение следователем перед судом ходатайства о производстве указанных следственных действий контролируется со стороны руководителя следственного органа. Именно последний дает согласие на обращение следователя с указанным ходатайством в суд. Соответственно, инициирование дознавателем производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, надзирается со стороны прокурора в ходе согласования с ним упомянутого ходатайства, подготовленного дознавателем. Очевидно, что согласие властных субъектов уголовного процесса в упомянутых случаях имеет своим назначением контроль за деятельностью следователя и дознавателя при выполнении следственных действий, носящих принудительный характер. Именно этот вид согласия доминирует в сфере уголовно-процессуального принуждения.

Возникает вопрос, насколько оптимально выбран прокурор в качестве субъекта согласования ходатайств о применении ряда мер пресечения и производстве принудительных следственных действий? Представляется, что полномочие по согласованию возбуждения перед судом указанного ходатайства целесообразнее было бы передать начальнику подразделения дознания, на что уже обращали в свое время внимание отдельные авторы [2, с. 14]. Ведь субъектом согласования мер пресечения и принудительных следственных действий на предварительном следствии является участник, осуществляющий ведомственный контроль, – руководитель следственного органа. Значит, по логике вещей и в ходе дознания субъектом согласования должен быть носитель ведомственного процессуального контроля. Указанный контроль за дознавателем осуществляет в первую очередь начальник подразделения дознания, который нахо-

дится в курсе дознания, проводимого по тому или иному уголовному делу, то есть знает ситуацию изнутри [3, с. 51]. В этом смысле ему легче, чем прокурору, принять правильное решение, причем сделать это оперативно. Предложение использовать единый подход к определению субъекта согласования избрания меры пресечения и производства следственных действий на предварительном следствии и дознании объясняется еще и тем, что постепенно различие указанных форм предварительного расследования стирается. Во многом указанные формы становятся похожими друг на друга. А это, в свою очередь, требует и единообразного подхода к решению многих вопросов, сопровождающих их, включая и вопрос избрания мер пресечения и производства следственных действий.

Примечательно, что предложенные преобразования не направлены на полное вытеснение прокурорского надзора со стадии предварительного расследования. Он должен сохраниться на указанной стадии только в других формах. Это немаловажно для качества принимаемых решений в досудебном производстве. Так, прокурор сможет успешно контролировать ситуацию в судебном заседании, где его участие необходимо сохранить. И если прокурор не согласится с выводами дознавателя и начальника подразделения дознания, следователя и руководителя следственного органа относительно избрания мер пресечения или относительно производства следственных действий, он может в судебном заседании не только объявить о своем мнении, но и отстоять его. Кстати, уже сейчас правоприменительная практика знает примеры, когда суд при избрании меры пресечения и решении вопроса о производстве следственного действия отдавал предпочтение доводам прокурора, а не следователя и его ведомственного руководства.

Представляется, что прокурор, даже не будучи субъектом согласования мер пресечения и следственных действий, может успешно осуществлять прокурорский надзор за предварительным расследованием. Вместе с тем передача полномочий по согласованию начальнику подразделения дознания повысит ответственность указанного субъекта за результаты расследования, укрепит систему

ведомственного процессуального контроля на предварительном расследовании, позволит принимать решения оперативно и со знанием дела. Наконец, процессуальная самостоятельность дознавателя, которая важна для расследования преступления, сможет подняться на более высокий, качественный уровень. Следовательно, упразднение некоторых видов согласования не может быть отнесено к деструктивным процессам в уголовно-процессуальной сфере. Скорее наоборот, поскольку предложенные преобразования направлены в конечном итоге на повышение эффективности предварительного расследования. Кроме того, в результате предложенных преобразований прокурор не утратит до конца статус субъекта, наделенного полномочием согласования на стадии предварительного расследования. Право давать согласие должно сохраниться за прокурором, например в ситуации заключения досудебного соглашения. Именно он, наряду с обвиняемым, подозреваемым и их защитниками, остается стороной в указанном соглашении, и поэтому обойтись без его согласия в указанном случае не представляется возможным [4, с. 6].

Применительно к некоторым видам согласия, исходящим от невластных субъектов, также ведется дискуссия об их целесообразности. Так, О. Н. Тисен видит спорной ситуацию заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым. Автор не без основания полагает, что она означает: «подозреваемый заранее соглашается со всем, что сторона обвинения ему предъявит в качестве окончательного обвинения в процессе дальнейшего расследования по делу» [5, с. 254]. Очевидно, что такая ситуация не застрахована от нарушения презумпции невиновности, а значит, таит в себе угрозы нарушения прав личности. В тоже время заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым, как правило, не порождает указанных проблем. В связи со сказанным видится целесообразным отказаться от заключения досудебного соглашения с подозреваемым и, следовательно, от такого вида согласия, как согласие подозреваемого на заключение указанного соглашения. Такое сокращение видов согласия, носителями которого выступают

невластные субъекты, направлено на обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, что вполне согласуется с назначением уголовного судопроизводства, предусмотренным ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

Проведенное исследование в рамках предложенной темы научной статьи показывает, что система уголовно-процессуального согласия не является совершенной. Ее преобразование необходимо хотя бы потому, что согласие относится к средствам реализации уголовно-процессуального принуждения. Совершенствование системы уголовно-процессуального согласия должно осуществляться сообразно назначению уголовного судопроизводства. Учет сформировавшегося в уголовном судопроизводстве спроса на оптимальность при построении упомянутой системы не должен нарушать ее внутреннего баланса.

Список литературы

1. Зинатуллин З. З. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2013. – 608 с.

2. Науменко О. А. Обеспечение прав личности при производстве дознания : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014. – 231 с.

3. Табаков С. А. Получение руководителем следственного органа показаний подозреваемого (обвиняемого) // Законодательство и практика. – 2013. – №1 (30). – С. 49–51.

4. Абшилава Г. В. О процессуальной роли прокурора в заключении соглашения о сотрудничестве // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. – Тюмень : ТГАМЭУП, 2013. – Вып. 10. – Ч. 2. – С. 5–7.

5. Тисен О. Н. Содержание досудебного соглашения о сотрудничестве и особенности его заключения // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 ноября 2013 г.). В 2 Ч. – Вып. 10. – Ч. 2. – Тюмень : Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2013. – С. 253–258.

С. А. Стяжкина,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры

уголовного права и криминологии ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ

Проблема защиты информации приобретает все большую актуальность. Развитие информационно-телекоммуникационных сетей, повсеместная цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека и общества привели к серьезной проблеме необходимости защиты и охраны информации от различного рода посягательств. Как отмечается в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 5 октября 2016 г. № 646 «Информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства» [4]. Безусловно, цифровые технологии очень удобны, практичны и предоставляют широкие возможности для получения и использования информации и информационных ресурсов как в публично-правовой сфере, сфере государственного регулирования общественных отношений, так и в частной жизни отдельных граждан, организаций. Но не стоит забывать и о другой стороне данного вопроса. Особенно актуальной становится проблема защиты информации от различного рода противоправных угроз. Причем проблема носит комплексный характер, включая в себя как вопросы технического, так и правового, организационного характера. Уголовно-правовая защита информации является неотъемлемой частью системы информационной безопасности. При решении уголовно-правовых задач в сфере обеспечения защиты информации необходимо исходить из общих вопросов информационной безопасности и ее целей и задач.

Одним из актуальных вопросов является вопрос определения круга сведений, которые должны подлежать уголовно-правовой охране. В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006

№ 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» всю информацию, в зависимости от категории доступа, можно подразделить на общедоступную информацию, а также на информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами (информация ограниченного доступа) [3]. Безусловно, уголовно-правовой защите должны подлежать только сведения, доступ к которым ограничен, т. е. речь идет об информации ограниченного доступа.

Следует отметить, что к информации ограниченного доступа относится достаточно большой круг сведений, который может расширяться по мере необходимости. Так, к данной группе сведений относятся сведения составляющие государственную тайну, сведения о частной жизни лица, сведения составляющие налоговую, банковскую, коммерческую тайну, персональные данные и др. Также в законе указывается и на служебную тайну, условия отнесения сведений к которой должны быть предусмотрены федеральными законами, а также установлена ответственность за ее разглашение. Уголовный кодекс РФ не содержит отдельной статьи, которая бы предусматривала ответственность за посягательство на служебную тайну. В связи с чем в научной литературе поднимается вопрос о целесообразности установления уголовной ответственности за посягательство на сведения, составляющие служебную тайну. В частности, М. А. Ершов предлагает дополнить действующий уголовный закон России статьей «Нарушение служебной тайны», правда, не указывая, в каком разделе и главе будет расположена данная статья [5].

Представляется, что вопрос криминализации подобного рода действий должен быть основан на анализе общественной опасности деяния и пробельности уголовного законодательства в части регулирования данных отношений.

Если под служебной тайной понимать служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами [2], как это закреплено в Указе Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении

Перечня сведений конфиденциального характера», то можно прийти к выводу, что Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за разглашение подобного рода сведений. В частности, ст. 320 УК РФ предусматривает ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, ст. 311 УК РФ предусматривает ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса. Оба этих преступления предусматривают признаки специального субъекта преступления, а именно «лицо, которому эти сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью».

В обоих случаях речь идет о преступлении, связанном с осуществлением лицом своей служебной деятельности в сфере осуществления мер безопасности, применяемых в отношении сотрудников правоохранительных органов либо участников уголовного судопроизводства. То есть можно сделать вывод, что данные преступления как раз и относятся к преступлениям, посягающим на служебную тайну. Как правило, к лицам, которым сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью, относятся сотрудники правоохранительных органов, представители специальных служб. В соответствии с Федеральным законом от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» к органам, применяющим и осуществляющим меры безопасности относятся органы внутренних дел РФ, органы федеральной службы безопасности, органы внешней разведки Российской Федерации, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, таможенные органы и органы государственной охраны, где в целях обеспечения безопасности защищаемых лиц создаются в установленном порядке специальные подразделения [1].

Таким образом, уголовный закон предусматривает составы преступлений, охраняющих служебную тайну. Приводя доводы необходимости введения отдельной статьи в Уголовный кодекс РФ,

которая бы предусматривала ответственность за «нарушение служебной тайны», авторы, к сожалению, ограничиваются лишь общими фразами («трудности в квалификации», «уклонение виновных»), не приводя конкретных примеров сведений, составляющих служебную тайну, которые бы не были защищены мерами уголовно-правового характера, а также в каких случаях виновные уклонились от ответственности за нарушение служебной тайны.

Кроме того, вызывает вопросы сама формулировка объективной стороны предлагаемых составов, которая звучит как «нарушение служебной тайны». Представляется, что термин нарушение не совсем применим к предмету рассматриваемых преступлений. Если речь идет о сведениях, составляющих служебную тайну, но нарушить их вряд ли удастся. Сведения можно незаконно собрать, распространить, использовать и т. д., но не нарушить.

Еще одним немаловажным аспектом рассматриваемой проблемы выступает вопрос о месте расположения предлагаемого состава в структуре уголовного закона. Решение вопроса криминализации какого-либо деяния, безусловно, необходимо начинать с анализа его предполагаемого объекта, оценки его общественной опасности и соотносимости с другими преступлениями. К сожалению, авторы предложений о необходимости введения отдельной нормы об уголовной ответственности за «нарушение служебной тайны» этот вопрос вообще не рассматривают.

Еще одним критерием оценки эффективности и обоснованности уголовно-правовых запретов могут выступать данные официальной статистики, свидетельствующие о распространенности этих преступлений. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2021 год не было ни одно осужденного ни по ст. 311 УК РФ, ни по ст. 320 УК РФ. Такая же картина наблюдалась и в 2020 и в 2019 годах.

Таким образом, возникает вопрос о целесообразности существования запретов, предусмотренных ст. 311 УК РФ и 320 УК РФ. Данные составы по конструкции признаков объективной стороны относятся к числу формальных и считаются оконченными с момента

разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении указанных в диспозиции лиц. Возможно, данные действия следует рассматривать в качестве дисциплинарных проступков, а уголовную ответственность предусматривать только в случаях наступления неблагоприятных последствий, наступивших в результате разглашения сведений о мерах безопасности. То есть речь идет о целесообразности дополнения рассматриваемых составов таким признаком объективной стороны, как неблагоприятные последствия, которые должны наступить в результате разглашения сведений.

Подводя итог, следует отметить, что, на наш взгляд, служебная тайна, как некое родовое понятие, не может выступать предметом уголовно-правовой охраны. Помимо уголовно-правового регулирования существуют и другие механизмы защиты различного рода сведений, в том числе и служебной тайны. Представляется, что степень общественной опасности разглашения сведений, составляющих служебную тайну, не достаточно высок для признания этих деяний преступными.

Список литературы

1. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // СПС «Гарант».
2. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) // СПС «Гарант».
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «Гарант».
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 5 октября 2016 г. № 646.
5. Ершов М. А. К вопросу об уголовно-правовой защите профессиональной и служебной тайны // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13).

А. А. Юлбердин,

аспирант кафедры уголовного процесса

и правоохранительной деятельности ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ТРУДНОДОСТУПНАЯ МЕСТНОСТЬ КАК МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ

Российская Федерация является крупнейшим государством на земном шаре и занимает 1/7 всей суши. Население распределено крайне неравномерно: 68,53 % россиян проживают в европейской части России, составляющей 20,82 % территории. Имеются местности, где плотность населения небольшая в связи с тем, что они являются труднодоступными. Транспортная инфраструктура в данных территориях слабо развита, населенные пункты являются малонаселенными, а между ними лежат бескрайние расстояния густых лесов, непроходимых гор и глубоких рек.

Однако даже в таких местах происходят происшествия, требующие разбирательства в порядке, предусмотренном УПК РФ. Осмотр места происшествия является первоначальным следственным действием, от результатов которого во многом зависит решение, принимаемое в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

Определение понятия труднодоступная местность имеется в Приказе Минэнерго России от 20.05.2003 № 187 «Об утверждении глав правил устройства электроустановок», где оно определено как местность, недоступная для транспорта и сельскохозяйственных машин [4]. Однако указанная дефиниция не применима в контексте уголовного процесса и является узконаправленным определением.

Региональные подзаконные акты содержат перечень труднодоступных местностей. Так, Распоряжением Правительства Республики Башкортостан от 7 декабря 2016 года № 1406-р утвержден Перечень отдаленных или труднодоступных местностей Республики Башкортостан, в которых организации и предприниматели могут осуществлять наличные денежные расчеты с использованием

платежных карт без применения контрольно-кассовой техники [5]. Однако еще раз стоит подчеркнуть, что подобные акты определяют только населенные пункты, но не территории за их пределами.

Г. Г. Гумеров закладывает в понятие труднодоступной местности горные массивы, лесные чащи, таежные или заболоченные местности. При этом определяющим критерием он называет малонаселенность, а все остальные признаки называет либо причиной, либо следствием малонаселенности [2, с. 23].

А. Ф. Абдулвалиев считает, что «ландшафтные, климатические или транспортные условия также будут являться значащими критериями, играющими наряду с малонаселенностью той или иной местности немаловажную роль в определении проведения следственных действий без участия понятых. Труднодоступную местность он определяет как местность, удаленную от населенных пунктов и представляющую, в силу социально-экономических, географических и климатических условий, особую сложность для проведения следственных и судебных действий» [1, с. 98].

На практике имеются случаи, когда следователь самостоятельно определяет, является ли местность труднодоступной или нет. Так, в рамках уголовного дела, по обвинению Р. в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 260, ч. 3 ст. 260 УК РФ, осмотр места происшествия проводился без участия понятых в связи с отдаленностью места происшествия от населенного пункта, о чем указано в протоколе. В судебном заседании установлено, что осматриваемая местность расположена в лесу, в 3-х километрах от <адрес>; осматривать необходимо было участок среди пней и кустов, проходить по болотистому месту, что дает суду возможность признать осматриваемую местность труднодоступной [3].

По нашему мнению, когда речь идет о труднодоступной местности, необходимо исходить не только из географических особенностей территории и его населенности, но и из того, насколько быстро и без проблем туда сможет добраться следственно-оперативная группа. Подобное позволит учесть еще одну географическую особенность нашей Родины, а именно его суровые зимы.

Место происшествия, возможно, и не так далеко находится от следственного отдела, но ситуация может усугубиться тем, что в зимнее время отсутствует дорога до пункта назначения.

Исходя из изложенного считаю, что под труднодоступной местностью следует считать участок местности, находящийся в малонаселенной или ненаселенной людьми территории, возможность проезда на которую затруднена, в силу длительного нахождения в пути (более четырех часов), либо в силу отсутствия дороги или погодных условий.

Процессуальные особенности производства осмотра места происшествия в труднодоступной местности обусловлены следующими обстоятельствами:

- в ходе осмотра места происшествия могут потребоваться дополнительные ресурсы в виде специальных технических средств, дополнительные участники следственного действия и т. п. В связи с этим подготовка к осмотру может растянуться с учетом труднодоступности местности и отдаленности от ближайшего следственного отдела. В определенных случаях специалисты, требующиеся для осмотра по отдельным видам преступлений, могут вообще не явиться на следственное действие по объективным причинам;

- если объектом осмотра является жилище, и жители дома возражают против следственного действия или вообще отсутствуют, то судебный порядок производства также может существенно затормозить производство предварительного расследования;

- совершение определенных видов преступлений, характерных для труднодоступной местности, обременяется процессуальными сложностями (лесные поджоги, авиационные происшествия);

- повторные и дополнительные осмотры места происшествия являются нежелательными, в силу того, что их производство будет обходиться дорого. Кроме того, данные разновидности осмотра требуют незамедлительного производства, что в условиях труднодоступной местности будет затруднительным;

- положения ч. 3 ст. 170 УПК РФ допускают производство осмотра места происшествия без участия понятых, при условии

применения специальных средств фиксации хода и результатов следственного действия. При этом если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись.

С вышеуказанной нормой есть несколько интересных процессуальных особенностей.

Во-первых, положения ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ фактически обесценивают важность нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 170 УПК РФ. И там, и здесь допускается осмотр без участия понятых, но с применением технических средств. При этом следователю даже не стоит указывать в протоколе осмотра, что местность является труднодоступной, либо была угроза жизни и здоровью и т. п. Единственный «плюс» для следователя от ч. 3 ст. УПК РФ в том, что при невозможности применения специальных средств следователь делает соответствующую отметку.

Во-вторых, законодатель в вышеуказанной норме к осмотру в условиях труднодоступной местности приравнял осмотр в условиях, связанных с опасностью для жизни и здоровья людей. В науке и правоприменительной практике под этим имеется ввиду осмотр в условиях контртеррористической или специальной военной операции. Означает ли это, что процессуальный порядок осмотра места происшествия в обоих случаях одинаковый? И там, и здесь участие понятых затруднительно, добираться до места происшествия проблематично, к процедуре осмотра нужно тщательно готовиться. Полагаю, что нет, поскольку производство осмотра места происшествия в период контртеррористических операций имеет характерные только для себя процессуальные особенности, такие как обязательная перед осмотром проверка местности для обеспечения безопасности следственного действия, изолирование места происшествия, участие нескольких категорий специалистов и представителей силовых структур. Кроме того, если при осмотре труднодоступной местности участие понятых затруднено с необходимостью их поисков и проезда до места происшествия, то в случаях контртеррористических операций – с их безопасностью.

В-третьих, эта пресловутая возможность неприменения специальных технических средств при невозможности их применения. Конечно, можно представить ситуацию, что в связи с длительностью подъезда к месту происшествия аккумуляторная батарея специального средства разрядилась, либо из-за дождя оно пришло в негодность и т. п. Однако в качестве специального средства фиксации хода и результатов следственного действия сгодится и мобильный телефон со встроенной камерой. Не будет ли удивительным совпадением, что у ни одного лица подобного устройства не было, а штатный фотоаппарат был неисправен? Считаю, что подобная норма создает неблагоприятную почву для злоупотребления со стороны следствия.

При производстве осмотра места происшествия в труднодоступной местности, помимо прочего, может возникнуть проблема невозможности оперативно принять решение по итогам проверки. Очень часто в подобной местности отсутствует какая-либо связь, в связи с чем лицо, производящее осмотр, не может согласовать свои дальнейшие действия

Ситуация может усугубиться, если речь идет о необходимости осмотреть жилище в труднодоступной местности в отсутствие согласия его жильцов.

Положения ст. 165 УПК РФ позволяют проводить осмотр жилища против воли проживающих в нем лиц и без судебного разрешения в случаях нетерпящих отлагательств. Возникает очевидный вопрос – является ли вышеописанная ситуация случаем, нетерпящим отлагательств? Учитывая, что перечень данных случаев открытый, то в определенных ситуациях оно может являться основанием для производства осмотра без судебного разрешения. Кроме того, даже если жители дома не будут уничтожать следы преступления, биологические следы преступления с течением времени будут подвержены необратимым изменениям.

Единственной проблемой остается необходимость в возбуждении уголовного дела. Независимо от того, каков будет результат осмотра жилища, следовательно по возвращении в отдел будет

вынужден возбудить уголовное дело, в противном случае его противоправные действия будут иметь признаки преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 139 УК РФ. Даже подобные действия не дают гарантии, поскольку на момент осмотра дело уже должно быть возбуждено, но как это сделает следователь, если он находится в труднодоступной местности и не может выйти на связь с руководством?

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что существующий порядок производства осмотра места происшествия в труднодоступной местности нуждается в законодательной корректировке. Положения, предусмотренные ч. 3 ст. 170 УПК РФ, на сегодняшний день утратили смысл, поскольку лицо, производящее осмотр, может в любом случае не привлекать понятых к следственному действию, если применяет специальные средства. Необходимо предоставить следователю больше процессуальных возможностей, таких как возможность осматривать жилые помещения без необходимости возбуждать уголовное дело и самостоятельно определять ход дальнейших действий. В тоже время необходимо ужесточить требования к протоколу осмотра места происшествия, обязав применять в обязательном порядке средства фиксации хода и результатов следственного действия. Подобные меры позволят придать осмотру места происшествия в труднодоступной местности свои индивидуальные процессуальные особенности и тем самым улучшить качество его проведения.

Список литературы

1. Абдулвалиев А. Ф. Труднодоступная местность как особое географическое условие, влияющее на расследование и рассмотрение уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1 (43). – С. 97–104.

2. Гумеров Г. Г. О критериях труднодоступности при толковании нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 170 УПК РФ : сб. материалов криминалистических чтений. – Барнаул : Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2010. – С. 23–24.

3. Приговор по делу № 1-2/2012 от 26.07.2012 // ГАС «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 25.07.2022).

4. Об утверждении глав правил устройства электроустановок: Приказ Минэнерго России от 20.05.2003 № 187 (ред. от 20.12.2017). – М. : Изд-во «НЦ ЭНАС», 2003.

5. Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 7 декабря 2016 года № 1406-р // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. – URL: <https://nra.bashkortostan.ru/15254/> (дата обращения: 25.07.2022).

М. Я. Жук,
аспирант юридического факультета
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»,
г. Казань

ОСОБЕННОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Доказывание – это урегулированная процессуальным законом деятельность уполномоченных лиц по установлению и обоснованию обстоятельств уголовного дела, на основе которых может быть разрешен вопрос об уголовной ответственности.

Доказывание является основным содержанием уголовно-процессуальной деятельности. Оно осуществляется на всех стадиях процесса, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и до стадий пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу. Обстоятельства совершенного преступления могут быть познаны в той же степени, как и другие явления объективной действительности. Следователь и дознаватель в настоящее время прямо наделены законодателем функцией уголовного преследования (обвинения) [1]. Вместе с тем вопрос о понятии, содержании и характере истины, о возможности и степени ее достижения субъектами уголовного преследования всегда выступал одним из ключевых и сложных в теории доказательств и уголовно-процессуальной науке.

Значение института доказывания на стадии возбуждения уголовного определяется тем, что, решая вопрос о возбуждении дела, следователь уже на основании первичных материалов строит версии о том, кто совершил преступление и при каких обстоятельствах. Материалы, полученные в стадии возбуждения уголовного дела, позволяют правильно выбрать направление доказывания, указывают источники получения данных о преступлении процессуальным путем, позволяют провести нужные действия для закрепления следов преступления.

В период советской власти некоторые авторы, такие как А. Я. Вышинский, рассматривали доказательства в качестве фактов реальной действительности, которые способствовали установлению совершенного преступления [2]. Дальнейшая эволюция понятия доказательства приравнивала их просто к фактическим данным.

В настоящее время ст. 74 УПК РФ устанавливает, что доказательствами по уголовному делу признаются все сведения, которые позволяют суду, прокурору, следователю и дознавателю установить наличие или отсутствие обстоятельств, которые необходимо доказать при производстве по уголовному делу [3]. Если проблемы доказывания, традиционно относимые наукой к общей части теории доказательств, активно обсуждались в специальной литературе, то этого нельзя сказать об изучении специфики доказывания в отдельных стадиях уголовного процесса. Особо актуальным вопросом остается регламентация процесса доказывания на стадии возбуждения уголовного дела.

В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона на стадии возбуждения уголовного дела должны быть установлены следующие обстоятельства: влекущие за собой возбуждение уголовного дела; исключаящие производство по уголовному делу; являющиеся основаниями передачи сообщения о преступлении по подследственности либо в суд, т. е. совокупность фактов, подлежащих установлению для правильного разрешения заявления (сообщения) о преступлении. Перечисленные обстоятельства имеют процессуальный характер и напрямую коррелируют с обстоятельствами, указанными в ст. 73 УПК РФ. Следовательно, специфика предмета доказывания в стадии возбуждения уголовного дела заключается лишь в объеме обстоятельств, подлежащих установлению.

Средствами доказывания в стадии возбуждения уголовного дела являются: производство следственных действий и иных процессуальных действий, посредством которых осуществляется активное формирование доказательств компетентным должностным лицом.

В УПК РФ закреплено общее правило о недопустимости проведения следственных действий до возбуждения уголовного дела. Из этого общего правила законодатель предусмотрел пять исключений. При проверке заявлений и сообщений о преступлении разрешается проводить следующие следственные действия: осмотр места происшествия, осмотр трупа, осмотр предметов и документов, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, выемка.

Необходимо отметить, что законодатель уточнил условия, которые позволяют приступить к производству некоторых следственных действий до возбуждения уголовного дела. Например, освидетельствование до возбуждения уголовного дела разрешено производить «в случаях, не терпящих отлагательства» (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). В отношении же других следственных действий каких-либо подобных требований закон не содержит (ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 4 ст. 195, ч. 1 ст. 202 УПК РФ). При этом обязательно необходимо учитывать то обстоятельство, что любое следственное действие может быть произведено лишь в случае наличия к тому фактических и юридических оснований [3].

Все полученные в стадии возбуждения дела данные оцениваются тем лицом, которое правомочно принимать решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении дела.

В предмет доказывания на начальном этапе уголовного судопроизводства включаются:

1) материальная составляющая основания возбуждения уголовного дела, т. е. такие признаки преступления, как общественная опасность и противоправность, которая предполагает установление объекта, объективной стороны, а в случаях, предусмотренных законом, и субъекта преступления;

2) процессуальная составляющая основания возбуждения уголовного дела, т. е. достаточные данные, указывающие на признаки состава преступления;

3) обстоятельства, исключаящие производство по делу, которые применительно к стадии возбуждения уголовного дела могут

быть классифицированы на три группы: обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии повода к возбуждению уголовного дела; обстоятельства, указывающие на отсутствие основания к возбуждению уголовного дела; обстоятельства, свидетельствующие о невозможности дальнейшего производства по уголовному делу.

Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела представляют собой границы познавательной деятельности компетентных должностных лиц, определяемые моментом, когда с необходимой для данного этапа доказывания степенью надежности установлены обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Они находятся в прямой зависимости от вида принимаемого процессуального решения в рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства. Так, при принятии решения о возбуждении уголовного дела речь идет о вероятном знании о наличии в деянии признаков преступления, в то время как при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела объем доказательственного материала должен обеспечивать достоверное знание о наличии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу.

В ч. 2 ст. 140 УПК РФ говорится, что уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, «указывающие на признаки преступления». Из смысла этой нормы можно сделать вывод, что к моменту принятия решения о возбуждении уголовного дела нет необходимости достоверно устанавливать наличие признаков преступления; достаточно иметь лишь данные, указывающие на эти признаки.

Таким образом, закон не требует, чтобы к моменту принятия решения о возбуждении уголовного дела факт совершения преступления был установлен достоверно. Достаточно получить данные, указывающие на возможность его совершения. Поэтому пределы доказывания при принятии решения о возбуждении уголовного дела будут уже, чем по уголовному делу в целом, поскольку для вероятного, предположительного вывода о наличии или отсутствии каких-либо фактов, обстоятельств требуется меньшее количество доказательств, чем для их достоверного установления [4].

Список литературы

1. Клюкова М. Е. Субъекты уголовного последствия // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2007. – Т-149. – С. 1–7.
2. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве (Ин-т права Акад. наук СССР). – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Юрид. изд-во, 1946. – 248 с.
3. Ларинков А. А., Шиплюк В. А. Вопросы производства следственных и иных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Криминальность. – 2015. – №2 (17). – С. 22–26.
4. Зиновьев А. Ю. Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – С. 1–3.

А. И. Буханов,
аспирант ФГБОУ ВО «Оренбургский
государственный университет»,
г. Оренбург

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Следственные действия представляют собой урегулированные уголовно-процессуальным законодательством процессуальные действия познавательного характера, производимые расследующими уголовные дела дознавателями и следователями в процессуальном порядке и форме, установленных законом [1].

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает личный обыск и освидетельствование в качестве видов следственных действий. Основания и порядок их производства установлены ст. 93, 184, чч. 1 и 3 ст. 182 и 179 УПК РФ.

Как отмечают З. З. Зинатуллин и Ф. Ф. Зарипов, человеколюбие заложено в регламентацию условий и порядка проведения следственных действий... [2]. Соблюдению прав участников уголовного судопроизводства при производстве следственных действий всегда уделяется большое внимание, не являются исключениями личный обыск и освидетельствование, которые существенно затрагивают такие права человека, как личная неприкосновенность, право на достоинство, на неприкосновенность частной жизни и личной тайны.

Целью проведения любого следственного действия является получение доказательств. Целью проведения личного обыска является обнаружение и изъятие орудий преступления, предметов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, а целью проведения освидетельствования – обнаружение на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявление состояния опьянения и иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела.

В следственной практике нередки случаи, когда подозреваемым (обвиняемым) по уголовному делу может быть иностранный гражданин, который не понимает или недостаточно хорошо понимает язык уголовного судопроизводства, и для коммуникации в рамках уголовного дела ему необходим переводчик. Из смысла закона переводчик предоставляется такому участнику процесса и должен участвовать во всех следственных действиях, которые проводятся в отношении или с участием такого лица.

Положение ст. 184 УПК РФ закрепляет порядок производства личного обыска, а положения ст. 179 УПК РФ – порядок производства освидетельствования. Следует отметить, что нормы ст. 184 УПК РФ являются бланкетными, и применять их необходимо в совокупности с положениями п. 6 ч. 2 ст. 29, ст. 165, и 182 УПК РФ. Рассматриваемые нормы и положения уголовно-процессуального законодательства учитывают особенности проведения личного обыска и освидетельствования, основанные на существенном ограничении прав обыскиваемого лица и лица освидетельствуемого. Они предусматривают ряд гарантий, которые призваны обеспечить соблюдение прав таких лиц при проведении данных следственных действий. Среди таких гарантий следует выделить защиту чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, охрану прав и свобод человека и гражданина.

Однако при производстве личного обыска и освидетельствования лица, не владеющего или в недостаточной степени владеющего языком судоговорения, возникает ряд сложностей, которые в настоящий момент не находят своего законодательного разрешения.

Так, при проведении личного обыска и освидетельствования требуются дополнительные гарантии защиты прав лица, не владеющего или в недостаточной степени владеющего языком судоговорения. Такое лицо в отсутствие переводчика не способно понять суть проводимых мероприятий, которые неизбежно сопровождают проведение этих следственных действий. Оно не способно дать по-

яснения в случае необходимости, а в дальнейшем и внятно обжаловать их проведение, если посчитает, что его права были нарушены.

Исследуя этот вопрос, многие авторы (Курбанова Е. М., Машанова В. С., Баев О. Я., Солодов Д. А., и др.) отстаивают необходимость участия переводчика при проведении таких следственных действий, как личный обыск и освидетельствование. Это будет выступать гарантией прав таких лиц [3–5].

Однако на сегодняшний момент, участие переводчика при производстве личного обыска и освидетельствования сталкивается с отсутствием механизма, не только регламентирующего его участие, но и с сопутствующими проблемами, которые носят в том числе и организационный характер.

В частности, в своих работах В. С. Машанова обратила внимание на то, что при проведении личного обыска и освидетельствования возникает необходимость разрешения вопроса о половой принадлежности переводчика. Как указывает автор, в соответствии с положениями ст. 179 УПК РФ при освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если следственное действие сопровождается обнажением лица; в соответствии с положениями ст. 184 УПК РФ, личный обыск лица производится лицом того же пола. Поскольку законодатель не уточняет возможность участия переводчика при проведении такого следственного действия, как личный обыск, то и не определяет порядок его участия в данном следственном действии. Да и правоприменительная практика достаточно противоречива. Ряд правоприменителей предоставляют переводчика при производстве личного обыска, другие не считают это обязательным. При предоставлении переводчика лица, осуществляющие производство по уголовному делу, не задумываются о соблюдении прав обвиняемого и подозреваемого или решают этот вопрос исходя из общего понимания смысла закона [4].

Наглядным практическим примером является уголовное дело № 1-58/2022 по обвинению гражданина Республики Узбекистан Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 322 УК РФ (7 эпизодов). Подозреваемый по уголовному делу плохо владел

русскими языком, в связи с этим по уголовному делу был назначен переводчик. В качестве переводчика была приглашена женщина. Личный обыск был проведен в условиях, исключающих визуальное наблюдение.

Данный пример позволяет отметить, что, во-первых, найти переводчика для его участия в уголовном судопроизводстве достаточно сложно, и поэтому вопрос о половой принадлежности переводчика не является существенным; во-вторых, визуализация для переводчика не является необходимым условием для выполнения возложенных на него обязанностей. Цель участия переводчика – создать условия для коммуникации участников процесса. Его роль совершенно другая, нежели, например, у понятых. Понятые участвуют при производстве следственного действия для удостоверения хода его проведения, которые, в соответствии с ч. 3 ст. 184 УПК РФ, должны быть одного пола с обыскиваемым лицом, а переводчик необходим для устной коммуникации участников следственного действия, и удостоверять факт проведения следственного действия в его функции не входит. В таком случае личный обыск может быть проведен в условиях, исключающих визуальное наблюдение переводчиком за лицом, в отношении которого проводится личный обыск, о чем будет необходимо внести соответствующую запись в протокол личного обыска или протокол задержания лица.

Исключением из этого правила может быть только участие сурдопереводчика, для которого визуализация и визуальный контакт очень важны. Без такого визуального контакта коммуницировать будет невозможно. В связи с чем думается, указание на наличие переводчика одного пола с обыскиваемым лицом или с лицом, освидетельствуемым, будет являться обязательным условием.

Еще одна проблема была выделена О. Я. Баяевым и Д. А. Солодовой. Авторами отмечается, что перед производством обыска участвующие в нем лица (потерпевший, свидетель, специалист), включая переводчика, «предупреждаются об ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ». Полагаем, что аналогичные

правила должны быть предусмотрены для участия переводчика при производстве личного обыска [5].

Представляется, что правовую неопределенность участия переводчика при проведении таких следственных действий, как личный обыск и освидетельствование, необходимо устранить. Это будет способствовать реализации принципа языка уголовного судопроизводства, защите прав и свобод человека, подлинному гуманизму уголовного процесса.

Полагаем, что имеется необходимость внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 184 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

– Личный обыск лица проводится лицом одного с ним пола и в присутствии понятых, специалиста того же пола, если они участвуют в данном следственном действии. В случае если переводчик является не одного пола с лицом, в отношении которого проводится личный обыск, то личный обыск проводится в условиях, исключающих визуальное наблюдение переводчиком за лицом, в отношении которого проводится личный обыск.

Полагаем, что ч. 3 ст. 179 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

– Освидетельствование производится следователем. При необходимости следователь привлекает к участию в производстве освидетельствования врача, переводчика или другого специалиста.

При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом. В случае если переводчик является не одного пола с лицом, в отношении которого проводится освидетельствование, то освидетельствование проводится в условиях, исключающих визуальное наблюдение переводчиком за лицом, в отношении которого проводится освидетельствование.

Предложенные изменения позволят не только решить вопрос с неопределенностью участия переводчика при проведении личного обыска и освидетельствования в уголовном судопроизводстве, но

также обезопасят лиц, не владеющих или в недостаточной степени владеющих языком судоговорения, от нарушений их прав и свобод в процессе производства по уголовному делу, обеспечат им доступ к правосудию в широком смысле этого слова.

Список литературы

1. Зинатуллин З. З., Перевощикова А. А. Следственные действия: понятие, система и перспективы её развития в условиях перехода в эпоху цифровых технологий // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 387–391.

2. Зинатуллин З. З., Зарипов Ф. Ф. Человеколюбие и гуманизм – стержневые доминанты уголовно-процессуальной политики современной России // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 56–64.

3. Курбанова Е. М. Некоторые особенности производства личного обыска и допроса иностранных граждан // Научные известия. – 2020. – № 18. – С. 62–65.

4. Машанова В. С., Елагина Е. В. К вопросу об особенностях участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Санкт-Петербургская школа криминалистики: материалы ежегодного криминалистического форума, Санкт-Петербург, 25–26 октября 2019 года / под общ. ред. А. А. Сапожкова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2019. – С. 156–159.

5. Баев О. Я., Солодов Д. А. Производство следственных действий. Криминалистический анализ УПК России: Практика. Рекомендации профессионалов. – Москва: Изд-во «Эксмо», 2009. – 203 с.

*Я. М. Ишмухаметов,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
и процесса ФГБОУ ВО Стерлитамакский филиал
«Уфимский университет науки и технологий»,
г. Стерлитамак*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РФ

В современное время наиболее существенной проблемой является пресечение преступлений, которые совершаются несовершеннолетними. Согласно данным, представленным на портале правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, только за январь–декабрь 2017 года несовершеннолетними было совершено 45288 преступлений, из них 1863 особо тяжких, 8375 тяжких, 24269 средней тяжести, 10781 небольшой тяжести [1].

Перед тем как начать разговор о несовершеннолетних, нужно сначала определить, кто же относится к данной категории лиц. Согласно Уголовному Кодексу Российской Федерации несовершеннолетним считается лицо, достигшее четырнадцати лет, но которому не исполнилось восемнадцати лет [6]. Данный возрастной предел определяется исходя из ч. 2 ст. 19 УК РФ, где указано, за какие составы преступлений наступает уголовная ответственность лиц, достигших четырнадцати лет (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, кража, грабеж, разбой, вымогательство, терроризм, захват заложника, вандализм и многие другие).

Если говорить о возрастных рамках, которые стоят в основе определения несовершеннолетнего лица, то необходимо заметить, что многие ученые считают их недостаточными и предлагают ввести такое понятие, как «лицо молодёжного возраста». Это нужно для того, чтобы был некий переходный период от несовершеннолетнего к взрослому от 18 до 30 лет.

С данной теорией согласен и видный учёный в области юриспруденции В. И. Руднев, который считает, что уголовная

ответственность лиц молодежного возраста должна рассматриваться аналогично уголовной ответственности несовершеннолетних. При этом не стоит забывать и о принципе справедливости, согласно которому наказания, применяемые к данным лицам, должны соответствовать личности виновного, а также сведениям о его возрасте [5, с. 23–25].

Абсолютно на всех стадиях развития уголовного законодательства уголовная ответственность несовершеннолетних, по сравнению с ответственностью взрослых, имела свои отличительные черты. Это объясняется недостаточной психической зрелостью, незначительно деформированным правовым сознанием, незавершенностью первичной социализации данных лиц, а также незаконченностью формирования черт личности.

Обращаясь к особенностям привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, необходимо отметить, что несовершеннолетний возраст виновного является обстоятельством, которое смягчает наказание. По мнению Ю. Е. Пудовочкина, «сама структура поведения несовершеннолетних, отличающаяся, с одной стороны, недостаточным усвоением социальных норм, с другой – неспособностью привести поведение в соответствие с этими нормами, свидетельствует о недопустимости использования в отношении них тех же мер воздействия, что и в отношении взрослых» [3, с. 12–13]. Однако не нужно думать, что будет нарушен принцип соразмерности наказания за преступления, и что смягчение наказания будет беспочвенным.

Не во всех случаях достижение возраста уголовной ответственности влечет за собой признание данного лица субъектом уголовного права. Например, если у лица наблюдается отставание в психическом развитии, и вследствие этого оно не может в полной мере осознать общественную опасность деяний, то такое лицо, согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, не подлежит уголовной ответственности.

Также стоит обратить внимание на то, что несовершеннолетние не могут быть субъектами некоторых преступлений. К первой категории относятся преступления, где несовершеннолетние высту-

пают в качестве потерпевших, например, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ). Ко второй – преступления, в которых субъектами могут выступать только лица, достигшие 18 лет, например, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ).

Хочется отметить, что статус несовершеннолетнего как субъекта преступления лежит в основе ювенального права, которое является динамично развивающейся комплексной отраслью российского права, имеющей одной из основных целей – всестороннее обеспечение интересов подростков, а также защиту от воздействия преступности нормами международного и российского законодательства. Реализацией ювенальной политики является создание органов ювенальной юстиции, а также увеличение значимости и ответственности семьи, школы и трудовых коллективов в обеспечении надлежащих условий жизни и воспитания несовершеннолетних.

Многие ученые склоняются к тому, что уголовно-правовая политика должна прежде всего быть направлена к всестороннему обеспечению прав и интересов несовершеннолетнего с помощью норм уголовного права.

Исследователи определяют следующие направления данной политики:

1) существенное сокращение применения мер, которые связаны с изоляцией от общества;

2) базировать уголовное законодательство по борьбе с преступлениями несовершеннолетних прежде всего на принципе гуманности;

3) предпочтительнее применение воспитательных мер к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой и средней тяжести или преступления, совершенные впервые;

4) обеспечение всех юридических льгот, гарантированных международными актами в области прав ребенка и т. д.

Глядя на статистику, можно сделать вывод о том, что совершение различных преступлений в несовершеннолетнем возрасте

существенно повышает их рецидив. При этом наказание в «классическом» виде не всегда будет эффективным, так как в случае с несовершеннолетним лицом меры воспитательного воздействия зачастую более действенны.

Что касается специфики наказаний, применяемых к несовершеннолетним лицам, совершившим преступления, то они сводятся к следующим позициям:

1) ограничена возможность применения к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, такого наказания, как лишение свободы;

2) судимость за любое умышленное преступление, которое совершено в несовершеннолетнем возрасте, не учитывается при признании рецидива преступлений (п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ), а в ст. 95 УК РФ определен льготный порядок исчисления срока погашения судимости за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет;

3) сокращен перечень наказаний, применяемых к несовершеннолетним, к ним относятся: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок (ч. 1 ст. 88 УК РФ);

4) применяется льгота отмены испытательного срока при условном осуждении (ч. 6 ст. 88 УК РФ);

5) значительно снижены максимальный и минимальный сроки наказаний (ч. 6 ст. 88 УК РФ);

6) несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, отбывают наказание в воспитательных колониях;

7) лицо, совершившее преступление в несовершеннолетнем возрасте, но к моменту вынесения приговора достигшее совершеннолетия, подлежит направлению для отбывания наказания в исправительную колонию общего режима независимо от категории преступления;

8) сроки давности уголовной ответственности и обвинительного приговора суда за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, сокращены вдвое (ст. 94 УК РФ);

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» обращается внимание на то, что судам при рассмотрении дел необходимо учитывать прежде всего основные международные правовые акты в области защиты прав ребенка. К таким актам относятся: положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г., Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних и многие другие. Также в данном постановлении отмечено, что рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних должны рассматривать наиболее опытные судьи, большое внимание уделено порядку назначения наказания и мер пресечения, применяемых к подросткам [2]

Таким образом, можно сделать вывод, что уголовно-правовая политика Российской Федерации во многом направлена на пресечение преступлений, совершаемых лицами, не достигшими восемнадцати лет, а также на их перевоспитание. Для указанных выше лиц правосудие основывается на таких важнейших принципах, как законность, справедливость, гуманизм, а также равенство перед законом и судом. Однако не стоит всё-таки забывать, что наиболее эффективным инструментом по искоренению данных преступлений была и остается, несомненно, семья, в которой ребенок воспитывается, а также в ней происходит формирование его личности.

Список литературы

1. Портал правовой статистика Генеральной Прокуратуры РФ. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 08.10.2018).
2. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1. – URL: <http://base.garant.ru/12182757/> (дата обращения: 08.10.2018).

3. Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 12–13.

4. Пудовочкин Ю. Е. Ювенальное уголовное право: понятие, структура, источники // Журнал российского права. – 2002. – № 3.

5. Руднев В. И. О возможности введения понятия «лицо молодёжного возраста» в уголовное и другие отрасли законодательства // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С. 23–25.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 87.

*И. И. Полякова,
прокурор отдела Управления
прокуратуры Республики Татарстан,
г. Казань*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В настоящее время правотворческий и правоприменительный процесс происходят в отсутствие учета системности законодательства, что приводит к образованию и росту коллизий правовых норм, пробелов в законодательстве, что, в свою очередь, нарушает и ослабляет целостность законодательства и эффективность правового регулирования.

Создание эффективного механизма правового регулирования для достижения всегда актуальных целей по соблюдению прав и свобод человека и гражданина, законных интересов государства и общества; формированию должного уровня правовой культуры общества заключается в систематизации и упорядочивании правовых норм, совершенствовании действующего законодательства.

Действенным и актуальным институтом уголовно-процессуального права, призванным усовершенствовать расследование уголовных дел, является институт досудебного соглашения о сотрудничестве.

20 марта 2009 года Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации во втором чтении принят законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который предусматривает особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в качестве реальной меры противодействию организованным формам преступности.

Досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым и обвиняемым призвано явиться эффективным уголовно-процессуальным средством обеспечения неотвратимости уголовной ответственности за каждое преступление и в особенности в случаях совершения преступлений в соучастии. Другими словами, правовой институт досудебного соглашения о сотрудничестве введен в уголовно-процессуальное законодательство под эгидой борьбы с организованной преступностью [1]. Досудебное соглашение понимается законом как обязательство подозреваемого или обвиняемого по оказанию помощи следствию в раскрытии и расследовании преступления путем изобличения лиц, участвовавших в его совершении, розыска имущества, добытого в результате преступления, в обмен на возможность существенного смягчения наказания (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ).

Вместе с тем потенциал рассматриваемого института на сегодняшний день используется не в полной мере, а механизм нуждается в совершенствовании.

В частности, необходимо указать на некоторые проблемы реализации указанного института. Так, требует внимания отсутствие законодательной регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации категории преступлений, по которым возможно заключение досудебного соглашения.

Руководитель аппарата Ассоциации юристов России Станислав Александров предлагает ограничить возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве только конкретными статьями Уголовного кодекса, состав преступления по которым будет тяжким или особо тяжким. Так, предлагается отнести содержание ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества» к определенным видам преступлений с целью не применять указанную статью к экономическим преступлениям. Александров С. считает, что по изначальной задумке этой статьи, ее применение по экономическому составу не предполагалось. Аналогичный подход предлагается и для института досудебного соглашения о сотрудничестве. По мнению автора, согласно статистике досудебных соглаше-

ний заключается в разы больше по экологическим преступлениям и за хулиганство, чем по более серьезным преступлениям, таким как террористический акт. Тогда как механизм досудебного соглашения о сотрудничестве должен стимулировать борьбу с организованной преступностью, давать возможность участникам банд «сдавать» следствию своих подельников и главарей [2].

Подобная точка зрения относительно совершенствования норм правового института досудебного соглашения, безусловно, имеет место быть. Однако с ней сложно согласиться. Применение досудебного соглашения о сотрудничестве эффективно для борьбы с организованной преступностью и расследования групповых преступлений в целом, вне зависимости от вида преступлений. Если экономические либо другие виды преступлений, не относящиеся к классическим стандартам бандитизма, совершены в соучастии, то применение досудебного соглашения для их расследования будет способствовать достижению объективной истины по уголовному делу в качестве дополнительного арсенала и инструмента следствия. Любое преступление нуждается в качественном расследовании вне зависимости от его классификации по особенной части уголовного права. Раскрытие любых преступлений в составе группы лиц, вне зависимости от наличия в них субъектов, занимающихся убийствами или вымогательством, будет более эффективным с применением института досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, А. Ю. Епихин указывает, что введение такой новеллы уголовно-процессуального законодательства, как досудебное соглашение о сотрудничестве, будет способствовать эффективности раскрытия коррупционных преступлений [3]. Действительно, данный вид преступлений носит весьма латентный характер, поэтому для борьбы с такими преступлениями полезными будут являться любые меры, особенно сотрудничество преступника со следствием, сообщение нужной для расследования информации, собирание необходимой доказательственной базы. Этот синтез объема достоверных сведений может быть получен следствием именно путем заключения досудебного соглашения. Поэтому применение указанного института

при расследовании преступлений не должно зависеть от дифференциации преступления по тому или иному виду.

Кроме того, сравнительный анализ исследования разновидностей указанного правового института в зарубежных странах показывает, что в ряде Европейских стран и стран СНГ заключение сделок с правосудием и досудебных соглашений возможно и по преступлениям небольшой и средней тяжести (например, Германия, Беларусь, Казахстан).

Вместе с тем досудебное соглашение в Российской Федерации призвано стать эффективным механизмом по борьбе именно с тяжкими и особо тяжкими категориями преступлений.

В связи с изложенным в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо уточнение категорий тяжести преступлений, по которым возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Еще одной проблемой в реализации досудебного соглашения о сотрудничестве является наметившаяся с 2020 года тенденция уменьшения количества рассмотрения уголовных дел в особом порядке принятия судебного решения. Данное обстоятельство связано с безосновательным направлением уголовных дел в суд для рассмотрения в особом порядке.

С целью обоснованного заключения досудебного соглашения и направления в суд уголовного дела с заключенным соглашением о сотрудничестве для его рассмотрения в особом порядке с соблюдением всех норм законодательства необходимо усиление контроля за ходом расследования подобных дел как со стороны прокуратуры, так и со стороны следственных органов. Кроме того, обоснованному заключению досудебного соглашения, в соответствии с его назначением, будет способствовать привлечение к расследованию специалиста-профайлера, который с помощью совокупности психологических методик профайлинга спрогнозирует и даст оценку поведению подозреваемого либо обвиняемого, который намеревается заключить досудебное соглашение, определит за короткий промежуток времени правдивость его показаний, искренность его намерений и мотивов.

Конечно, в настоящее время совершенствование института досудебного соглашения о сотрудничестве будет способствовать эффективности его применения при расследовании преступлений и, как следствие, позволит укрепить правовое регулирование отрасли уголовно-процессуального права в целом.

Список литературы

1. Шурыгина И. И. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве: проблемы адаптации в современных правовых реалиях // ВЭПС. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 18.12.2022).
2. Российская газета, выпуск № 120 (7583). – 7 с.
3. Епихин А. Ю. Сделка с правосудием как средство противодействия коррупции в системе антикоррупционных мер // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4 (12). – С. 52–56.

Н. О. Машинникова,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

СООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ УСМОТРЕНИЯ СУДА И ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ СТ. 252 УПК РФ

В апреле 2022 года в рамках проверки на соответствие Конституции Российской Федерации ч. 3 ст. 15, ч. 1 ст. 237 и ч. 1 ст. 252 УПК РФ Конституционный Суд РФ разъяснил их конституционно-правовой смысл во взаимосвязи и взаимодействии последних через дискреционные полномочия суда и возможность реализации им внутреннего убеждения.

Так, в своём Определении № 824-О от 07.04.2022 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Голованюка Сергея Марковича и Шейнина Якова Самсоновича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 15, пунктом 1 части первой статьи 237 и частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Конституционный Суд РФ указал, что суд апелляционной инстанции вправе, в том числе по собственной инициативе, – отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации того же деяния обвиняемого как иного преступления⁷⁹.

---

⁷⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Голованюка Сергея Марковича и Шейнина Якова Самсоновича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 15, пунктом 1 части первой статьи 237 и частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 07.04.2022 № 824-О. URL: <https://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 24.11.2022).

Мотивировал свой вывод Конституционный Суд РФ тем, что такое полномочие суда апелляционной инстанции позволяет последнему избежать подтверждения, вопреки своему внутреннему убеждению, юридической силы решения суда первой инстанции, которое он считает неправосудным.

При этом следует отметить, что в данном конкретном случае, послужившим основанием для обращения граждан в Конституционный Суд РФ, стала отмена судом апелляционной инстанции оправдательного приговора, вынесенного в отношении подсудимых, в связи с отсутствием в их действии состава преступления с направлением дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом. При этом в тексте постановления суда апелляционной инстанции было отмечено, что в судебном заседании суда первой инстанции были установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие в действиях подсудимых состава другого преступления, но суд не дал им соответствующую оценку, а в обвинительном заключении отсутствовало описание способа совершения такого преступления.

То есть суд апелляционной инстанции не только сам выявил событие преступления, определил его состав и лиц его совершивших, но и прямо указал прокуратуре и органу предварительного расследования, что и как необходимо сделать для того, чтобы постановить по делу обвинительный приговор.

Между тем такая трактовка приведённых выше статей, на наш взгляд, весьма условно вписывается в конституционно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии, обеспечивающие неотъемлемое право подсудимого на защиту, поскольку позволяет суду присвоить себе функции органа уголовного преследования и предрешить формулировку того обвинения, которое, по его мнению, позволит постановить по делу обвинительный приговор.

Право на защиту в уголовном судопроизводстве уходит своими корнями в основополагающее право на судебную защиту, ценность которого обусловлена особыми местом и ролью судебной власти в системе разделения властей и её исключительными полномочиями по осуществлению правосудия.

Особенность права на защиту и его исключительная значимость в уголовном судопроизводстве обусловлены несколькими факторами: публичным началом уголовного процесса, наличием в данном виде судопроизводства досудебной стадии производства, существенным ограничением личных прав лиц, в отношении которых оно осуществляется; потенциальными правовыми последствиями, а именно угрозой ещё большего ограничения (лишения) прав таких лиц по результатам разрешения по существу уголовно-правового конфликта.

Право на защиту в уголовном судопроизводстве представляет собой неотъемлемую процессуальную гарантию лица, в отношении которого оно осуществляется, является концептуальной характеристикой отечественного уголовного процесса и обеспечивается совокупностью уголовно-процессуальных норм и Конституцией РФ.

В том числе право на защиту обеспечивается совокупностью процессуальных ограничений полномочий властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

В частности, в соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Таким образом, законодатель ограничил дискреционные властные полномочия суда по применению им норм материального и процессуального права в отношении подсудимого пределами обвинения, сформулированного уполномоченным субъектом.

Такая позиция законодателя очевидна и понятна. Она обусловлена в том числе и тем, что основной объём уголовного дела формируется на досудебной стадии. Именно на ней устанавливается событие преступления, его состав, причастность к нему обвиняемого и его вина, которые, по мнению органа предварительного расследования, подтверждаются совокупностью собранных им доказательств. Результат всей процессуальной деятельности органа предварительного расследования формализуется в итоговом акте – обвинительном заключении (акте, постановлении), в котором фактически сформулирована публичная претензия к конкретному физическому лицу. Именно в её рамках должен действовать суд при разрешении дела по существу.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд, в том числе и апелляционной инстанции, не является органом уголовного преследования, а следовательно, не может возложить на себя его обязанности, в частности выявить в действиях оправданного состав иного, ранее не вменённого ему в вину преступления, определить его состав, в том числе и способ его совершения, и, отменив приговор, вернуть уголовное дело прокурору с «инструкцией» по дальнейшей работе над ним.

В свою очередь, судебное усмотрение не должно выходить за пределы предъявленного обвинения.

Статья 237 УПК РФ не содержит такого основания в качестве возврата дела прокурору, как необходимость выявления иных преступных действий лица, привлекающегося к уголовной ответственности, для целей их последующей криминализации.

Как указывает высший орган конституционного контроля, рассмотрение судом находящихся в его производстве дел предполагает наличие у него возможности самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства конкретного дела, не вторгаясь в функцию обвинения, и выбрать подлежащую применению норму права, равно как и наличие обязанности вынести на этой основе правосудное решение по делу при соблюдении процедуры, гарантирующей реализацию процессуальных прав участников уголовного судопроизводства.

Однако делать это суд может, не только не вторгаясь в функцию обвинения, но и не ущемляя право обвиняемого на защиту.

Как справедливо указано в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2021 г., во главу новой концепции уголовно-правовой политики должна быть положена идея обеспечения верховенства прав человека в уголовном судопроизводстве. В том числе одним из направлений такой деятельности предлагается повышение процессуальных гарантий от необоснованного привлечения к уголовной ответственности⁸⁰.

---

⁸⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. // Соблюдение и защита прав человека в уголовном судопроизводстве. С. 221.

При этом исходя из содержания Доклада сегодня на первое место выходит запрос на процессуальную справедливость в уголовном процессе, которая является гарантом обеспечения прав его участников.

Такая процессуальная справедливость обеспечивается неукоснительным соблюдением принципов уголовного процесса, закреплённых в главе 2 УПК РФ, и общими условиями судебного разбирательства, установленными главой 35 УПК РФ.

Суд не может и не должен в ущерб их соблюдению самостоятельно исправлять ошибки органа предварительного расследования и тем более давать им инструкцию по надлежащему уголовному преследованию участников процесса. Надлежащая квалификация преступного деяния, формирование под неё допустимой доказательственной базы и составление адекватного обвинительного заключения (акта, постановления) – есть суть досудебного производства по уголовному делу. Проверка её качества возложена на органы прокуратуры.

В случае если и орган предварительного расследования и прокуратура заведомо знали о том, что в инкриминируемом обвиняемому событии отсутствует состав преступления при неправильно ими выбранной квалификации, а в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства, подтверждающие обстоятельства описанного в обвинительном заключении (акте, постановлении) события, в частности, при опосредованном ущербе событие квалифицировано как хищение, либо при вменении в вину, то исправление некачественной работы органа предварительного расследования не должно быть возложено на суд.

С одной стороны, здесь действительно существует риск того, что лицо, совершившее преступление, избежит уголовной ответственности, поскольку суд будет вынужден либо прекратить производство по делу, либо постановить по нему оправдательный приговор. Такое правовое последствие, безусловно, является злом и препятствует достижению назначения уголовного судопроизводства в контексте п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

Однако безусловным злом является необоснованное уголовное преследование обвиняемого в совершении преступления при условии отсутствия правовой определённости вменяемого ему в вину события и состава преступления и наличия возможности их неоднократного изменения (при установлении невозможности постановления по делу обвинительного приговора) на любой стадии процесса.

Такой подход высшего органа конституционного контроля даёт широкие возможности для процессуальных злоупотреблений властным субъектом уголовного судопроизводства и лишает обвиняемого, при наличии права, реальной возможности на позитивное разрешение в отношении него уголовно-правового конфликта.

Отделение судебной системы от органов исполнительной власти в результате судебной реформы обеспечило её независимость и обособило её процессуальную функцию в процессе уголовного судопроизводства. Такое концептуальное достижение закрепило равенство процессуальных прав и состязательность сторон, свободу оценки доказательства и свободу усмотрения процессуальной деятельности суда в пределах предъявленного обвинения. В совокупности перечисленные гарантии обеспечивают процессуальную справедливость уголовного судопроизводства в целом, и любое отклонение от них приведёт к дисбалансу последнего.

Д. Р. Гимазетдинов,

к.ю.н., доцент кафедры «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический

университет имени М. Т. Калашникова»

РИСКИ В СОВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

За основу базового в настоящей статье нами принимается во внимание дефиниция уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам как внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности, предусмотренный законом процессуальный порядок осуществления и процессуального оформления результатов этой деятельности в соответствующих уголовно-процессуальных документах [1].

Согласно ч. 2 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) порядок уголовного судопроизводства устанавливается УПК РФ. Как известно, данный порядок весьма динамичен (текуч) в том смысле, что законодатель, в частности, последние два с половиной десятилетия активно видоизменяет данный порядок, нам известно немало его преобразований (допущение написания бланков от руки; отказ от перечня бланков процессуальных документов; особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; сокращенное дознание; производство в суде апелляционной инстанции, производство в суде кассационной инстанции и т. д. и т. п.). Безусловно, законодательство должно быть динамично, не стоять на месте, однако вместе с тем право должно отвечать и классическому принципу теории государства и права, которая является основополагающим фундаментом юриспруденции – «устойчивости». Движение жизнь, однако стабильность, поступательность не имеют места без устойчивости.

В настоящее время обсуждается очередная глобальная предлагаемая метаморфоза уголовного судопроизводства в виде элек-

тронного правосудия, то есть усиление цифровизации хода, результатов уголовного судопроизводства в противовес бумажному порядку осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Вопрос данный заслуживает самого пристального внимания и многополярного (всестороннего) анализа, ибо не так прост и однозначен, как это может некоторым показаться с позиции модных трендов.

Некоторые вопросы требуют своего рассмотрения с позиции мультидисциплинарного подхода во взаимосвязи со смежными науками для более всестороннего и полного понимания рассматриваемого вопроса, как то завещала нам наука теории права и государства. Не обойдемся и мы без этого отчасти. Сторонники тотальной трансформации (современизации) классического (документально-бумажного) правосудия, в том числе уголовного, взамен бумажного в электронную форму, то есть в единую информационную систему (перенос всех результатов на сервер – в компьютер), на первый взгляд, приводят интересные доводы. Например, говорят, что: это экономит бумагу, в виду чего это более экологично, однако у нас в стране приличные запасы лесных фондов, причем естественно возобновимых, а целлюлозная промышленность – это обеспечение рабочими местами, вместе с тем не принимают во внимание, что для электронных серверов и тому сопутствующему необходимо повышенное количество электричества, в результате выработки которого сжигаются уголь, мазут, горючие сланцы, торф, продукты горения которых весьма канцерогенны и токсичны, что повышает уровень онкологических заболеваний; бумажные дела могут сгореть и повлечь за собой их утрату, не беря в расчет, в свою очередь, контраргументы, что бумажные носители зато рассредоточены – находятся по разным местам: в разных местах (помещениях), в разных сейфах, в разных архивах, что, безусловно, повышает степень их сохранности, не говоря уже о подлинности, минимизации возможности дистанционного (удаленного) искажения содержания документов, а также вообще их перечня. Сервера могут обвалиться, то есть может произойти компьютерный сбой, они могут подвергнуться хакерской, вредоносной масштабной и точечной компьютерной

атаке как людьми, так и самими компьютерами, что повлечет за собой либо искажение фактов и обстоятельств, либо полную потерю информации по материалам и делам. Такие случаи нам уже известны и с государственными информационными системами, например, взлом портала государственных услуг РФ «Госуслуги» [2], взлом информационной базы ГИБДД МВД РФ [3]. Это весьма существенные риски для аутентичной сохранности материалов уголовного судопроизводства. Таким образом, имеющееся текущее классическое положение дел как нельзя лучше учитывает отечественную народную мудрость – «не держать все яйца в одной корзине».

Не осталась в стороне всестороннего здравомыслия и самая высшая ступень правоприменения в стране – судебная власть, точнее сказать, отдельные высокие ее представители. С 2019 года представители этой ветви власти в рамках Московского юридического форума «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» активно начали обсуждать вопрос применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия. Не прошло и двух лет, с 2021 года это претворено в жизнь [4]. При этом необходимо отдать должное председателю Совета судей РФ В. В. Момотову, выступившему с докладом на тему «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий». Он прямо называет «искусственный интеллект» «компьютерной программой», «программным обеспечением», «программным алгоритмом», «компьютерным алгоритмом», т. е. непредубежденно не употребляет в данных дефиниционных конструкциях качество, свойство – «интеллект», присущее исключительно человеку. Вместе с тем В. В. Момотов информирует о том, что обсуждается вопрос о полной автоматизации процесса отправления правосудия, т. е. о замене судьбы компьютерной программой. Кроме того, неуверенно и неоднозначно заявляет, что говорить о замене судьбы преждевременно, а скорее всего невозможно. В то же время он ясно, уверенно и четко отмечает пагубность и угрозы, риски: «То, что искусственный интеллект будет нейтрален по отношению к человеку, – это миф», «Система искусственного интеллекта спонтанно совершенствуется,

вливая на человека и подчиняя его себе; она может вырасти в опасный для человека мир, что отчасти происходит сегодня и становится неотвратимой угрозой» [5]. В части указанных последних мыслей, разумений профессора, доктора юридических наук, судьи Верховного Суда РФ Момотова Виктора Викторовича невозможно найти возражений, они абсолютно справедливы. Действительно, кто-то же регулярно обновляет удаленно технику (гаджеты), зачастую не спросив и не уведомив ее собственника, вне его воли и желания. Это мы и сами систематически можем наблюдать при проявлении должной степени внимательности в повседневной жизни. Таким образом, надо отметить, честным образом со стороны профессора В. В. Момотова, главный вопрос все же остался открытым: что правильнее, справедливее – классическое или электронное правосудие?

Как видим, доводы, позиция технократических лиц, придерживающихся идеи электронного правосудия, не так безоблачны. Имеются убедительные доводы и аргументы за имеющуюся классическую форму правосудия. Выводы, сказанное, очевидно, согласуются с объективностью законов диалектического познания в противовес софистике, сторонники (адепты) которой в данном краеугольном (судьбоносном) вопросе опасно и даже слепо, отстаивая туманные, сию секундные доводы «за» электронное правосудие (в том числе электронную форму уголовного судопроизводства), не взирают и порой не внемлют аргументам за сохранение классической уголовно-процессуальной формы производств в бумажных вариациях. Прогресс прогрессом, но он должен быть «семь раз» взвешенным. В сущности сторонники цифровизации просто отмечают контрдоводы в апологетную угоду электронного правосудия. А как же принцип всесторонности исследования вопроса (дела)? Прекрасный, разумный, добрый и справедливый принцип «всесторонности» раньше был в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 27.10.1960 (далее – УПК РСФСР), от которого нынче отказались.

В свое время, в 2007 г., законодатель отказался и от Главы 57 уже в новом УПК РФ от 2001 года, т. е. от обязательности единой

стандартизированной, упорядоченной федеральной формы бланков уголовно-процессуальных документов. Посредством имеющейся методологии теории права и государства, в частности благодаря правилу анализа общенаучного логического метода и приему наблюдения специального социологического метода, как мы теперь ясно и без сомнений понимаем, это была «игра в долгую», а именно подспудная предтеча к последующей цифровизации – к переходу в электронное правосудие.

Как нам известно из криминалистики, в бумажных, рукописных материалах содержится кладезь информации. Например вплоть до того, в каком настроении человек что-либо писал, под принуждением или же по доброй, свободной воле и т. д. и т. п. В «живом» бумажном письме (документе) есть сила нажатия и много другого индивидуального, характеризующего человека; душа – множество характеристик, обстоятельств, доказательного, имеющего отношение к конкретной ситуации, требующей установления фактов, что как нельзя лучше подлежит изучению, установлению посредством бумажных форм документов, а не бездушных, холодных электронных файлов. Одно другому может помогать для установления истинности, но полная замена представляется весьма сомнительной.

Когда-то некоторые члены общества уже соблазнились на патетику новому УПК РФ в противовес УПК РСФСР, в связи с чем выразили ему свои пиететы. В результате в настоящее время мы имеем УПК РФ от 2001 года, не перенял (вобрал) в себя возвращенные трудами советских лет и учеными советской уголовно-процессуальной науки «золотые базисы» уголовного процесса – УПК РСФСР от 1960 года. Так, в частности, как уже было затронуто, изжили ст. 20 УПК РСФСР *«всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела»*, которая императивно предписывала обязанность должностным лицам принимать все меры для *всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела*, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обстоятельства.

Теперь же в настоящее время некоторые идеологи пытаются осуществить, в том числе посредством наших же рук и умов, мыс-

лей, слов, научных трудов, переход к электронному правосудию, к искусственному интеллекту, ловко и искусно выставив это, как бы за наши же мысли и желания, желая получить наши пиететы электронному правосудию, заручившись нашей искусственно созданной поддержкой.

Представляется, что порой достижением науки является не обязательно что-то новое, а умение, мужество и храбрость отказаться от необдуманного нового, чтобы сохранить имеющееся, дабы в перспективе еще более не ухудшить ситуацию текущего положения дел в рассматриваемой сфере деятельности. Именно такой позиции в том числе учила нас прогностическая функция теории государства и права. Принимая во внимание данную функцию, учитывая ретроспекцию уголовного процесса по рассматриваемому вопросу, возникает необходимость серьезно задуматься над нависшими изменениями классического хода, порядка закрепления результатов уголовно-процессуальной деятельности в угоду электронному правосудию во имя не ухудшения качества уголовно-процессуальной деятельности, в целях обеспечения сохранения более полноценной, аутентичной возможности установления истины по делу. Бумага – это истинная материя, отражающая обстоятельства прошлого и настоящего; электронные носители – это иллюзия, неосязаемая акциденция. Задуматься над сказанным, представляется, следует, чтобы не получилось положения дел, про которое в нашем народе сформировалась мудрость – «Что имеем не храним, потерявши – плачем». Сохраним же лучшие традиции и достижения отечественной уголовно-процессуальной науки.

Порой зачастую новое – это хорошо забытое старое. Видится полезным возродить, восстановить Главу 57 УПК РФ – вернуть единый федеральный перечень бланков процессуальных документов в целях обеспечения единой межведомственной правоприменительной формы уголовно-процессуальных производств, а также инкорпорировать в неизменном виде ст. 20 УПК РСФСР в Главу 2 УПК РФ в качестве одного из главных основополагающих принципов уголовного судопроизводства статьей 6.1., а существующей

статье 6.1. изменить нумерацию на «статья 6.2», поскольку главным, первостепенным назначением уголовного процесса является установление истины по событию, а не соблюдение срока ради срока; для соблюдения единообразия, равенства всех участников уголовного процесса, вне зависимости от ведомственной принадлежности (подведомственности) материала, дела, и на благо закрепления и установления истины по делу (событию), что, в свою очередь, позволит исключить разрозненное, хаотичное положение дел регулирования данного вопроса на подзаконном разновариативном ведомственном усмотрении, в том числе для исключения свободного волеусмотрения регулирования данного вопроса под корпоративные интересы отдельным ведомством в ущерб интересам личности и государства, представляющего народ. Это поспособствует стандартизации формы уголовно-процессуальных производств, а следовательно, снизит нагрузку в судебном корпусе при рассмотрении уголовно-процессуальных материалов и дел за счет сокращения затрачиваемого времени на ознакомление с документами, их анализ, поскольку позволит сделать подобную деятельность более быстро восприимчивой, непрерывной, оперативно разрешаемой, а значит в большей, лучшей степени обеспечит участникам уголовного судопроизводства гарантированное им благо в виде принципа разумности срока уголовного процесса (ст. 6.1 УПК РФ). По аналогии изложенного предлагаемое позволит оптимизировать, улучшить надзорную деятельность системы органов прокуратуры за деятельностью органов предварительного расследования, поскольку это сократит трудозатратное время, что повысит качество надзорной деятельности, так как документы будут более удобовосприимчивы. Кроме того, нами предлагаемое, видится, положительно повлияет на межведомственной профессиональной адаптации сотрудников органов предварительного расследования при их переходе из одного органа в другой, так как будет автоматически снят вопрос о перенастройке, переориентации сотрудников от одних правил ведомственного делопроизводства к правилам делопроизводства другого органа для качественной реализации уголовного-процесса и обеспе-

чения интересов личности и государства, в том числе посредством стандартизации самих дел, поскольку нередко случаи начала производства одного дела одним органом, а дальнейшее его расследование – другим органом по иным правилам делопроизводства.

Сказанное и предлагаемое нами полностью согласуется с основным законом государства – с Конституцией России, согласно положениям которой о федеративном устройстве процессуальное законодательство находится в федеральном ведении (п. «о» ч. 1 ст. 71 Конституции РФ), из чего по смыслу следует, что его регуляция, в том числе и уголовно-процессуального, должна осуществляться на едином федеральном уровне, а не самовольном отдельном ведомственном, так как никакие другие нормативно-правовые акты не имеют право противоречить Конституции РФ (чч. 1, 2 ст. 15 Конституция РФ), вместе с тем все (люди, органы власти и их должностные лица) равны перед законом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ), а стало быть каких-либо разночтений в одной сфере (предварительного расследования) быть не должно, бланкетные межведомственные разночтения же не соответствуют этой конституционной догме. В свою очередь, уголовный порядок судопроизводства должен быть основан в строгом и безукоризненном соответствии на Конституции России (ч. 1 ст. 1 УПК РФ).

С благодарностью своему профессиональному и жизненному учителю, корифею и мэтру отечественной уголовно-процессуальной науки, профессору, доктору юридических наук, З. З. Зинатуллину! И с добрыми пожеланиями дальнейших творческих успехов, самопознаний и самооткрытий в жизни!

Список литературы

1. Гимазетдинов Д. Р., Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальная форма. – М. : Юрлитинформ, 2014. – С. 11, 22.

2. Пользователи «Госуслуг» пожаловались на взлом личных кабинетов: что произошло и как от этого защититься // Американский журнал Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/429815->

polzovately-gosuslug-pozhalovalis-na-vzлом-lichnyh-kabinetov-chto-proizoshlo-i-kak (дата обращения: 19.12.2022).

3. МВД восстановило доступ к информационной системе после сбоя // Мультимедийный холдинг «РосБизнесКонсалтинг». – URL: <https://www.rbc.ru/society/19/12/2021/61bf622f9a79472f2ac5948b> (дата обращения: 19.12.2022).

4. В России искусственный интеллект привлекли к вынесению судебных решений // Информационное агентство РИА новости. – URL: <https://ria.ru/20210525/intellekt-1733789200.html> (дата обращения: 19.12.2022).

5. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ: Говорить о замене судьи искусственным интеллектом как минимум преждевременно / Виктор Момотов // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/viktor-momotov-govorit-o-zamene-sudi-iskusstvennym-intellektom-kak-minimum-prezhdevremennno/> (дата обращения: 19.12.2022).

Д. Р. Гимазетдинов,

*к.ю.н., доцент кафедры «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический
университет имени М. Т. Калашникова»*

Т. З. Зинатуллин,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности ИПСУБ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Уголовно-процессуальная форма является одной из основных детерминантных составляющих уголовного судопроизводства. Проблема уголовно-процессуальной формы постоянно находится в поле зрения учёных-процессуалистов⁸¹. Одной из последних посвященных данной проблеме работ является монография Д. Р. Гима-зетдинова и Т. З. Зинатуллина, опубликованная издательством «Юрлитинформ» в 2014 году. Не принимая во внимание того факта, что любому предмету материального мира, включая и социально-правовые явления, имманентно присуще как внутреннее, так и внешнее составляющее своего содержания, указанный автор утверждает, что «уголовно-процессуальные формы производства по уголовным делам представляют внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности, предусмотренный законом процессуальный порядок осуществления и процессуального оформления результатов этой деятельности в соответствующих уголовно-процессуальных актах-документах»⁸².

---

⁸¹ См.: Кистяковский А. Ф. Общая часть уголовного судопроизводства. Киев, 2005. С. 21–23; Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981; Элькинд П. С. Категории «содержание» и «форма» в свете уголовно-процессуального регулирования // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979 и др.

⁸² Гимазетдинов Д. Р. Уголовно-процессуальная форма. М., 2014. С. 11.

При такой трактовке содержание осуществляемой уголовно-процессуальной деятельности, её предмета приобретают производный от уголовно-процессуальной формы характер, не согласуется с тем, что предмет есть «категория, обозначаема как целостность, выделенная из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания»⁸³ (выделено авт.). Такой «целостностью» является сам уголовный процесс как урегулированная уголовно-процессуальным законом деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, направленная на разрешение уголовных дел. Изложенным не умаляется значение уголовно-процессуальной формы, её социальной ценности, которая во всех случаях является единственной возможной формой реализации норм материального (уголовного) права. Не будут совершаться преступления, исчезнет преступность (несбыточная мечта социума), не будет и необходимости в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в любой форме её проявления. Но преступность как самое злостное в жизни социума явление, своего рода «злокачественный нарост на теле социума» существует, приобретает не только свойство своей вечности, но и впитывает в себя достижение современной научно-технической цивилизации. Не многим более четверти века прошло с тех пор, как российский социум практически впервые услышал о киберпреступности и наиболее распространенных способах совершения цифровых преступлений в финансовой сфере, которая эволюционировала сегодня практически во всей информационной системе, цифровые активы, в том числе в виде кибератак в информационные ресурсы банковских структур с целью хищения финансовых средств, поступающих, в частности, и на расчетные карты граждан, в том числе с использованием возможностей интернет-пространства⁸⁴.

В русле наименования предлагаемой статьи возникает вопрос о том, как и на сколько всё изложенное влияет на уголовно-процессуальные формы.

---

⁸³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 525.

⁸⁴ О других широкомасштабных способах хищений с использованием, в частности, и криптовалют см.: Уголовно-правовое воздействие на бизнес. М., 2021.

В статье «Цифровой уголовный процесс: взгляд на актуальную проблему» обосновано, что введение на основе Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ частью 6 УПК РФ – «Электронные документы и бланки процессуальных документов», регламентирующей оформление процессуальных действий и решений на бланках процессуальных документов (ст. 474 УПК РФ) и порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве (ст. 474.1 УПК РФ), не дает оснований утверждать о замене традиционной формы уголовного судопроизводства цифровым (электронным) уголовным процессом⁸⁵.

Внутреннее содержание уголовно-процессуальной формы не зависит от характера осуществляемой органами расследования прокуратуры и суда уголовно-процессуальной деятельности. В досудебном производстве, вне зависимости от того, осуществляется ли оно в виде дознания или предварительного следствия, содержание уголовно-процессуальной формы связывается с процессуальной деятельностью названных органов по собиранию, исследованию и оценке доказательств об обстоятельствах предмета доказывания и формулированию обвинения в его материально-правовом содержании; в судебных стадиях производства – с процессуальной деятельностью суда по разрешению обвинения по существу с целью получения законного, обоснованного и справедливого ответа на вопрос о виновности либо невиновности подсудимого в инкриминированном преступлении. Уголовно-процессуальная форма, осуществляемая при этой деятельности, корректируется лишь в зависимости от того, осуществляется ли такая деятельность в традиционном (своего рода – классическом) уголовно-процессуальном порядке, либо имеет место упрощенное, либо усложненное судопроизводство. Именно усложненные и упрощенные производства по уголовным делам в настоящее время стали настолько распространенными, что, по сути

---

⁸⁵ См.: Зинатуллин Т. З. Цифровой уголовный процесс: взгляд на актуальную проблему // Современные тенденции развития российского права : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2022.

дела, традиционные формы уголовного судопроизводства становятся достоянием прошлого.

К упрощенным относятся производства, в которых процессуальная деятельность осуществляется без прохождения всех классических стадий или отдельных этапов уголовного судопроизводства. Упрощенное производство осуществляется, в частности, по уголовным делам так называемого частного обвинения. Уголовная ответственность за входящие в эту группу преступления установлена ч. 1 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116.1 УК РФ (побои), ч. 1 ст. 128.1 УК РФ (клевета), при производстве по которым за исключением установленных ч. 4 ст. 20 УПК РФ случаев отсутствуют стадии предварительного расследования уголовных дел. Производство по такого рода делам осуществляется в установленном главой 41 УПК РФ процессуальном порядке.

К категории упрощенных уголовно-процессуальных производств относятся и установленные разделом XX УПК РФ особые порядки принятия судебного решения по уголовным делам: при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ) и при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), по которым постановление приговора судом осуществляется без исследования и оценки в общем порядке собранных по делу доказательств (ст. 316 и 317.1 УПК РФ).

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ законодатель ввел ещё одну форму упрощенного производства в виде дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), позволяющего дознавателю практически на одном лишь признании своей вины в совершении преступления без формулирования в специальном акте обвинения в его материально-правовом содержании завершить расследование составлением обвинительного постановления (ст. 226.7 УПК РФ), после утверждения которого прокурором уголовное дело направляется в суд для своего разрешения. Представляется совершенно непонятным, как суд может разрешить поступившее дело по своему существу, если обвинение по нему и не сформулировано. Несмотря на такой парадокс, сокращенная форма дознания на прак-

тике оказалась воспринятой, и в таком виде разрешается сегодня значительное число уголовных дел⁸⁶.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ законодатель ввёл ещё одну разновидность упрощённых производств в виде назначения мер уголовно-правового характера при освобождении лица от уголовной ответственности (глава 51.1 УПК РФ). Всё производство по делу сводится к тому, что судья в судебном заседании единолично рассматривает поступившее от органа предварительного расследования ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении совершившего небольшой или средней тяжести преступления и возместившего причиненный ущерб подозреваемого или обвиняемого и назначает ему меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, предусмотренного ст. 104.4 УК РФ.

Усложненными являются производства, по которым законодателем установлены дополнительные гарантии в отношении обвиняемых, которые в силу несовершеннолетия или необходимости применения к ним принудительных мер медицинского характера (главы 50–51 УПК РФ), требуются и дополнительные меры по обеспечению их законных прав и интересов.

Отступления от установленного законом порядка производства по уголовным делам (ст. 1 УПК РФ) есть не что иное, как нарушение закрепленного в ст. 7 УПК РФ принципа законности, влекущего за собой, согласно ч. 3 указанной статьи, «признания недопустимыми полученных таким путем доказательств». Если, к примеру, во время постановления приговора в совещательной комнате находился не входящий в состав суда по данному делу участник судебного разбирательства в лице прокурора, поддерживающего в суде государственное обвинение (было время, когда такое и не возбранялось, а в годы сталинизма, с подачи Генерального прокурора СССР

---

⁸⁶ См: Гаврилов Б. Я. Нравственные основы формирования современной уголовно-процессуальной политики: взгляд учёного и позиция практика // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 4. С. 14–15; обоснованную критику такого взгляда см.: Зинатуллин З. З. Уголовный процесс без института обвинения – нелепость // Вестник Удмуртского университета серия экономики и права. 2022. Т. 32, вып. 1. С. 185–187.

А. Я Вышинского, было и обязательным), то постановленный судом приговор признается не соответствующим требованиям своей законности, обоснованности и справедливости (ст. 297 УПК РФ). Такой приговор подлежит отмене в апелляционном, кассационном, надзорном порядке либо в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

В условиях всё более широкого внедрения в уголовное судопроизводство составляющих всего того, что именуется цифровым пространством возникает необходимость установления его влияния на уголовно-процессуальные формы. Свидетельством самого бурного развития и внедрения в уголовное судопроизводство цифровой технологии является практически уже сформировавшаяся система цифрового (электронного) правосудия. Сегодня, к примеру, применение в судах устройств видео-конференц-связи стало практически обычным явлением⁸⁷.

Обращаясь к составляющим электронного правосудия, его широкого применения в практике судебных органов нельзя ни на иоту игнорировать нравственные основы осуществления правосудия с использованием искусственного интеллекта. Наиболее важными среди них, вне сомнения, как отмечает Н. Ю. Волосова, являются «уважение основополагающих прав, недискриминация, качество и безопасность, прозрачность, беспристрастность и достоверность, контроль пользователем»⁸⁸ и, естественно, всего того, что заложено в содержании Кодекса судебной этики. В связи со сказанным представляется просто необходимым воспроизвести высказывание проф. Т. К. Рябиной о том, что «специфика юридической деятельности заключается не только в том, что она и её результаты привлекают к себе особое внимание общественности, но и то, что

---

⁸⁷ Об этом см.: Зинатуллин З. З. Электронное правосудие в уголовном судопроизводстве: реальность и перспектива // Проблема современного, отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности / под общ. ред. проф. В. М. Базрова. М., 2016. С. 131–133.

⁸⁸ Волосова Н. Ю. Цифровое правосудие и перспективы сохранения нравственных основ судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 45.

сами лица, её осуществляющие, чаще попадают «в поле зрения» окружающих, и интерес этот объясняется в первую очередь не простым любопытством, а необходимостью общественного контроля за этой деятельностью и общественной оценки действий, выполняемых юристами, с точки зрения и добропорядочности, «чистоплотности», то есть соответствия высоким нравственным принципам и качествам, предъявляемым к ним со стороны общества»⁸⁹.

Содержание ст. 1 УПК РФ позволяет утверждать, что уголовно-процессуальная форма представляет собой сплав, установленный соответствующими уголовно-процессуальными нормами процессуальной деятельности и процедуры оформления ее результатов в процессуальных актах-документах. Уголовно-процессуальная форма по своей правовой природе есть не что иное, как государственно-властный акт, получающий своё внешнее выражение в соответствующих уголовно-процессуальных документах. В качестве последних выступают постановления, определения, приговоры, которые, вне зависимости от их изготовления в обычном бумажном варианте или цифровом (электронном) своем исполнении, выступают в качестве официальных, электронных документов, заверенных в соответствии со ст. 474.1 УПК РФ электронной подписью в соответствии с законодательством РФ посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети интернет; думается, что и протокол судебного заседания, изготовленный в соответствии со ст. 259 УПК РФ в электронной форме, должен также заверяться электронной подписью секретаря судебного заседания и судьи. В отличие от протоколов следственных действий, составляемых в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ с отражением их содержания на носителях компьютерной информации (кассетах, чипах, магнитных лентах и т. д.), содержащаяся в них информация носит во многом предположительный, не влияющий на разрешение судьбы человека характер. Протокол же судебного заседания, как правило, содержит в себе во многом неблагоприятную для подсудимого информацию, в

---

⁸⁹ Рябина Т. К. Нравственные начала уголовного процесса. Курск, 2007. С. 31.

том числе о его виновности в инкриминируемом преступлении; при ознакомлении с содержанием судебного протокола заседания заявивших об этом ходатайства участников судебного разбирательства как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, от них надлежит отбирать подписку о неразглашении ставших им известными сведений с оформлением этого факта согласно ст. 474.1 УПК РФ электронной подписью.

Цифровизация уголовного судопроизводства и её проявления в виде электронного правосудия сегодня расценивается как неизбежное и достаточно устоявшееся социальное явление. Своеобразным тормозом в его дальнейшем развитии выступает ряд факторов правового и этического порядка. Первый из них выражается, прежде всего, в том, что Россия имеет далеко не отвечающее требованиям современности уголовно-процессуальное законодательство. Действующий УПК РФ принят в годы переломных социально-экономических преобразований, связанных, в частности, с широко-масштабным становлением и развитием предпринимательской деятельности. Вместе с тем не думается, что в ближайшей перспективе будет новый УПК РФ, построенный к тому же в русле цифрового судопроизводства. Нароботок и предложений здесь очень много, их поток только увеличивается. Но, как представляется, стержневые составляющие уголовно-процессуальной формы, в отличие от технико-прикладных, существенно не изменятся. Не думается, что «искусственный интеллект может рассматриваться как инструмент, способный осуществлять правосудие»⁹⁰. Правосудие не может быть сведено к чисто техническому составляющему в виде того, что «стороны загружают юридические документы в систему, после чего искусственный интеллект исследует их и выносит судебный акт»⁹¹, как всё просто. Оговорка о том, что элементы электронного правосудия и искусственный интеллект используются для рассмотрения «несложных, ... шаблонных дел, которые укладываются в определенный алгоритм действий и принимаемых решений», неосложнен-

---

⁹⁰ Волосова Н. Ю. Указ. соч. С. 42.

⁹¹ Волосова Н. Ю. Указ. соч. С. 43.

ных «объемом доказательств, в большинстве своем это простые и очевидные деликты»⁹², как раз есть свидетельство того, что сам процесс принятия соответствующего процессуально-правового решения осуществляется в имманентной связи с действиями судьи (суда) и оценкой им исследованной по делу совокупности доказательств, сформировавшегося у него внутреннего убеждения (ст. 17 УПК РФ) (внутреннее убеждение есть присущее только человеку его психофизиологическое состояние), основанного только на конкретных доказательствах, заглянуть в душу человеку (думается, что это не что иное, как *terra incognita* на все времена) и оценить состояние которого может только он сам, а не какое-либо бездушное механическое существо. Глубоко прав профессор А. С. Александров в своем утверждении о том, что «оценку доказательств должен осуществлять только человек (прокурор, судья). Обвинять и судить могут только люди, но не машины, потому что оценить правовую ситуацию и принять решение о применении закона к человеку – предъявить обвинение, осудить, оправдать, – может только другой человек. Машина должна быть априори исключена из этой сферы, ибо она не может судить человека»⁹³.

Цифровизация уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам, в соответствии со ст. 474–474.1 УПК РФ, сегодня связывается только с рекомендуемыми законодателем способами оформления уголовно-процессуальных действий и решений. Но данное обстоятельство не умаляет социальной ценности уголовно-процессуальной формы, неукоснительное соблюдение которой, её правовых и нравственных устоев есть не что иное, как служение социуму и человеку как высшей ценности во всём мироздании, торжеству правды и справедливости в сфере уголовного судопроизводства.

---

⁹² Там же. С. 43.

⁹³ Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 138–139; см. также: Корпец И. И. Дело, которому мы служим. М., 1989. С. 57.

М. И. Сафронов,

аспирант кафедры уголовного процесса

и правоохранительной деятельности ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

**К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ РЕГУЛЯТОРНОГО
ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
ОТНОШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПУНКТА 24
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО
СУДА РФ ОТ 15.11.2022 № 33 «О ПРАКТИКЕ
ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ НОРМ О КОМПЕНСАЦИИ
МОРАЛЬНОГО ВРЕДА»**

Одними из ключевых принципов гражданского права являются принципы, изложенные в ч. 1 ст. 1, ч. 5 ст. 10, ч. 1 ст. 421 ГК РФ (добросовестность участников гражданских правоотношений, свобода договора, равенство участников гражданских правоотношений).

Также необходимо отметить следующие принципы уголовно- и уголовно-процессуального права, которые имеют значение при рассмотрении заявленной темы: ч. 1 ст. 3 УК РФ (принцип законности) и ч. 1 ст. 15 УПК РФ (принцип состязательности сторон).

Автору представляется важным отдельно заострить внимание на указанных нормах.

Так, В. Г. Румянцева и Ю. Е. Ширяев характеризуют принципы права как «общепризнанные основополагающие идеи, закрепленные в различных его источниках или выраженные в устойчивой юридической практике»⁹⁴.

Действительно, законодательство должно отражать идеи, заложенные в правовых принципах, однако и сами эти идеи должны обрести качество нормативности⁹⁵.

---

⁹⁴ Румянцева В. Г., Ширяев Ю. Е. Понятие принципа права в контексте законотворческого процесса // История государства и права. 2006. № 8.

⁹⁵ Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник РУДН. 2009. № 4. С. 8.

По мнению автора, принципам права должна быть присуща известная консервативность. Это обусловлено ожиданиями участников правоотношений: правовое будущее должно быть предсказуемо и прозрачно (в разумных пределах, разумеется). При отсутствии такой предсказуемости, любое (даже среднесрочное) планирование своей деятельности невозможно, особенно это касается субъектов бизнеса.

Автор никого не удивит, если скажет, что любые нормы права (в любой отрасли) должны формироваться исходя из декларируемых принципов этой отрасли права (отраслей права, если мы говорим о межотраслевых принципах).

Что-же касается точки зрения Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), высказываемой им в тексте Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, то можно долго спорить об их нормативности и обязательности для нижестоящих судов, отметим лишь высказывание В. И. Радченко, первого заместителя Председателя Верховного Суда РФ с 1989 г., заявившего на Конституционном совещании следующее: «Мы [Пленум Верховного Суда] даем судам руководящие разъяснения. [Судья] должен придерживаться каких-то разъяснений, которые дают вышестоящие суды. Это вопрос, который уже настолько в практике решен, что не вызывал никаких вопросов, только в теории спорят»⁹⁶.

Так, в конце 2022 года, Пленум Верховного Суда РФ опубликовал новое постановление, касающееся вопроса о компенсации морального вреда.

Согласно пункту 24 названного Постановления, «факт получения потерпевшим добровольно предоставленной причинителем вреда компенсации как в денежной, так и в иной форме, как и сделанное потерпевшим в рамках уголовного судопроизводства заявление о полной компенсации причиненного ему морального вреда, не исключает возможности взыскания компенсации морального вреда в порядке гражданского судопроизводства. Суд вправе взыскать

---

⁹⁶ Бурков А. Л. Статус Постановлений Пленума Верховного Суда РФ в законодательстве и судебной практике // Правоведение. 2011. № 5. С. 172–186.

компенсацию морального вреда в пользу потерпевшего, которому во внесудебном порядке была выплачена (предоставлена в денежной форме) компенсация, если исходя из обстоятельств дела с учетом положений ст. 151 и 1101 ГК РФ придет к выводу о том, что компенсация, полученная потерпевшим, не позволяет в полном объеме компенсировать причиненные ему физические или нравственные страдания» (далее – Постановление № 33)⁹⁷.

Представим гипотетическую ситуацию: моральный вред, причиненный потерпевшему преступлением, был компенсирован гражданским ответчиком в рамках досудебного соглашения о компенсации морального вреда.

Заметим, в рамках приведенного примера гражданским ответчиком по уголовному делу может быть не только физическое, но и юридическое лицо. Более того, гражданский ответчик приобретает соответствующие права и обязанности и без фактического признания его таковым, а просто в силу требований ГК РФ (например, в рамках ст. 1079 ГК РФ).

Спустя пять лет после получения такой компенсации, потерпевший решает за счет гражданского ответчика (особенно, если это вполне здравствующее юридическое лицо) поправить свое финансовое положение и предъявляет к такому гражданскому ответчику соответствующий иск. Учитывая, что вопрос компенсации морального вреда, причиненного преступлением, находится на границе двух отраслей права (гражданского и уголовного), а также учитывая, что сроки исковой давности по подобным спорам фактически отсутствуют (ст. 208 ГК РФ, п. 11 Постановления № 33), то каким образом суд определит, а не злоупотребляет ли своим правом истец? Не нарушает ли такое требование норм ст. 10 ГК РФ? В нашем примере – да, нарушает.

---

⁹⁷ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/> (дата обращения: 05.01.2023).

Отдельно стоит задаться вопросом, по какой причине п. 24 Постановления № 33 фактически признает потерпевшего (в определенной ситуации) «недееспособным»? Иначе такую конструкцию нормы автор объяснить не может: два субъекта правоотношений, действующие добровольно, заключили соглашение, определили объем прав и обязанностей; заключение такого соглашения не противоречит требованиям законодательства, стороны в полном объеме исполняют взятые на себя обязательства, казалось бы, вопрос исчерпан. Но в какой-то момент времени один из участников такого соглашения (потерпевший) в одностороннем порядке решает фактически изменить ранее согласованные условия такого соглашения и обращается в суд. Фактически изложенный в действующей редакции п. 24 Постановления № 33 вполне допускает такую ситуацию.

По какой причине п. 24 нарушает равновесие участников таких правоотношений и усиливает позицию одного (потерпевшего) и ослабляет другого (гражданского ответчика) в нашем примере? А если оба участника таких правоотношений – физические лица?

При этом такие действия государства (в роли суда) на рассматриваемом этапе сложно объяснить, например, публично-правовой функцией. По мнению автора, такая функция государства прекращается в процессе предварительного следствия/дознания или судебного следствия, когда потерпевший отказывается от судебной защиты своего права на компенсацию морального вреда и согласовывает с гражданским ответчиком внесудебный порядок такой компенсации. Автору в принципе не ясна ситуация, когда применение такого порядка (предусмотренного п. 24 Постановления № 33) вообще будет уместно с точки зрения основных начал действующего гражданского законодательства, по крайней мере, когда встречное представление было принято потерпевшим.

С другой стороны, в современной России много внимания уделяется развитию правовой культуры и повышению правовой грамотности населения. Существуют различные целевые инициативы, например, в Рекомендациях Коллегии Евразийской экономической комиссии от 08.11.2022 № 42 «О перечне приоритетных мер,

направленных на защиту прав потребителей» одной из декларируемых мер названо «создание условий для развития правовой и цифровой грамотности населения». Агентством стратегических инициатив проводятся правовые диктанты. Множество общественных организаций проводят разъяснительную работу по правовым вопросам, например Ассоциация юристов России (членом которой является автор настоящей статьи, и который сам неоднократно участвовал в подобных мероприятиях). Возможно, целесообразно поставить вопрос о том, а не инфантилизирует ли такой подход Верховного Суда общество (в лице потерпевшего), как бы говоря между строк: «Вы можете особо не задумываться над последствиями своего выбора, если что – суд все поправит».

При этом в момент заключения досудебного соглашения о компенсации морального вреда по конкретному уголовному делу назначение уголовного судопроизводства уже достигнуто: права и законные интересы лица, потерпевшего от преступления, защищены, как это и предусмотрено ст. 6 УПК РФ.

И как было сказано выше, более поздние попытки потерпевшего требовать некую дополнительную компенсацию морального вреда сложно отличить от злоупотребления правом.

Кроме того, уже не первый год в России ведутся разговоры о необходимости снижения нагрузки на суды⁹⁸⁹⁹¹⁰⁰. Подобные инициативы (п. 24 Постановления № 33) вряд ли будут способствовать названному процессу.

По нашему мнению, новое Постановление Пленума Верховного Суда в части вопросов компенсации морального вреда действительно назрело, странно лишь то, что высший судебный орган

---

⁹⁸ Борисова Е. А. Снижение судебной нагрузки ставится во главу преобразований процессуального законодательства // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/interview/1144157/> (дата обращения: 05.01.2023).

⁹⁹ Пленум ВС придумал, как снизить нагрузку на мировых судей // Право.RU. URL: <https://pravo.ru/news/241171/> (дата обращения: 05.01.2023).

¹⁰⁰ Тихие реформы судебной нагрузки // zakon.ru. URL: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 05.01.2023).

выбрал такой специфический подход к рассматриваемому вопросу и вклинился в сферу, которую трогать, вероятно, не следовало. Прежде чем разрабатывать новые процессуальные процедуры и средства, целесообразно учесть уже существующие базовые принципы и гарантии, разработать такой механизм, который будет ясен и понятен для всех лиц, вовлечённых в уголовное судопроизводство; будет гармонично учитывать права и законные интересы сторон без создания необоснованного дисбаланса.

Список литературы

1. Борисова Е. А. Снижение судебной нагрузки ставится во главу преобразований процессуального законодательства // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/interview/1144157/> (дата обращения: 05.01.2023).

2. Бурков А. Л. Статус Постановлений Пленума Верховного Суда РФ в законодательстве и судебной практике // Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 172–186.

3. Румянцева В. Г., Ширяев Ю. Е. Понятие принципа права в контексте законотворческого процесса // История государства и права. – 2006. – № 8.

4. Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник РУДН. – 2009. – № 4. – С. 8.

Е. Ф. Тензина,

*доцент, к.ю.н., доцент кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВИДЕО- КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В современном мире информация представляет ценнейший ресурс. Скорость её передачи является решающим фактором эффективного выполнения любой задачи. В связи с этим появляются все новые способы передачи данных. В совокупности с высокими темпами развития научного прогресса и увеличением уровня доступности его результатов информационные технологии все активнее проникают в нашу жизнь. Одной из таких технологий является технология видео-конференц-связи (далее – ВКС).

Данная технология уже очень давно применяется в повседневной жизни: первые системы появились ещё в 1960-х годах. В настоящее время потребность в применении технологии ВКС не уменьшилась. Причиной такого спроса является ряд неоспоримых преимуществ ВКС, таких как, например, снижение времени на поездки и расходы, связанные с ними, увеличение эффективности труда и так далее. Отдельным фактором, способствующим ещё большему распространению данной технологии, стала сложившаяся в мире эпидемиологическая ситуация и изменения в геополитическом мире.

Основным инициатором изменений по информатизации судебной системы выступает Верховный Суд РФ. Уголовное судопроизводство, в которое была внедрена ВКС, в сравнении с другими видами юридических процессов, было последним, и дополнения в этой части вводились поэтапно. Одними из последних стали изме-

нения 2022 года, которые расширили возможности использования ВКС в судебном производстве по уголовному делу¹⁰¹.

С 10 января 2022 года вступили в силу дополнения в УПК РФ, позволившие теперь и органам предварительного расследования в ходе проведения допроса, очной ставки и опознания использовать систему ВКС. Ранее такой возможности в досудебном производстве законом не предусматривалось.

Статья была введена федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ. Помимо обсуждения в научном сообществе данная тема являлась одним из вопросов в ряде законодательных инициатив. Всё это свидетельствует о том, что данное изменение в УПК РФ являлось не только ожидаемым, но и востребованным. Безусловно, применение ВКС в досудебном производстве имеет ряд неоспоримых преимуществ:

1) возможность сокращения сроков предварительного расследования и сроков производства процессуальных действий;

2) сокращение случаев приостановления производства предварительного расследования;

3) следственные действия с использованием систем ВКС являются одним из способов обеспечения безопасности лиц, участвующих в производстве следственных действий;

4) уменьшение финансовых и временных затрат участников уголовного судопроизводства и ряд иных преимуществ.

Однако насколько рассматриваемая норма оправдала возложенные на неё ожидания – вопрос дискуссионный, особенно с позиций доказывания по уголовному делу.

Рассмотрим содержание ст. 189.1 УПК РФ. Норма данной статьи регламентирует специальные правила для проведения таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание в удаленной форме. Статья устанавливает, что следователь или дознаватель, осуществляющие следственные действия в данной форме,

---

¹⁰¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru/>

обязаны действовать в соответствии с нормами ст. 164 УПК РФ и главы 26 УПК РФ. Таким образом, законодатель закрепляет, что данная форма следственных действий является специальным правилом по отношению к аналогичным следственным действиям в УПК РФ. Это означает, что на допрос, очную ставку и опознание путем использования ВКС распространяются общие правила, установленные для всех следственных действий. Однако стоит заметить, что сама процедура осуществления следственных действий в данной форме имеет ряд существенных отличий. Так, процедура проведения допроса, очной ставки и опознания в дистанционном формате выглядит следующим образом: следователь или дознаватель направляют следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное поручение. Данному лицу, прибывшему в орган следствия или дознания по месту своего нахождения, разъясняются его права и обязанности. Далее проводится одно из вышеуказанных следственных действий в соответствии с нормами УПК РФ. Лицу оглашается протокол следственных действий, после чего запись о разъяснении участникам следственного действия их прав и обязанностей, а также запись об оглашении им протокола удостоверяется их подписями, о чем берется подписка и направляется в течение 24 часов следователю или дознавателю, по чьему поручению проводилось следственное действие. Таким же образом направляются при необходимости документы, материалы и ордер адвоката. Помимо этого, следственное действие с использованием технологии видео-конференц-связи обязательно подлежит видео-протоколированию и не может проводиться в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности.

При кажущейся детальной проработанности нормы статьи, всё же возникают разноуровневые вопросы процессуального, организационного и технического характера, которые так или иначе связаны в конечном итоге со свойством допустимости результатов

следственных действий, проведенных с использованием дистанционного формата, и возможности дальнейшего использования их в доказывании.

Во-первых, ст. 189.1 УПК РФ в качестве основания для проведения допроса, очной ставки или опознания путем использования ВКС выделяет достаточно абстрактную формулировку «в случае необходимости». В законе не указываются случаи, подпадающие под критерий необходимости, что может порождать неопределенность в работе органов следствия и дознания. Полагаем, что использование дистанционного формата в досудебном производстве – это исключение из общих условий предварительного расследования. И их должны составлять действительно объективные причины «невозможности личного вербального и невербального общения» следователя, дознавателя с участником уголовного дела. Это могут быть случаи пребывания участника следственного действия в местах проведения СВО, в зонах чрезвычайной ситуации, в местах проведения контртеррористической операции, нахождения в местах изоляции от общества. Считаем необходимым условием обеспечения допустимости доказательств, полученных при проведении следственных действий с использованием ВКС, – обязательное вынесение постановления следователем, дознавателем, осуществляющим производство по уголовному делу, с указанием причин «этой необходимости» и подтверждением указанных обстоятельств.

Во-вторых, необходимо уточнить круг участников уголовного судопроизводства, с участием которых допустимо проведение следственных действий с использованием ВКС. С учетом буквального толкования содержания ст. 189.1 УПК РФ в этот перечень не подпадают, например, специалист и эксперт. Также встает вопрос о допустимости использования ВКС при проведении процессуальных действий с участием несовершеннолетних участников уголовного процесса. С учетом подходов, применяемых в уголовно-процессуальном доказывании, полагаем аналогию уголовно-процессуального закона применять к проведению следственных

действий с использованием дистанционного формата с перечисленными участниками не допустимо.

В-третьих, встает вопрос о требованиях к наличию технической возможности для проведения допроса, очной ставки или опознания путем использования ВКС. Легальное определение понятия «видео-конференц-связь», которое лишь описательно дает понимание значения термина, содержится только в нормативных актах судебной системы. Так, в документе «видео-конференц-связь» определена как способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами¹⁰². Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 и Постановление Совета судей РФ от 16.11.2001 № 65 устанавливают требования к оборудованию и программному обеспечению только для залов суда и органов ФСИН. Полагаем необходимым скорейшее принятие унифицированного подхода к техническому обеспечению порядка проведения процессуальных действий с использованием ВКС в целом в уголовном судопроизводстве, а также нормативно закрепить статус отдельного технического специалиста, отвечающего за подготовку к работе системы дистанционной связи.

Не урегулированными остались действия должностных лиц в случае технического сбоя во время проведения следственного действия, проводимого в дистанционном формате: необходимо приостановить проведение процессуального действия или начинать заново при появлении технической возможности. Каковы последствия таких технических сбоев для последующей оценки допустимости доказательств?

Законодатель на указанную проблему отчасти обратил внимание, предложив устранить ее в последних поправках, внесенных

---

¹⁰² Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020). URL: <https://www.consultant.ru/>

в ч. 1 ст. 253 УПК РФ¹⁰³, путем указания на «...возникновение технических неполадок при использовании технических средств ведения судебного заседания, в том числе систем видео-конференц-связи» как основание для отложения судебного разбирательства. Полагаем возможным применить аналогию и в досудебном производстве для решения технической проблемы и последующем использовании в доказывании результатов следственных действий, проведенных в дистанционном формате, прерванных по техническим причинам.

Конечно, период цифровизации диктует необходимость трансформации во всех сферах отношений, в том числе уголовно-процессуальных. Однако с учетом исторического типа российского уголовного процесса, современного назначения уголовного судопроизводства, принципов его построения и особенностях доказывания необходимо очень взвешенно подходить к нововведениям. Полагаем, что расширение применения дистанционного формата к другим процессуальным действиям в досудебном производстве на данном этапе нецелесообразно, а введенный действующий механизм с точки зрения обеспечения допустимости доказательств требует серьезной правовой и организационной проработки.

---

¹⁰³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru/>

П. Л. Ишимов,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного

процесса и правоохранительной деятельности

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ПОВОД И ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НАЛОГОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

В современной России все больше проявляется закономерность возбуждения следственными органами уголовных дел так называемой налоговой направленности. На практике такие дела, как правило, возбуждаются по составам преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, то есть уклонение физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате, – плательщиком страховых взносов.

Сами по себе указанные выше составы преступлений включают в себя сложные многоуровневые элементы, требующие сбор крепкой доказательственной базы, которая начинается со стадии возбуждения уголовного дела.

В ст. 140 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень поводов к возбуждению любого уголовного дела. Однако законодатель, из-за сложности проведения предварительного следствия, отвел преступлениям налоговой направленности особое место, указав в п. 1.3. вышеназванной статьи, что единственным поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, могут служить только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Анализируя данное положение УПК РФ, необходимо заметить, что, указывая на такой повод возбуждения уголовного дела – материалы налогового органа, направленные в следственный орган,

законодатель не раскрывает их перечень, а также делает общую бланкетную ссылку на законодательство о налогах и сборах, что является существенным недостатком. Так как на практике, большинство следователей СК РФ практически не имеют следственного опыта и навыков в расследовании данной категории уголовных дел и далеки от понимания норм законодательства о налогах и сборах.

Поэтому считаю целесообразным выяснить вопрос, какие материалы налогового органа могут послужить поводом для возбуждения уголовного дела.

Согласно ст. 100 НК РФ по результатам выездной налоговой проверки в течение двух месяцев со дня составления справки о проведенной выездной налоговой проверке уполномоченными должностными лицами налоговых органов должен быть составлен в установленной форме акт налоговой проверки. В случае выявления нарушений законодательства о налогах и сборах в ходе проведения камеральной налоговой проверки должностными лицами налогового органа, проводящими указанную проверку, должен быть составлен акт налоговой проверки по установленной форме в течение 10 дней после окончания камеральной налоговой проверки.

Акт налоговой проверки подписывается лицами, проводившими соответствующую проверку, и лицом, в отношении которого проводилась эта проверка (его представителем). К акту налоговой проверки прилагаются документы, подтверждающие факты нарушений законодательства о налогах и сборах, выявленные в ходе проверки.

В соответствии со ст. 101 НК РФ руководитель (заместитель руководителя) налогового органа по результатам рассмотрения акта налоговой проверки, других материалов налоговой проверки, в ходе которой были выявлены нарушения законодательства о налогах и сборах, а также представленные проверяемым лицом (его представителем) письменные возражения по указанному акту, может вынести решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. При проверке консолидированной группы налогоплательщиков в указанном решении может содержаться

указание о привлечении к ответственности одного или нескольких участников этой группы.

В соответствии с положением п. 3 ст. 32 НК РФ, если по направленному налогоплательщику (плательщику сбора, налоговому агенту, плательщику страховых взносов) требованию об уплате налога (сбора, страховых взносов) на основании решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения последний в течение двух месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога (сбора, страховых взносов) не уплатил (не перечислил) в полном объеме указанной в данном требовании суммы недоимки, размер которой позволяет предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, соответствующих пеней и штрафов, налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в следственные органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, представляется целесообразным считать поводом к возбуждению уголовного дела, указанным в п. 1.3 ст. 140 УПК РФ, решение руководителя (заместителя руководителя) налогового органа о привлечении налогоплательщика к ответственности за совершение налогового правонарушения с приложением надлежаще оформленного акта налоговой проверки, а также, в случае наличия, других материалов налоговой проверки, в ходе которой были выявлены нарушения законодательства о налогах и сборах. Только в их совокупности можно говорить о законности повода для возбуждения уголовных дел по ст. 198, 199 УК РФ.

В ходе рассмотрения материалов проверки (так называемой доследственной проверки по материалам) по наличию признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, у следователей возникает сложность в установлении основания для возбуждения уголовных дел, либо из-за сложности и непрофессионализма они вообще стараются не вникать в их сущность.

На практике по таким категориям уголовных дел следователи зачастую копируют формулировки, изложенные в решении налогового органа, не проанализировав их содержание, выдавая при этом за основание для возбуждения уголовного дела.

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является только наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Из положения закона вытекает, что именно следователь, проводящий доследственную проверку по материалам, обязан устанавливать наличие или отсутствие признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, а не быть безучастным зрителем.

На практике выявляются случаи, когда решения руководителя (заместителя руководителя) налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения вынесены с нарушением НК РФ, либо факты, изложенные в нем о допущенных нарушениях, искажены либо ошибочны.

Также можно привести множество примеров, когда следователи СК РФ второпях возбуждают уголовные дела по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ, не проводя должной доследственной проверки, а налогоплательщик, в отношении которого вынесено решение налогового органа о привлечении его к ответственности за совершение налогового правонарушения, обжалует его в Арбитражных судах, и выигрывает спор. Соответственно, решение налогового органа отменяется, а привлечение налогоплательщика к ответственности за совершение налогового правонарушения признается незаконным.

Таким образом, возбужденные уголовные дела в отношении таких налогоплательщиков прекращаются по реабилитирующим основаниям.

Полагаю, что именно несовершенство положений ст. 140 УПК РФ заставляет следователя при возбуждении уголовных дел по ст. 198, 199 УК РФ следовать предписаниям (формулировкам), изложенным в материалах, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения

вопроса о возбуждении уголовного дела, при этом подавляя его инициативу в установлении основания для их возбуждения.

Поэтому следователь перед принятием решения о возбуждении уголовного дела по ст. 198, 199 УК РФ, установления основания должен тщательно изучить все представленные налоговым органом материалы, вникнуть во все формулировки, изложенные в них. При возникновении нестыковок или двойственности содержания текста, изложенного в материалах налоговой проверки, а также непонятности формулировок следователь должен обратиться в налоговый орган, направивший материал для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, для дачи разъяснений.

Считаю, что следователь для объективного и беспристрастного решения вопроса о возбуждении уголовного дела по данной категории уголовного дела может (а в некоторых случаях и должен) обращаться в вышестоящие налоговые органы для получения правовой консультации по вопросам НК РФ.

Разделяю мнение авторов, которые указывают на необходимость следователям уделять особое внимание на изучение, анализ и проверку представленных в ходе налоговой проверки возражений налогоплательщика, что в последующем может облегчить установление прямого умысла лица (налогоплательщика) на совершение преступления. В связи с чем необходимо обязательно получить объяснения от лиц, являющихся налогоплательщиками, а в случае уклонения организации (юридического лица), – сотрудников, руководящего состава, персонала, налоговых агентов и т. д.¹⁰⁴

---

¹⁰⁴ Матушкина Н. В. Особенности возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям. // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2017. Т. 27, вып. 5.

Л. А. Кротова,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры

уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО

«Удмуртский государственный университет»

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

28 июня 2022 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», в котором на основе обобщения судебной практики впервые даны официальные разъяснения относительно применения уголовного законодательства о некоторых преступлениях против правосудия (ст. 301, 302, 303, 306 и 307 УК РФ). Тем самым подчеркнута значимость уголовно-правовых гарантий функционирования судебной власти, равно как и необходимость повышения эффективности судебной защиты прав и свобод граждан как одного из основополагающих конституционных положений (ст. 46 Конституции РФ). В то же время, по мнению ряда ученых, данное постановление носит в целом «уточняющий характер»: «Верховным Судом разъясняются основные вопросы квалификации ряда преступлений против правосудия без каких-либо значимых новаций. Скорее, это обобщение накопившейся судебной практики» [1].

Тем не менее некоторые положения рассматриваемого постановления вызывают вопросы и практического, и теоретического порядков. На некоторых из них представляется необходимым остановиться.

Так, дано официальное толкование «тяжких последствий» как квалифицирующего признака, предусмотренного, соответственно, ч. 2 ст. 301 и ч. 3 ст. 303 УК РФ.

Применительно к ч. 2 ст. 301 УК РФ под тяжкими последствиями предлагается понимать, «в частности, состоящие в причинной

связи с заведомо незаконным задержанием, причинение по неосторожности смерти потерпевшему, самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего, наступление у него тяжелого заболевания, причинение потерпевшему крупного материального ущерба, в том числе в связи с утратой принадлежавшего ему имущества или права на такое имущество» [2].

Не отрицая практическую необходимость конкретизации тяжких последствий применительно к указанному составу преступления, тем не менее вызывает серьезные сомнения возможность рассматривать «причинение потерпевшему крупного материального ущерба» в качестве одного из его вариантов. Во многих составах преступлений «крупный ущерб» (размер, доход и т. д.), «особо крупный ущерб» (размер, доход и т. д.) предусмотрены в качестве конструктивных признаков. Их пределы четко определены в примечаниях к соответствующим статьям Уголовного кодекса РФ. Особенно показательна в этом отношении законодательная практика в сфере криминализации незаконной экономической деятельности (гл. 22 УК РФ), но и ст. 299 УК РФ содержит примечание, согласно которому крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей.

Таким образом, в конкретных составах преступлений содержание рассматриваемых признаков представлено, как правило, в виде конкретных сумм, что исключает проявление субъективизма при квалификации соответствующих деяний. Каким же образом надлежит определять наличие именно **крупного материального ущерба** применительно к заведомо незаконному задержанию, заключению под стражу или содержанию под стражей? Рассматривать данное понятие как оценочное, определяемое на основе совокупности конкретных обстоятельств? Такой подход вряд ли соответствует букве закона, сложившейся законодательной практике и в целом внутренней логике уголовного закона. Тем более вряд ли добавит определенности в понимание правоприменителем существа данного квалифицирующего признака.

Что касается состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по уголовному делу), под тяжкими последствиями рекомендуется понимать, в частности, «причинение **значимого** для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации **материального ущерба**, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности, либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам» [3]. Представляется, что в основе рекомендации рассматривать в рамках данного состава преступления в качестве тяжкого последствия прекращение предпринимательской деятельности лежит ч. 3 ст. 299 УК РФ, субъектом которой является лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью. Принимая во внимание данную законодательную практику, «прекращение предпринимательской деятельности» также предлагается учитывать в качестве одного из правовых последствий привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконного возбуждения уголовного дела.

В связи с этим возникает вопрос: почему конкретизацию содержания «**значимого материального ущерба**» как варианта тяжкого последствия согласно ч. 3 ст. 303 УК РФ Верховный Суд связывает лишь с определенным статусом потерпевшего (индивидуальный предприниматель либо коммерческая организация), в то время как в качестве данного участника уголовного судопроизводства по ч. 3 ст. 303 УК РФ может быть признано любое физическое лицо, которому причинен, в том числе и имущественный вред (ст. 42 УПК РФ). Кроме того, не исключено, что и потерпевший от преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 301 УК РФ, также является индивидуальным предпринимателем, и он, в результате заведомо незаконных задержания, заключения под стражу либо содержания под стражей, может быть доведен до состояния неплатежеспособности.

Принимая во внимание обозначенную в рассматриваемом постановлении цель, а именно: «обеспечение единообразного применения законодательства об уголовной ответственности за

преступления против правосудия, предусмотренные ст. 301–303, 306, 307 Уголовного кодекса Российской Федерации», в рамках данной главы УК РФ более целесообразным и практически значимым было бы иметь единое толкование такого конструктивного признака, как «тяжкие последствия». И в качестве первого шага по пути унификации правоприменительной практики в этом направлении представляется замена в п. 6 постановления слов «причинение потерпевшему **крупного материального ущерба**» на «причинение потерпевшему **значимого материального ущерба**».

В теории уголовного права нет однозначного подхода относительно субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ. Ряд ученых считают, что субъектом незаконного заключения под стражу может быть только судья, принявший такое решение. Иные должностные лица в случае вынесения заведомо незаконного постановления о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежат уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ [4].

Другие полагают, что субъектом преступления являются «следователь, лицо, производящее дознание, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, прокурор (ч. 1), судья, следователь, лицо, производящее дознание, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, прокурор, начальник места содержания под стражей (ч. 2)» [5].

Имеет место и более радикальная позиция, согласно которой данный состав преступления является «историческим реликтом». Наличие в ст. 301 УК РФ части второй, по мнению его сторонников, было оправдано, пока Федеральным законом от 29 мая 2002 года № 59-ФЗ не был предусмотрен судебный порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, «лица, которые могли быть исполнителями преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ (в части заведомо незаконного заключения под стражу), ныне таковыми не являются, исполнять объективную сторону рассматриваемого состава преступления не в состоянии» [6].

Что же касается уголовно-правовой оценки действий уполномоченных должностных лиц, которые в соучастии с судьей либо без такового подготовили и направили в суд документы, служащие основанием для незаконного избрания в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (незаконного продления срока содержания под стражей), они, по мнению А. Е. Амосова, «полностью охватываются в зависимости от ситуации ст. 292 или 299 УК либо могут квалифицироваться с учетом ч. 4 ст. 34 УК как соучастие в совершении преступления, предусмотренного ст. 305 УК» [7]. Действия судьи, вынесшего указанные выше решения (в том числе и решение о незаконном продлении срока задержания в порядке, установленном п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ) без сговора с указанными должностными лицами, подлежат квалификации по ст. 305 УК РФ [8].

Похожую позицию занимает Э. Ф. Байсалуева, отмечая, что при наличии сговора ответственность судьи как непосредственного исполнителя должна наступать в соответствии со ст. 305 УК РФ. Действия остальных лиц подлежат оценке согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ. В случае же введения судьи в заблуждение и отсутствия сговора между судьей и иными уполномоченными должностными лицами содеянное последними следует рассматривать как посредственное исполнительство и квалифицировать по ч. 2 ст. 301 УК РФ [9]. Таким образом, в отличие от позиции А. Е. Амосова, данным автором не отрицается значимость и практическая необходимость наличия части второй в ст. 301 УК РФ.

Несмотря на значительное разнообразие в теории уголовного права мнений относительно субъекта незаконного заключения под стражу, тем не менее в рассматриваемом постановлении Верховный Суд счел возможным указать лишь субъектов заведомо незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ). В их числе названы дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа или по их поручению иное должностное лицо, начальник места содержания подозреваемого, прокурор.

Вопрос о субъектах заведомо незаконного заключения под стражу (ч. 2 ст. 301 УК РФ) остался открытым, хотя согласно п. 4 Проекта таковым предлагалось рассматривать «судью, принявшего решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей в ходе досудебного производства по уголовному делу (статьи 108, 109 УПК РФ) либо судебного разбирательства (статья 255 УПК РФ)» [10].

В этом случае умышленные действия должностных лиц органов предварительного расследования и прокуратуры (по направлению в суд соответствующего ходатайства, его согласованию) предлагалось квалифицировать либо по соответствующим статьям главы 30 УК РФ (преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления), либо на основании ч. 4 ст. 34 УК РФ как соучастие в заведомо незаконном заключении под стражу или содержании под стражей.

Что же касается субъектов заведомо незаконного содержания под стражей, таковыми, по мнению авторов Проекта (п. 5), должны быть признаны дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа, начальник места содержания подозреваемого, прокурор. Таким образом, указанным выше вариантом решения вопроса о субъекте преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, фактически было официально признано наличие в данной статье трех отдельных составов преступления: заведомо незаконное задержание, заключение под стражу, содержание под стражей, отличающихся не только признаками объективной стороны, но и субъектами.

В ходе обсуждения Проекта многие положения получили позитивную оценку и поддержку, в том числе и предложенные в пп. 4–5. По мнению ряда авторов, такой подход «обоснованно разрешает конкуренцию между ст. 301 и 305 УК РФ в пользу первой нормы» [11]. Тем не менее из окончательной версии постановления пункт о квалификации действий судьи, принявшего заведомо незаконное решение о заключении под стражу, был исключен. Вряд ли можно согласиться с мнением, что Верховный Суд «посчитал этот

пункт самоочевидным и не требующим дополнительного разъяснения» [12]. Полагаем, что финальное решение обусловлено причинами прямо противоположного характера. Во-первых, отсутствие в доктрине уголовного права более или менее однозначного подхода относительно толкования субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ и, как результат, многообразие вариантов квалификации действий (бездействия) должностных лиц, оформляющих и возбуждающих перед судом ходатайство о заключении лица под стражу, и судьи, применяющего эту меру пресечения. Во-вторых, отмечается, что рассматриваемая статья является «нерабочей» и практически не применяется [13]. Конкретной судебной практики, на фактической основе которой можно дать правовую оценку обоснованности предлагаемых решений, нет, следовательно, в данный момент попытки определиться с решением указанных вопросов представляются преждевременными.

Список литературы

1. Пленум ВС отправил на доработку проект постановления о преступлениях против правосудия. – URL: <https://www.advagazeta.ru/>
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 9, п. 6. – С. 3.
3. Там же, п. 14. С. 15.
4. Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. – М. : Норма, 2005. – С. 148; Пилюшин И. Ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 63.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 9-е изд., перераб. и доп. / под ред. Г. А. Есакова. – М. : Проспект, 2021 // СПС «КонсультантПлюс»; Морозов В. И., Иванова Л. В. Субъект заведомо незаконного заключения под стражу // Российский следователь. – 2022. – № 7 // СПС «КонсультантПлюс»; Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / отв.

ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. – М. : Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – С. 633.

6. Амосов А. Е. Уголовная ответственность за незаконные заключение под стражу и содержание под стражей: проблема толкования законодательного текста // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 2. – С. 214.

7. Там же. С. 216.

8. Подобная позиция достаточно представлена в доктрине уголовного права. См.: Пилюшин И. Ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу // Уголовное право. – 2010. – № 5; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. – М. : Проспект, 2010 // СПС «КонсультантПлюс»; др.

9. Байсалуева Э. Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование: монография. – Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. – С. 94.

10. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. – URL: <https://www.advgazeta.ru/>

11. Пленум ВС отправил на доработку проект постановления о преступлениях против правосудия. – URL: <https://www.advgazeta.ru/>

12. Пленум ВС разъяснил практику по преступлениям против правосудия. – URL: <https://www.advgazeta.ru/>

13. Морозов В. И., Иванова Л. В. Субъект заведомо незаконного заключения под стражу // Российский следователь. – 2022. – № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

С. В. Соболев,

старший преподаватель кафедры

криминалистики и судебных экспертиз ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ВОЗБУЖДЕНИЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ УБИЙСТВАХ, СВЯЗАННЫХ С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ПОТЕРПЕВШИХ

Одним из основных направлений в работе СК РФ по расследованию особо тяжких преступлений является повышение эффективности по рассмотрению и проверке сообщений о безвестном исчезновении граждан, качества и полноты предварительного следствия по возбужденным уголовным делам указанной категории.

Для эффективности расследования уголовных дел данной категории был издан Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации от 16 января 2015 г. № 38/14/5 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц». Инструкция устанавливает порядок рассмотрения в территориальных органах МВД России и следственных органах системы Следственного комитета Российской Федерации заявлений, сообщений о преступлениях, а также иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства. Сообщение о безвестном исчезновении лица подлежит приему, регистрации и разрешению в установленном порядке независимо от давности и места исчезновения лица, наличия или отсутствия сведений о его месте жительства или пребывания, полных анкетных данных и фотографии без вести пропавшего лица, сведений об имевшихся ранее случаях его безвестного исчезновения. С учетом сложившейся практики в

Инструкции определен ряд признаков (всего 20), дающих основания полагать, что разыскиваемый стал жертвой преступления.

Кроме того, с целью своевременного возбуждения уголовных дел данной категории, прокурорами районов и руководителями СО-МСО заявления о безвестном исчезновении граждан берутся на особый контроль, систематически проверяется полнота и своевременность мероприятий по розыску указанных лиц, даются необходимые указания. В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела указанные материалы незамедлительно направляются в прокуратуру района и следственное управление региона для изучения и дачи заключения об обоснованности принятого решения.

Все поступающие в следственные органы сообщения об исчезновении человека, предполагаемого убитым, могут быть разделены по двум признакам:

- 1) по источнику;
- 2) по основному содержанию.

По источнику – 1) заявления членов семьи и родственников потерпевшего; 2) заявления посторонних лиц, обычно соседей; сообщения организации, где работал потерпевший; 3) по инициативе органов прокуратуры и полиции (в результате проверки оперативных данных).

По содержанию – 1) сообщения без указания на возможные причины исчезновения; 2) сообщения, где высказываются подозрения об убийстве исчезнувшего; 3) сообщения, где прямо указывается лицо, подозреваемое в убийстве исчезнувшего.

По делам об убийстве «без трупа» решающее значение, в отличие от других категорий дел, имеет способ сокрытия трупа. Одним из наиболее постоянных факторов, влияющих на выбор способа сокрытия убийств – это наличие (отсутствие) между преступником и потерпевшим связи бытового, делового, личного характера (члены семьи, соседи, квартиrohозяева и жильцы, бывшие супруги, любовники, сослуживцы, некоторые другие).

В случае сокрытия смерти убитого преступник заботится о том, чтобы правдоподобно объяснить исчезновение потерпевшего, предотвратить обнаружение трупа и установление по нему личности потерпевшего.

Основные способы сокрытия убийств:

1. Уничтожение трупа. Как правило, уничтожают одну голову, чтобы по ней потерпевший не был опознан знавшими его лицами; чаще всего путем сожжения, в отдельных случаях – с применением серной кислоты и негашеной извести.

2. Сокрытие трупа. В зависимости от населенного пункта и характера местности труп зарывают под надворные постройки, в огороде, лесу, бросают в водоем и т. п.

3. Расчленение или изуродование трупа. Если убийство совершается в городе, на квартире преступника, то нередко труп предварительно расчленяют, а затем части прячут или уничтожают. Описанные способы характерны для убийств, совершенных лицами, близко связанными с потерпевшим.

Незнакомый потерпевшему убийца, если убийство совершено не в его доме, обычно не пытается уничтожить или спрятать труп, а старается уничтожить свои следы на месте убийства, которые могут связать его с совершенным преступлением. Если же посторонний преступник совершает убийство у себя дома, куда потерпевший попадает случайно, либо специально завлекается убийцей, то последний обычно перемещает труп в отдаленное от своего жилища место.

В отличие от дел об убийстве с обнаружением трупа расследование дел об убийстве «без трупа» требует другой методики, так как перед следователем возникает ряд новых задач исходя из того, что зачастую на протяжении всего хода следствия нет сведений ни о месте происшествия, ни о местонахождении трупа, ни об обстоятельствах, способе и орудии совершения преступления, а сам факт убийства еще требует установления.

В отличие от других дел об убийствах на первоначальном этапе следствия по изучаемой категории дел производится осмотр или обыск предполагаемого места происшествия (место жительства потерпевшего, место его работы, место жительства подозреваемого).

Задачи осмотра или обыска состоят в обнаружении:

– труп или частей трупа потерпевшего; орудия убийства, его следов, а также следов преступления; одежды и вещей потерпевшего и совместно с ним проживающих, различных документов, относящихся к потерпевшему.

При осмотре или обыске с целью обнаружения трупа (частей) потерпевшего надо иметь в виду, что труп мог быть не спрятан, а расчленен и уничтожен, поэтому искать следует не только труп (его части), но и следы его расчленения и уничтожения, и в первую очередь пятен крови. Поскольку к моменту осмотра или обыска они могут быть уже замытыми или затертыми, необходимо обращать внимание на все подозрительные пятна, даже несхожие с кровью, на свежую побелку части стен, потолка, заново окрашенные участки пола и т. п. Искать пятна крови следует в местах, где они могли остаться незамеченными преступником: на темных предметах, внутренней поверхности матрацев, подушек, обивки мебели, темных обоях, плинтусах, в щелях между половицами или плитками паркета и т. п. При расчленении трупа следы крови и частицы тканей организма могут сохраниться в фильтрах-отстойниках раковин, сочленении сливных труб ванн и унитазов, куда смывалась кровь потерпевшего. Для выявления следов крови используется ультрафиолетовые осветители, средство «ГЕМОФАН».

1. Не зная способа совершения убийства, надо тщательно искать и осматривать все предметы, которые могли быть использованы для убийства и расчленения трупа: огнестрельное оружие, ножи, топоры, пилы, веревки и при обнаружении на них следов (кровь, волосы, следы соскабливания) изымать.

При наличии данных об использовании огнестрельного оружия ищут следы его действия (пробоины, вмятины, отщепки древесины от пуль, следы попадания отдельных дробинок; стреляные гильзы, которые могли закатиться за шкаф, диван и т. п.)

2. При осмотре одежды и обуви исчезнувшего и лиц, совместно с ним проживающих, тщательно осматриваются те части, следы

на которых преступник мог не заметить (изнанка головных уборов, полы верхней одежды, подклады карманов, носки, рант обуви и т. д.).

3. При сожжении ведется поиск неполностью сгоревших волос, костей, зубов (просеивается зола в печах, каминах).

4. В случае, когда подозреваемый утверждает, что исчезнувший уехал из дома навсегда или надолго, могут иметь значение для дела обнаруженные различные мелкие предметы, без которых исчезнувший никогда не появлялся вне дома: очки, часы, кольца, сумочки и т. п., а также личные документы (паспорт, военный билет, трудовая книжка и т. д.)

Для установления данных, относящихся к личности, связям, намерениям исчезнувшего следователь изучает и изымает, кроме личных документов, фотоснимки, почтовую корреспонденцию, записи адресов, телефонов, дневники.

Поиск трупа потерпевшего – также одна из важных задач расследования по этим делам.

При обнаружении трупа исключаются сомнения в смерти исчезнувшего и опровергается версия о пребывании последнего в определенном месте, устанавливается факт насильственной смерти потерпевшего прямыми доказательствами, тем самым место сокрытия трупа часто оказывается изобличающим подозреваемого обстоятельством.

Три основные возможности обнаружения трупа:

1. Активные поиски органами следствия.
2. Добровольный показ места сокрытия трупа преступником.
3. Случайное обнаружение трупа.

При обнаружении трупа потерпевшего надо доказать, что найденный труп – действительно труп разыскиваемого без вести пропавшего человека, даже если труп обнаружен в месте, указанном обвиняемым, не говоря уже о том, когда труп обнаружен случайно, вне связи с этим делом.

По прибытии на место нахождения трупа принимаются меры по обнаружению в одежде и вещах документов, удостоверяющих личность. Если таковые не найдены, а опрос граждан также не

позволил установить личность погибшего, то в ходе осмотра, наряду с общими правилами его проведения, в обязательном порядке осуществляются действия по сбору и фиксации идентификационных признаков и сведений об устанавливаемом.

Проверка тождества личности убитого проводится путем сопоставления примет исчезнувшего и признаков разысканного трупа, что достигается следующими способами: следственное действие опознание или проведение экспертных исследований.

Таким образом, практика расследования уголовных дел об убийствах, по которым трупы потерпевших не обнаружены, показывает, что благодаря четкому планированию, тщательному подходу к сбору доказательств, проявлению нестандартного мышления особо сложные преступления такой категории могут быть раскрыты, а уголовные дела направлены в суд с достаточным объемом доказательств.

Список литературы

1. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации от 16 января 2015 г. № 38/14/5.

2. Организация и тактика раскрытия отдельных видов преступлений : учебное пособие / М. К. Каминский, А. М. Каминский [и др.]. – 2-е изд. – Ижевск, 2017.

3. Курс лекций по криминалистике для бакалавров / под ред. М. К. Каминского, А. М. Каминского. – Ижевск : АНО «ИИКИ», 2015.

4. Раскрытие и расследование отдельных видов убийств. – Ижевск, 2001.

*А. В. Сентябова,
ассистент кафедры теории
и истории государства и права ИПСУБ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА, ПРЕДСТАВЛЕННОГО СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

В российском законодательстве отсутствует правовой механизм получения заключения специалиста, в связи с этим многие ученые и практики дискутируют относительно признания доказательством заключения специалиста. Большинство ученых признают заключение специалиста, ссылаясь на ст. 74 УПК РФ.

Часть 1 ст. 58 УПК РФ устанавливает, что специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Далее в ч. 2 данной статьи сказано, что вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяют ст. 168 и 270 УПК РФ.

Названные статьи УПК РФ определяют компетенцию следователя и судьи (суда) соответственно. О защитнике и тем более подозреваемом или обвиняемом в них ничего не сказано. Безусловно, можно сослаться на аналогию норм уголовно-процессуального законодательства, но на практике подобное не воспринимают ни следователи, ни прокуроры, ни судьи.

В судебной практике встречается следующее: «При рассмотрении уголовных дел в отношении К., Л., С. защитники ходатайствовали о приобщении к материалам дел заключений специалистов. Но суды согласились с возражениями гособвинителей, которые

утверждали, что специалисты не были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения; в деле имеется заключение эксперта, не доверять которому нет оснований; специалист не вправе оспаривать заключение эксперта, поскольку специалист не исследовал вещественные доказательства; заключение специалиста является рецензией на заключение эксперта, что не основано на требованиях уголовно-процессуального законодательства и т. д».

Следовательно, даже не все суды принимают заключение специалиста как доказательство в уголовном судопроизводстве.

Так, В. П. Божьев утверждает, что положение УПК РФ, закрепляющее за заключением и показаниями специалиста статус доказательств, входит в противоречие с требованиями о допустимости доказательств. По сути, автор приравнивает специалиста, высказывающего суждение и предоставляющего по данному вопросу заключение, к лицам, собирающим доказательства [1].

Н. П. Майлис указывает, что с процессуальной стороны заключение специалиста равноценно заключению эксперта, но не будет равноценным их доказательственное значение. Автор полагает, что к следственной или судебной ошибке могут привести действия следователя, если он удовлетворится заключением специалиста без назначения и производства судебной экспертизы [2]. Однако согласно ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, поэтому говорить об их неравноценности некорректно. Заключение специалиста и заключение эксперта являются результатом равных видов познавательной деятельности. В зависимости от сложившейся ситуации помочь суду в принятии обоснованного решения может любое из доказательств.

И. А. Копытов отмечает, что на практике к заключению специалиста относятся, как к чему-то несущественному [3]. К «доказательствам второго сорта» причисляют заключение специалиста З. В. Маркова, Т. П. Ишмаева [4]. По мнению Т. Э. Кукарниковой, заключение специалиста формально является доказательством, фактически же – нет [5].

А. М. Зинин выделяет два вида заключений специалиста: в виде суждения и исследования, причем последнее фактически приравнено к заключению эксперта [6].

В последнее время среди ученых возникла дискуссия о возможности проведения исследования специалистом. Одни ученые считают, что специалист вправе проводить исследования представленных объектов. Так, например, С. И. Земцова, В. В. Зырянов полагают, что в необходимых случаях специалист для дачи заключения может осуществить исследование объектов.

Другие авторы отрицают возможность проведения специалистом исследований, в частности, Е. А. Зайцева утверждает, что исследования не могут быть положены в основу заключения специалиста, иначе размывается грань между заключением специалиста и эксперта. По ее мнению, законодатель наделил специалиста исследовательской функцией для придания значимости письменным консультациям специалиста, чтобы не назначались экспертам «бесплезные» исследования по очевидным фактам, когда ответы на вопросы может дать и специалист без производства исследования [8].

Ряд авторов высказываются неопределенно. Так, Л. В. Зорин говорит, что специалист по возможности не должен проводить исследования [9].

Безусловно, данного рода дискуссии не беспочвенны и обусловлены двусмысленным толкованием норм уголовно-процессуального права. Так, в ч. 1 ст. 58 УПК РФ идет речь об исследовании материалов уголовного дела, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ закреплено, что специалист привлекается для производства исследования документов, предметов, трупов, а в п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ упоминается о заключении специалиста, которое составляется по результатам исследования. По сути, данные положения наделяют специалиста правом проводить исследования, однако в ч. 3 ст. 80 УПК РФ сказано лишь о письменных суждениях.

По инициативе стороны защиты для опровержения доказательств, представленных стороной обвинения, наиболее распространено получение заключения специалиста в уголовном судопро-

изводстве. В соответствии с ч. 1 п. 3 ст. 53, ч. 2.1. ст. 58 УПК РФ защитник имеет право привлекать специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, однако не имеет процессуального инструментария для полноценного его использования. Складывается ситуация, при которой получение заключения специалиста востребовано стороной защиты, в тоже время правовым механизмом его получения наделяется только следователь. При этом, не смотря на законодательное закрепление, заключение специалиста является доказательством, но в судопроизводстве приобщается к материалам дела в качестве «иного документа».

На основании вышеизложенного следует сказать о том, что необходимо законодательно закрепить единые критерии оценки заключения специалиста, его форму и структуру, а также механизм получения заключения специалиста и урегулировать необходимость предупреждения специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Список литературы

1. Божьев В. П. Изменение УПК РФ – не всегда средство его совершенствования // Законность. – 2005. – № 8. – С. 2–6.
2. Майлис Н. П. О соотношении заключений специалиста и эксперта // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики : сб. ст. в 3 ч. Ч. 1. Вопросы уголовного судопроизводства. – М. : Академия управления МВД РФ, 2004. – С. 54.
3. Копытов И. А. Приобщение к делу доказательств, собранных защитником // Уголовный процесс. – 2007. – № 12.
4. Маркова З. В., Ишмаева Т. П. Доказательственное значение заключения эксперта по уголовным делам. Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. – М., 2007. – С. 47–50.
5. Кукарникова Т. Э. Заключение эксперта и заключение специалиста: их соотношение и роль в уголовном процессе // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов (12) / под ред. О. Я. Баева. – Воронеж, 2010. – С. 206–213.

6. Зинин А. М. Особенности регламентации использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 6. – С. 751.

7. Земцова С. И. Использование результатов предварительного исследования в доказывании: проблемы и возможности / С. И. Земцова, В. В. Зырянов // Российский следователь. – 2011. – № 24.

8. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного процесса : монография. – М. : Юрлитинформ, 2010. – С. 156–157.

9. Зорин Л. В. Процессуальные формы деятельности специалиста // Вестник ЮУрГУ. – 2006. – № 13. – С. 84–86.

Д. В. Татьяна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Несомненно, что следственные действия были и останутся основными способами собирания доказательств в стадии предварительного расследования. Однако это не означает, что они должны оставаться неизменными. Научно-технический прогресс изменяет общество, отражаясь на всех сферах деятельности, включая работу органов предварительного расследования. Влияние на порядок проведения следственных действий оказывает цифровизация во всех сферах деятельности от банковских платежей и промышленности до услуг и развлечений. Неизбежно увеличивается количество доказательств, полученных в виде электронных документов. Дальнейшее проникновение современных информационных технологий в уголовное судопроизводство в совокупности с ясно осознаваемой потребностью его модернизации не могут не ставить ряда обособленных вопросов¹⁰⁵.

В то же время большинство следственных действий созданы до появления интернета, что создаёт ряд вопросов к их производству при работе с цифровыми носителями информации. А. С. Александров полагает, что существующая система следственных действий, созданная в эпоху традиционной преступности, для современных условий малопригодна, а потому должна уйти в прошлое. Ей на смену должно прийти универсальное следственное действие –

---

¹⁰⁵ Ищенко П. П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Изд-во: «Байкальский государственный университет», 2022. № 1. С. 32.

получение цифровой информации (машинным способом)¹⁰⁶. Нельзя согласиться с данным предложением. Ибо известно, что специализированное лучше универсального. Следует согласиться с необходимостью введения предлагаемого следственного действия в уголовный процесс в качестве новеллы, но отказаться от установленных УПК РФ и применяемых на практике следственных действий недопустимо. Оно должно в определенных случаях поглотить такие следственные действия, как изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации, контроль и запись переговоров, получение информации между абонентами и (или) абонентскими устройствами, но заменять все или отдельные следственные действия оно не может. Поскольку полностью универсальным это следственное действие всё же назвать невозможно, так как оно не способно заменить ни допрос, ни эксгумацию, ни другие следственные действия. Его универсальность скорее распространяется на случаи, когда необходимо иметь дело с информацией, содержащейся в электронном виде. Предлагаемое следственное действие отвечает реалиям времени, однако его следует рассматривать как «получение информации с электронных устройств и носителей». При этом не важно будет ли это техническое средство принадлежать органам предварительного расследования или стороннему лицу. Важен лишь факт, что интересующая информация зафиксирована в электронном виде.

Получение информации с электронных устройств и носителей следует распространить на все случаи получения электронной информации при производстве иных следственных и процессуальных действий. В частности, получение информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации существуют как оперативно-розыскные мероприятия. Однако при возможности или необходимости получения информации при их проведении следует легализовывать ее через получение информации с электронных

---

¹⁰⁶ Александров А. С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном процессе : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 16–17 марта 2018 г. СПб, 2018. С. 24–34.

устройств и носителей. Указанное следственное действие возможно проводить вместо осмотра предметов, если предметом является электронный носитель, а значение для дела имеет только содержащаяся в нём информация. Следует предлагаемое следственное действие применять и для осмотра страниц в сети интернет.

Разумеется, что не стоит сводить все действия, касающиеся электронной информации к одному. Большое значение приобретает в настоящее время возможность проведения технических экспертиз. Так, П. П. Ищенко отмечает: «...компьютерно-техническая экспертиза, включающая в себя исследование технических средств, программного обеспечения и компьютерных сетей, стала первым и важнейшим специализированным инструментом, позволяющим правосудию «увидеть» виртуальные следы преступления. Таковой она остаётся и сегодня»¹⁰⁷. Поэтому одновременно с получением информации с электронных устройств и носителей следует рассматривать и возможность проведения технических экспертиз получения показаний эксперта. Полагаем, что заключение специалиста не может выступать в качестве доказательства по делам, связанным с цифровыми технологиями, оно должно выступать в качестве рекомендаций по вопросам целесообразности назначения конкретного вида экспертизы и вопросов, которые следует поставить перед экспертом. Специалист может быть допрошен по вопросам его участия в конкретном следственном действии, а также по иным вопросам, связанным со специальными познаниями.

Отдельным дискуссионным вопросом является «размытость» следственного действия при работе с электронной информацией. Так, снятие пароля с устройства при его осмотре или экспертизе имеет признаки обыска. Однако Конституционный суд РФ в определениях № 189-О от 25.01.2018¹⁰⁸ и № 338-О от 28.02.2017 с этим

---

¹⁰⁷ Ищенко П. П. Указ. соч. С. 31–32.

¹⁰⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ № 189-О от 25.01.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

не согласился, указав, что «...как следует из представленных материалов, в ходе осмотра принадлежащего заявителю сотового телефона он сообщил установленный на нем пароль, выразил готовность представить распечатку телефонных соединений с используемого им номера, не возражал против исследования имеющихся в телефоне сообщений и сведений о телефонных соединениях. Таким образом, нет оснований полагать, что оспариваемыми законоположениями были нарушены конституционные права заявителя, перечисленные в жалобе, в его конкретном деле»¹⁰⁹.

Это не единственные случаи «размытости» следственного действия. Отдельные вопросы, решаемые ныне в ходе осмотра с привлечением специалистов, оборудования и программного обеспечения, решались ранее исключительно экспертным путём¹¹⁰. В ходе обыска следователь может получить дополнительную информацию, просто задав вопросы «умному дому» или проверив (даже без специалиста) логин домашней техники. Полагаю, что решением данной проблемы будет использование старого армейского принципа: «если это работает, не трогай его». Дело в том, что определённая «размытость» следственных действий существовала всегда. Даже предусмотренное в законе право следователя демонстрировать в ходе допроса предметы содержит явные элементы опознания. И это далеко не единственный случай «размытости» следственных действий, поэтому не является неправильным распространить подобную практику и на следственные действия с электронной информацией. По сути, можно ввести правило, что доказательства являются полученными в ходе того следственного действия, которое оформлено в протоколе. Ведь по итогу важна только информация, входящая в предмет доказывания и полученная с соблюдением

---

¹⁰⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ № 338-О от 28.02.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁰ Ищенко П. П. Указ. соч. С. 35.

требований, предъявляемых к доказательствам. В связи с этим хотелось бы закончить цитатой профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина: «Правильное и полностью согласуемое с объективной действительностью понимание следственных действий, их существенно-содержательного предназначения, чёткая классификация на обоснованные виды являются залогом социально-целостного использования следственных действий для познания обстоятельств расследуемого и (или) разрешаемого уголовного дела и для успешного выполнения российским уголовным судопроизводством своего предназначения по защите прав и законных интересов граждан России»¹¹¹.

---

¹¹¹ Зинатуллин З. З. Следственные действия: понятие, система и перспективы её развития в условиях перехода в эпоху цифровых технологий // Вестник Удмуртского государственного университета. 2019. Т. 29, вып. 3. С. 390–31.

К. Д. Муратов,

к.ю.н., доцент кафедры

уголовно-процессуального права

*Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»,*

г. Симферополь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СИСТЕМЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ПРОЕКТЫ ДВУХ ЗАКОНОВ)

Выявленные законодательные позиции о продолжающемся совершенствовании норм уголовно-процессуального права в сфере регулирования института вещественных доказательств, во-первых, базируются на правовых позициях Конституционного Суда РФ, во-вторых, разъясняются ведомственными нормативными актами, в-третьих, формулируются под воздействием правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. Авторские предложения о совершенствовании института вещественных доказательств можно представить в виде двух законопроектов.

Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием института вещественных доказательств».

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый 18 декабря 2001 года № 174 в редакции от 7 октября 2022 года № 384-ФЗ следующие изменения: *дополнить* ст. 5 УПК РФ частью 2.1. следующего содержания: «о производстве выемки у субъектов права, в отношении которых сформулирован законодательный запрет допроса в качестве свидетеля в соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ»; *ввести* в ст. 11 «Охрана прав и свобод

человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» УПК РФ часть пятую следующего содержания: «Имущественные права участников уголовного судопроизводства и иных лиц подлежат защите в порядке гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства»; *дополнить УПК РФ новой статьей 11.1 «Судебная защита прав собственника имущества»* следующего содержания: «Судебная защита нарушенных гражданских прав осуществляется в порядке гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства»; *дополнить ч. 2 ст. 29 УК РФ «Полномочия суда» пунктом 13.1* следующего содержания: «о выемке медицинских документов»; *дополнить ч. 2 ст. 29 УК РФ «Полномочия суда» пунктом 13.1* следующего содержания: «о получении личных персональных данных»; *дополнить ч. 2 ст. 29 УПК РФ «Полномочия суда» пунктом 16* следующего содержания: «о выемке аудиторских документов»; *дополнить ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию» пунктом 9* следующего содержания: «Обстоятельства, подтверждающие посягательство на военно-патриотические чувства, социальные и героические заслуги потерпевших физических и юридических лиц на интересы Российской Федерации, на нравственные основы и социальную жизнь общества»; *дополнить УПК РФ новой статьей 73.1 «Обстоятельства, подтверждающиеся вещественными доказательствами»* следующего содержания: «1. Вещественными доказательствами подтверждают наличие или отсутствие события преступления, отсутствие или наличие действия (бездействия), содержащие признаки преступления, судьбу которых разрешает суд в итоговом судебном решении (итоговые вещественные доказательства). 2. Вещественными доказательствами подтверждают наличие или отсутствие сведений о том, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыться от предварительного расследования и суда, может заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожением доказательств или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, судьбу которых разрешает суд в промежуточном судебном решении (про-

межоточные вещественные доказательства). 3. Вещественными доказательствами подтверждают характер и размер вреда, причиненного преступлением, и возможность возместить вред потерпевшим по уголовному делу, решение о которых принимается и в порядке уголовного судопроизводства, и в порядке гражданского судопроизводства (межотраслевые вещественные доказательства); *внести* в ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства» новую часть 2.1. следующего содержания: «Предметы, указанные в части первой настоящей статьи, принадлежащие юридическим лицам, признаются вещественными доказательствами по решению суда»; *изменить редакцию* в ч. 1 ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства» после слов «...любые предметы» дополнить «и имущество»; *изменить редакцию* в ч. 1 ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства», включив новый пункт 3.1 следующего содержания: «предметы, документы и имущество, которые опровергают обвинение, смягчают правовую квалификацию или доказывают иной вид ответственности»; *изменить редакцию* в ч. 1 ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства», включив новый пункт 3.2 следующего содержания: «имущество обвиняемого или иных лиц, которое может быть направлено на возмещение ущерба и заглаживание вреда потерпевшим вещественными доказательствами»; *внести* в ч. 1 ст. 81 УПК РФ «Вещественные доказательства» п. 4 следующего содержания: «военно-патриотические вещественные доказательства – документы, ордена, медали, награды, символы государственности, свидетельствующие о покушении на военно-патриотические чувства граждан России, на интересы Российской Федерации, на нравственные основы и социальную жизнь общества»; *внести* новую часть пятую ст. 81.1 УПК РФ «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам в преступлениях в сфере экономики» следующего содержания: «Участие защитника при производстве выемки электронных носителей информации обязательно. Применение видеозаписи или киносъемки в ходе выемки электронный информации на электронных носителях обязательно. Информирование о действиях по выемке

электронных носителей информации Уполномоченного по защите прав предпринимателей в соответствии с ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ» обязательно»; *дополнить УПК РФ новой статьей 84.1 «Компьютерная информация»* следующего содержания: «Сведения, полученные в форме электронной информации и сохраненные на электронных носителях информации или распространенные посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») и отвечающие положениям Примечания № 1 к статье 272 Уголовного кодекса РФ»; *дополнить УПК РФ новой статьей 84.2 «Процессуальный порядок приобщения к делу компьютерной информации»* следующего содержания: «1. Приобщению в качестве вещественных доказательств полученной компьютерной информации подлежат сведения о неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации, размещенные в информационно-телеком-муникационных сетях (включая сеть «Интернет»). 2. Приобщению в качестве вещественных доказательств полученной компьютерной информации подлежат вредоносные компьютерные программы, предназначенные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации, в том числе для неправомерного воздействия на критическую информационную среду Российской Федерации. 3. Следователь проводит следственные действия, направленные на получение компьютерной информации, посредством осмотра, выемки, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, контроле и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами или устройствами. 4. После составления протокола следственного действия составляется Протокол о получении компьютерной информации. Затем следователь составляет Постановление о приобщении данной информации в качестве электронных вещественных доказательств. 5. Копирование компьютерной информации осуществляется в соответствии с ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ»; *дополнить УПК РФ новой статьей 93.1 «Персональное вещественное доказательство»* – любые персональные сведения о физическом лице: 1) изображение лица;

2) персональные данные; 3) медицинские данные; 4) биологические (геномные) данные; 4) генетические данные; 5) семейные данные; 6) финансово-экономические данные; 7) психолого-психиатрические данные; 8) репродуктивные данные; 9) характерологические данные, облеченные в установленную законом процессуальную форму»; *внести* в УПК РФ новую статью 115.2 «Порядок наложения ареста на вещественные доказательства»: 1. Предметы, документы и иное имущество, указанное в п. 1 ч. 3 ст. 81 настоящего Кодекса подлежат аресту в порядке ст. 115 УПК РФ; 2. Деньги, ценности и иное имущество, подлежащие конфискации в порядке пп. «а», «б», «в» ч. 1 ст. 104.1 УПК РФ, признанные вещественными доказательствами, подлежат аресту в порядке ст. 115 УПК РФ. 3. Деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу по судебному решению; *внести* в ст. 159 УПК РФ «Обязательность рассмотрения ходатайств» новую часть 2.3 следующего содержания: «Лицам, указанным в ч. 2 настоящей статьи, не может быть отказано в приобщении в качестве вещественных доказательств, если предметы документы и имущество необходимы для формирования правовой позиции сторон о доказывании обстоятельств, значимых для дела, или создают условия для возмещения вреда потерпевшим»; *внести* в ст. 160.1 УПК РФ «Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий» новый пункт 3 следующего содержания: «Если имеются сведения, что предметы, документы, ценности и иное имущество являются объектами гражданско-правового спора и их судьба разрешается в порядке гражданского, административного или арбитражного судопроизводства, следователь, дознаватель вносят запрос в судебные органы о предоставлении сведений о процессуальном статусе объектов гражданских прав»; *дополнить* ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий» новой частью 9 следующего содержания: «При производстве следственных действий необходимо учитывать научно обоснованные достижения (научные мнения)

признанных ученых и практиков – специалистов области уголовного процесса, уголовного права, международного права и криминалистики»; *дополнить ст. 220 УПК РФ «Обвинительное заключение» новым пунктом 10 следующего содержания:* «перечень вещественных доказательств, представленных стороной защиты и стороной обвинения»; *дополнить ст. 225 УПК РФ «Обвинительный акт» новым пунктом 7 следующего содержания:* «перечень вещественных доказательств, представленных стороной защиты и стороной обвинения»; *дополнить ст. 226.7 УПК РФ «Окончание дознания в сокращенной форме» новой частью 1.1. следующего содержания:* «перечень вещественных доказательств, представленных стороной защиты и стороной обвинения».

Статья 2. Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый 13 июня 1996 года № 63-ФЗ в редакции от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ следующие изменения: *дополнить новой статьей 104.3 УК РФ «Конфискация вещественных доказательств»:* 1. Криминальные вещественные доказательства в виде орудий, оборудования или иных средств, предназначенных для совершения преступления или для достижения преступного результата, находящиеся в собственности обвиняемого, подлежат конфискации и уничтожению. 2. Криминальные вещественные доказательства в виде орудий, оборудования или иных средств совершения преступления или для достижения преступного результата, предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, подлежат конфискации независимо от их юридической принадлежности. 3. Межотраслевые вещественные доказательства в виде имущества, денег, ценностей, принадлежащие не только обвиняемому, но иным лицам, решение о которых принимается и в порядке уголовного судопроизводства, и в порядке гражданского судопроизводства, конфискуется в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ; *дополнить новой статьей 294.1 УК РФ «Неправомерные действия в отношении предметов, документов и иного имущества, признанных вещественными доказательствами» сле-*

дующего содержания: 1. Неправомерные действия в отношении вещественных доказательств, вызывшиеся в хищении, уничтожении, изменении существенных характеристик, предметов и документов, признанных вещественными доказательствами, а также неправомерном распоряжении или обращении с арестованным имуществом, признанным вещественным доказательством в уголовном, административном, гражданском и арбитражном судопроизводствах, в пользу других лиц, причинив ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества – наказывается штрафом в размере до двухсот пятидесяти тысяч рублей либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы до двух лет. 2. Неправомерные действия в отношении вещественных доказательств, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные: а) группой лиц по предварительному сговору; б) с незаконным проникновением в хранилище или территорию, где хранятся вещественные доказательства; в) с причинением имущественного вреда собственнику или законному владельцу вещественных доказательств; г) с утратой доказательственного значения предметов, документов и иного имущества, исключающих их значения как сведений в процессе доказывания – наказывается штрафом от двухсот пятидесяти тысяч рублей до пятисот тысяч рублей либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы до пяти лет».

Проект Федерального закона РФ «Об обращении вещественных доказательств по уголовным делами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Статья 1. Цель настоящего Федерального закона:

Целью настоящего закона является оптимальное и эффективное применение различных видов вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве, в том числе для правильного применения системы норм права о вещественных доказательствах в административном, гражданском и арбитражном судопроизводствах.

Статья 2. Предмет настоящего Федерального закона:

1. Настоящий Федеральный закон регулирует отношения в области обращения вещественных доказательств по уголовным делам.

2. Отношения, связанные с хранением, реализацией, уничтожением, утилизацией, конфискацией, арестом и возвращением законному владельцу, передачей безвозмездно для содержания и разведения (животных), копированием электронной информации, регулируются уголовно-процессуальным законодательством и системой нормативных актов.

Статья 3. Полномочия органов государственной власти и отдельных учреждений и ведомств в сфере обращения вещественных доказательств по уголовным делам. К полномочиям органов государственной власти и отдельных учреждений и ведомств в сфере обращения вещественных доказательств по уголовным делам относятся: 1) разработка единых правил обращения вещественных доказательств по уголовным делам; 2) определение и утверждение требований к порядку обращения вещественных доказательств по уголовным делам; 3) утверждение сроков, ответственных лиц и правила безопасности в сфере обращения вещественных доказательств по уголовным делам; 4) утверждение перечня запретов и возможных нарушений при осуществлении хранения, реализации, уничтожения, утилизации, конфискации, возвращения законному владельцу, передачи безвозмездно для содержания и разведения (животных), копирования электронной информации; 5) иные полномочия по обеспечению законности порядка обращения вещественных доказательств по уголовным делам.

Статья 2. Основные понятия, применяемые при обращении вещественных доказательств по уголовным делам. Для целей определения видов и классификационных групп вещественных доказательств применяются следующие основные понятия: *вещественные доказательства в уголовном процессе* – это многофункциональный и межотраслевой институт уголовно-процессуального права, характеризующийся совокупностью общественных отношений в сфере уголовно-процессуальных и следственных действий в условиях межотраслевых связей, по выявлению, фиксации и приобщению

предметов, документов, ценностей и имущества при расследовании преступлений, а также при обосновании судебных выводов о судьбе вещественных доказательств; *международные вещественные доказательства* – это предметы, документы, электронные сведения о событиях, полученные в порядке оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам на основе международных правовых актов, *военно-патриотические вещественные доказательства* – документы, ордена, медали, награды, символы государственности, свидетельствующие о покушении на военно-патриотические чувства граждан России, на интересы Российской Федерации, на нравственные основы и социальную жизнь общества; *криминальные вещественные доказательства* – предметы, оборудование – орудия как средства совершения преступления, которые сохранили на себе следы преступления или обеспечили выявление признаков преступления, события преступления, способа совершения преступления; *экспертно-криминалистические* – экспериментальные и свободные образцы вещественных доказательств, обеспечивающих выявление и идентификацию материальных и электронных следов преступления и его последствий; *финансово-экономические вещественные доказательства* – письменные и электронные документы, деньги, ценности и иное имущество обвиняемого или иных лиц, которое может быть направлено на возмещение ущерба и заглаживание вреда потерпевшим вещественными доказательствами; *биологические следы и материалы* – выделения человека, животного в виде крови, геномного материала, слюны, спермы, пота, волос, которые используются для раскрытия и расследования преступлений; *официальные документы* – документы, созданные юридическими или физическими лицами, оформленные и удостоверенные в установленном порядке, обеспечивающие достоверность сведений по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, должностным и коррупционным преступлениям; *электронные вещественные доказательства* – компьютерная информация и электронные сведения, полученные в форме электронной информации и сохраненные на электронных носителях информации, или распространенные посредством

информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») и отвечающие положениям Примечания № 1 к статье 272 Уголовного кодекса РФ»; *животные как вещественные доказательства* – животные, физическое состояние которых не позволяет вернуть их в среду обитания, и которых необходимо различать как «животное – жертва преступления» и как «животное-агрессор», решение о судьбе которых принимают в соответствии с действующим законодательством и в случае, если агрессивное животное представляет опасность, и других вариантов спасти жизнь и здоровье человека, уничтожается; *древесина и полученный пило-лесоматериал* – предметы экологической системы из спиленных, срубленных деревьев на лесных участках, имеющие имущественную стоимость в соответствии с правоотношениями регулируемые Лесным кодексом РФ; *итоговые вещественные доказательства* – сведения, содержащиеся на материальных или электронных носителях, подтверждающие отсутствие или наличие действия (бездействия), содержащие признаки преступления, наличие или отсутствие события преступления, судьбу которых разрешает суд в итоговом судебном решении; *промежуточные вещественные доказательства* – сведения, содержащиеся на материальных или электронных носителях, подтверждающие наличие или отсутствие достаточных данных о том, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыться от предварительного расследования и суда, может заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства уничтожением доказательств или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, судьбу которых разрешает суд в промежуточном судебном решении; *межотраслевые вещественные доказательства* – сведения, содержащиеся на материальных или электронных носителях, подтверждающие характер и размер вреда, причиненного преступлением, и возможность возместить вред потерпевшим по уголовному делу, решение о которых принимается и в порядке уголовного судопроизводства, и в порядке гражданского, арбитражного, административного судопроизводства.

Статья 5. Хранение вещественных доказательств по уголовным делам. Реализация правоотношений между субъектами права при организации хранения, реализации, уничтожения, утилизации, конфискации, ареста и возвращения вещественных доказательств законному владельцу, передачи безвозмездно для содержания и разведения (животных), копирования электронной информации регулируется Постановлениями Правительства Российской Федерации и системой ведомственных нормативных актов.

Статья 6. Право собственности на вещественные доказательства по уголовным делам:

1. Законными владельцами и собственниками вещественных доказательств по уголовным делам могут быть физические и юридические лица.

2. Споры о принадлежности вещественных доказательств могут быть разрешены в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Статья 7. Конфискация вещественных доказательств по уголовным делам:

1. Вещественные доказательства в виде орудий, оборудования или иных средств, предназначенных для совершения преступления или для достижения преступного результата, находящиеся в собственности обвиняемого, подлежат конфискации и уничтожению.

2. Вещественные доказательства в виде орудий, оборудования или иных средств совершения преступления или для достижения преступного результата, предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, подлежат конфискации независимо от их юридической принадлежности.

3. Вещественные доказательства в виде денег, ценностей и иного имущества, принадлежащие не только обвиняемому, но и иным лицам, решение о которых принимается и в порядке уголовного судопроизводства, и в порядке гражданского судопроизводства, конфискуется в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Статья 9. Ответственность за нарушение законодательства и нормативных правовых актов об обращении вещественных доказательств по уголовным делам.

За нарушение законодательства в сфере обращения вещественных доказательств по уголовным делам устанавливается ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Статья 10. О внесении изменений и дополнений в Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Внести в Арбитражно-процессуальный кодекс РФ новую статью 70.1 «Разрешение судом вопросов о вещественных доказательствах, оборот которых осуществляется по другим делам, рассматриваемым в рамках уголовного, гражданского, административного судопроизводства или при производстве по делам об административных правонарушениях» следующего содержания: «Суд при разрешении правового спора и рассмотрении вопросов о дальнейшей судьбе вещественных доказательств применяет систему норм права в соответствии со ст. 168 АПК РФ, ст. 74–76 ГПК РФ, ст. 178 КАС РФ, ч. 3. ст. 29.10 КоАП РФ и ст. 82 УПК РФ».

Статья 11. О внесении изменений и дополнений в Гражданско-процессуальный кодекс РФ.

Внести в Гражданско-процессуальный кодекс РФ новую статью 76.1 «Разрешение судом вопросов о вещественных доказательствах, оборот которых осуществляется по другим делам, рассматриваемым в рамках уголовного, арбитражного, административного судопроизводства или при производстве по делам об административных правонарушениях» следующего содержания: «Суд при разрешении правового спора и рассмотрении вопросов о дальнейшей судьбе вещественных доказательств применяет систему норм права в соответствии со ст. 74–76 ГПК РФ, ст. 168 АПК РФ, ст. 178 КАС РФ, ч. 3. ст. 29.10 КоАП РФ и ст. 82 УПК РФ».

Статья 12. О внесении изменений и дополнений в Кодекс административного судопроизводства РФ.

Внести в Кодекс административного судопроизводства РФ новую статью 75.1 «Разрешение судом вопросов о вещественных доказательствах, оборот которых осуществляется по другим делам, рассматриваемым в рамках уголовного, арбитражного, гражданского судопроизводства или при производстве по делам об административных правонарушениях» следующего содержания: «Суд при разрешении правового спора и рассмотрении вопросов о дальнейшей судьбе вещественных доказательств применяет систему норм права в соответствии со ст. 178 КАС РФ, ст. 74–76 ГПК РФ, ст. 168 АПК РФ, и ст. 82 УПК РФ. Установленный ранее судом вопрос о разрешении судьбы вещественных доказательств в рамках уголовного, арбитражного, гражданского судопроизводства или при производстве по делам об административных правонарушениях учитывается при вынесении решения».

Статья 13. О внесении изменений и дополнений в Кодекс РФ об административных правонарушениях.

Внести в Кодекс РФ об административных правонарушениях новую часть 3.1 ст. 29.10 следующего содержания: «Суд при разрешении правового спора и рассмотрении вопросов о дальнейшей судьбе вещественных доказательств применяет систему норм права в соответствии со ст. 178 КАС РФ, ст. 74–76 ГПК РФ, ст. 168 АПК РФ, ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ и ст. 82 УПК РФ. Установленный ранее судом вопрос о разрешении судьбы вещественных доказательств в рамках уголовного, арбитражного, административного или гражданского судопроизводства учитывается при вынесении постановления».

Статья 14. Вступление в силу настоящего Федерального закона.

Г. А. Решетникова,

к.ю.н., доцент кафедры

уголовного права и криминологии ИПСУБ

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ

Исследование заявленного в названии статьи вопроса основано на той посылке, что кроме конкретных правоотношений существуют общие или общерегулятивные правовые отношения, где отсутствует индивидуализированная юридическая связь между субъектами. Н. Н. Вопленко пишет: «Особенность общерегулятивных правовых отношений состоит в том, что они возникают преимущественно на основе норм конституционного права и правоустановительных норм гражданского, уголовного и иных отраслей права, выражают абсолютный характер взаимоотношений конкретного субъекта со всеми другими потенциальными субъектами и образуют не конкретную связь, а особое состояние длящейся зависимости» [1, с. 86]. Иначе, непрерывного правового взаимодействия [1, с. 86]. Н. И. Матузов называет следующие их признаки: 1) возникают в основном на основе норм Конституции и других нормативно-правовых актов подобного уровня и значения; 2) носят общий, а не строго индивидуализированный и детализированный характер; 3) являются постоянными или продолжительными – их длительность такая же, как и длительность действия самого закона; 4) опосредуют наиболее важные, основополагающие, относительно стабильные отношения; 5) выражают общие правовые положения (статус) субъектов, их взаимные права и обязанности, свободу и ответственность друг перед другом и перед государством, и в этом смысле их можно назвать статутными; 6) возникают не из тех или иных юридических фактов, а, как правило, непосредственно из закона, а именно тех обстоятельств, которые привели к его изданию; 7) являясь исход-

ными, первичными (базовыми), служат предпосылкой для появления и функционирования разнообразных, конкретных, частноотраслевых правоотношений [2, с. 137].

В научной среде выделение общих (общерегулятивных) уголовно-правовых отношений приветствуется не всеми учеными. Рассматривать все аргументы «за» и «против» нет необходимости ввиду их неоднократного анализа в литературе [3, с. 19–22; 4, с. 50–52; 5, с. 536, 537].

Со своей стороны считаем, что одним из убедительных аргументов «за» существование общих (общерегулятивных) уголовно-правовых отношений являются положения ст. 2 УК РФ, где речь идет, прежде всего, не о лице, совершившем преступление или о потерпевшем, а о личности, обществе и государстве, об уголовно-правовой охране их интересов, об обеспечении их безопасности.

В науке уголовного права не принято проводить различий между субъектом уголовного права и субъектом уголовно-правовых отношений по вполне объяснимым причинам – ввиду традиционного представления об уголовно-правовых отношениях, вытекающих из уголовно-правового запрета или отношений уголовной ответственности. Прямым следствием этого является неопределенность в содержании их прав, обязанностей и интересов. Но противопоставлять данные понятия тоже нельзя. Субъект уголовного права, являясь участником конкретных правоотношений, вытекающих из отношений уголовно-правового запрета или отношений уголовной ответственности, при реализации своих прав и обязанностей приобретает новые свойства, не утрачивая своих прежних качеств, которыми обладал до вступления в них.

Н. В. Шигина, исследуя вопросы отличий субъектов уголовного права от субъектов уголовно-правовых отношений, приходит к выводу, что с точки зрения сущности уголовного права связи между индивидом (личностью), обществом и государством являются сложными, и они выступают в них в различных субъектных качествах. Помимо собственно уголовно-правовых отношений (в том их значении, которое является наиболее распространенным), права и

обязанности субъектов уголовного права могут быть реализованы в уголовно-правовых отношениях иного порядка. Она определяет их как политико-правовые отношения между личностью, обществом и государством. Есть у них и собственное содержание. В уголовно-политическом смысле, по мнению Н. В. Шигиной, государство использует право устанавливать обращенные к индивиду запреты в жизненно важных интересах личности, общества и самого себя (безопасности в широком смысле). Индивид обязан им следовать, в противном случае – нести ответственность за несоблюдение этой обязанности. Одновременно с этим государство обязано гарантировать безопасность личности и общества ненарушением политических границ. Этой обязанности противостоит право индивида требовать от государства соблюдения пределов его репрессивной власти [6, с. 424]. Таким образом, под субъектами уголовного права Н. В. Шигина понимает «...личность, общество и государство, политическое общение между которыми в сфере уголовного права ограничивается интересами регулирования, обеспечения или охраны жизненно важных интересов – необходимых и достаточных условий их существования» [6, с. 429].

Не возражая против названного определения субъектов уголовного права по существу, тем не менее, полагаем, что в подходе, использованном Н. В. Шигиной, прямо не обозначены еще два существенных признака, характеризующих социально-политическое значение и роль общего (общерегулятивного) уголовно-правового отношения. Это – его объект и предмет. По этому поводу Г. Ф. Шершеневич писал: «Объект права следует искать в благах, обеспечиваемых правом, как цели, а не в установленном поведении, как средстве» [7, с. 590]. Из этой мысли следует, что объект правоотношения для всех участников отношений является общим. Таким благом является безопасность.

Наиболее распространенной точкой зрения об общем смысле феномена «безопасность» является ее понятие как «состояние защищенности». Несмотря на имеющуюся в науке критику по поводу такого понятия, поиск какого-то иного, более ёмкого (вместитель-

ного), словосочетания весьма затруднительный. Во-первых, термин «состояние» как общеметодологическая категория отражает специфическую форму реализации бытия, фиксирует момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях. Оно свойственно всем объектам, системам, явлениям, процессам. Любое изучение чего-либо нужно начинать с выделения его состояний или состояния [8, с. 888]. Следовательно, состояние защищенности личности может быть установлено из анализа действующего уголовного законодательства и его изменений (его состояния). Во-вторых, слово «безопасность» образовано с помощью приставки «без», присоединенной к существительному «опасность». Приставочный способ словообразования заключается в том, что приставка присоединяется не к основе, а к существующему слову. Поэтому для выяснения сути феномена «безопасность» первичное значение слова требует уяснения слова «опасность». Слова «опасность», «спасать», «запас» произошли от глагола «пасти», имевшего значение «сторожить» и «защищать». Глагол «защищать» («защитить») образован от названия предмета «щит» [8, с. 888]. В этой связи формулировка «состояние защищенности» кратко и ясно выражает основную суть феномена «безопасность», но не состояния защищенности вообще, а объектов (субъектов) безопасности, в рассматриваемом случае – личности.

И. В. Мухин не согласен с таким определением объекта безопасности. Он считает, что, игнорируя принцип гуманизма в качестве объекта безопасности, выделен не живой из плоти и крови человек, а социально-психологический абстракт [9, с. 691]. С этим трудно согласиться.

Различие явлений «человек» и «личность» заключается в том, что последнее явление отображает лишь социальную природу человека, тогда как первое явление состоит из единства биологического и социального компонентов. Как отвлеченное научное понятие явление «личность» призвано показать отделение человека от природы, опосредованность личности конкретно-историческим типом

общественных отношений [10, с. 12]. Разумеется, биологические предпосылки для становления человека имеют немаловажное значение, но их будущее развитие все же определяется социальными факторами, приобретая черты необходимого соответствия социальным потребностям. Биологическое существование человека осуществляется на основе его общественного бытия, следовательно, оно не может быть вне организованных (коллективных) форм общественной жизни. А. Г. Бережнов пишет: «Хотя природную основу человека составляют его биологические особенности, все же определяющими факторами человека являются не его природные качества, а социально значимые свойства, совокупность которых образует понятие личности. И если деятельность вообще атрибут человека как представителя рода, то особый вид деятельности характеризует человека как представителя конкретно-исторической социальной общности, в силу чего он предстает в качестве личности. Общественное содержание человека с его трудовыми способностями и социальными потребностями – это новое свойство, неизвестное остальной природе» [10, с. 12].

В классической социологии человек, схваченный через концепт личности, понимался как воплощение социально значимых черт, связей и отношений конкретного общества и входящих в него образований [11, с. 211]. В. Л. Абушенко отмечает, что личность рассматривалась прежде всего как «продукт» того или иного общества, то есть индивид, в большей или меньшей степени усвоивший социокультурные нормы и образцы поведения и стереотипы сознания своей социокультурной среды и действующий сообразно им в соответствии с ожиданиями окружающих его индивидов и требованиями социальных институций. Социализированный индивид всегда остается самотождественным самому себе в социальных взаимодействиях и характеризуется набором усвоенных характеристик, необходимых для осуществления социальной жизни: сформированностью «я», вменяемостью, рациональностью, компетентностью и т. д. [11, с. 212].

Таким образом, «личность» – это социально-политическое бытие человека, абстрактная социально-политическая конструкция, с помощью которой реализуются интересы человека как социального и политического субъекта.

Как объект уголовно-правового отношения безопасность определяется осознанными интересами его участников, то есть интересы участников являются предметом уголовно-правового отношения.

В общественных науках термин «интерес» не имеет своего однозначного определения, однако является одним из самых распространенных терминов. Примечательно, что ученые, использующие этот термин в своих трудах, не всегда дают его определение, считая «интерес» интуитивно понятным явлением, не требующим отдельного (специального) разъяснения. Работы, в которых это явление непосредственно исследуется, показывают, что «интерес», помимо потребности либо объективных или (и) субъективных моментов, определяется через понятия выгоды, блага.

Если определять интерес через понятия выгоды или блага, то, по справедливому мнению А. Г. Малиновой, нужно использовать понятие «благополучие» [12, с. 40]. Исходя из дальнейших рассуждений этого автора, мы полагаем, что все же – социальное благополучие, поскольку, с одной стороны, в нем отражается момент совпадения для конкретного субъекта обретенного им блага и удовлетворения за счет этого имеющихся у него потребностей. С другой стороны, благополучие включает в себя не только индивидуальные, но и социально предпочтительные характеристики достойного существования [12, с. 40] во всех ключевых сферах жизнедеятельности человека и общества: экономической, социальной, политико-правовой и культурно-духовной. «Жизненным проявлением нормы, – писал Н. С. Таганцев, – может быть лишь то, что дает ей содержание, служит ей оправданием – это интерес жизни, интерес человеческого общежития, употребляя это выражение в широком собирательном значении всего того, что обуславливает бытие и преуспевание отдельного лица, общества, государства и всего человечества в

их физической, умственной и нравственной сферах. ...Обращая интерес жизни в правовое благо, право не только признает бытие этого интереса, не только дает ему охрану и защиту, но и видоизменяет его в объеме, форме, иногда даже в содержании, сглаживая его частный, индивидуальный характер и придавая ему социальное, общественное значение» [13].

Благополучие социального субъекта (личности, общества, государства) зависит от конкретных внутренних и внешних обстоятельств, обусловлено ими, то есть интересы социального субъекта – суть этой обусловленности и с этой точки зрения выступают в качестве условий его благополучия. По меткому выражению русского правоведа Ф. В. Тарановского, именно «жизненные условия общества, обеспечение которых составляет цель права, это не что иное, как интересы общие и индивидуальные» [14, с. 107]. «Интересы» в праве не являются придуманным законодателем явлением, интересы субъектов социального взаимодействия изначально лежат в основе формирования правовых институтов, и их учет составляет основополагающую сторону юриспруденции. «Относя к цели права обеспечение интересов, – писал В. Ф. Тарановский, – мы открываем широкую возможность наполнять формальное понятие интереса самым разнообразным содержанием, подлежащим изменению в условиях общего культурного развития» [14, с. 111]. Следовательно, интересы в праве – это условия социального благополучия субъектов политико-правового взаимодействия и общения, их реализация – это цель правового регулирования.

«Интересы» в праве – это общее понятие, включающее в свой состав все виды интересов, реализация которых может быть опосредована в сфере правового регулирования. Сюда входят и те интересы, реализация которых лишь подразумевается законодателем, и те, на необходимость учета, защиты и обеспечения которых прямо указывается в законодательстве [12, с. 46, 47]. Не все интересы, вследствие их многообразия, «поименно» могут найти свою формальную конкретизацию. Могут изменяться и обстоятельства жизни людей, поэтому «использование понятия «интересы» в

нормах права способствует преодолению того «зазора», который неизбежно образуется между нормами позитивного права и конкретными жизненными обстоятельствами [12, с. 47].

Таким образом, совокупность правовых норм (право) и правовые отношения выполняют лишь служебную функцию, создавая (обеспечивая) условия для социального благополучия субъектов социально-политического и правового взаимодействия, для реализации их потребностей прежде всего в безопасности.

Жизненно важные интересы личности как субъекта уголовного права (объекта безопасности) находят выражение в нормах Особенной части уголовного закона в разд. VII УК РФ. Система Особенной части уголовного закона является следствием законодательного оформления правовых отношений между личностью, обществом и государством, благодаря которой эти отношения становятся правовой реальностью. В ней проявляется обязанность государства перед другими субъектами уголовного права обеспечить достаточную их защищенность [15, с. 10, 11].

В ч. 1 ст. 2 УК РФ законодатель формулирует внешнюю направленность уголовного права, устанавливая два направления этого воздействия: охрану и предупреждение. Для осуществления этих задач действующим УК устанавливаются основание и принципы уголовной ответственности, определяются, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, и устанавливаются виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

А. Э. Жалинский отмечает, что способы осуществления задач, названных в ч. 1 данной статьи, можно рассматривать не только как внешние, но и как специфические внутренние задачи уголовного права. Он пишет: «...этим подчеркивается то обстоятельство, что нормы уголовного закона рассчитаны как внутренние – на законодателя и на правоприменителя, а как внешние – прежде всего на лиц, которым запрещено определенное поведение. Именно внешние задачи более изменчивы и в большей степени связаны с воздействием на социальную среду. При этом внутренние задачи в первую

очередь и отражают специфику уголовного права» [16, с. 62]. Из сказанного несоответствие уголовно-правовых средств является ничем иным, как угрозами (внутренними и внешними) безопасности субъектов уголовного права, то есть совокупностью условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба их интересам. В рассмотренном нами случае – безопасности личности.

Список литературы

1. Вопленко Н. Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник ВолГУ. – 2004. – Сер. 5., вып. 6.
2. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003.
3. Васильченко А. Общерегулятивные (общие) уголовно-правовые отношения // Уголовное право. – 2005. – № 4.
4. Ляпунов Ю. Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. – 2005. – № 1.
5. Решетникова Г. А. Об объекте уголовно-правовой охраны в науке уголовного права // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2019. – Т. 29, вып. 4.
6. Шигина Н. В. Субъекты уголовного права и уголовно-правовых отношений // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1.
7. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – М., 1910–1912. – Вып. 1–4.
8. Решетникова Г. А. Политико-философская концепция безопасности // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2020. – Т. 30, вып. 6.
9. Цит. по: Решетникова Г. А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое и правовое значение // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2021. – Т. 31, вып. 4.
10. Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. – М. : Изд-во МГУ, 1991.

11. Абушенко В. Л. Пресуппозиции изучения личности в классической социологии // Социологический альманах. – 2014. – № 5.
12. Малинова А. Г. Интерес как правовая категория, его специфика в семейном праве : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2002.
13. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. – URL: file:///C:/Users/QWER/Downloads/1tagantsev_n_s_russkoe_ugolovnoe_pravo_lektsii.pdf
14. Тарановский Ф. К. Энциклопедия права. 3-е изд. – СПб., 2001.
15. Иглин А. В. Личность как субъект уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2008.
16. Жалинский А. Э. Избранные труды. В 4 т. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

С. Ю. Туров,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРИ РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Исполнение требований следователя, руководителя следственного органа при проверке сообщения о преступлении, проведении предварительного расследования является обязательным. Однако в связи с отсутствием в законе указания на обязательность начальника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, представлять по требованию следователя, руководителя следственного органа оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета и материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий, следователь и руководитель следственного органа оказались лишенными возможности проверить полноту и качество исполнения поручений. В условиях, когда проверить представленную оперативными службами информацию следственным путем в условиях дефицита времени зачастую не представляется возможным, следователь, руководитель следственного органа вынуждены полагаться исключительно на добросовестность должностных лиц оперативных подразделений. Они попадают в прямую зависимость от должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, что ограничивает их в возможности по собиранию доказательств и правильной их оценки. Вместе с тем несвоевременное проведение следственных действий, проверочных мероприятий приводит к уничтожению следов

преступления, утрате доказательств, способствует сокрытию лица, совершившего преступление, и имущества, нажитого преступным путем.

В сложившейся ситуации следователь, руководитель следственного органа незащищены и от недобросовестных сотрудников оперативно-розыскных подразделений, предоставляющих заведомо ложные сведения о результатах проведенных оперативно-розыскных мероприятий. Не изжиты факты, когда действия сотрудников этих служб не соответствуют целям уголовного судопроизводства.

Так, оперуполномоченный отделения по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции ОВД по Индустриальному району г. Ижевска Удмуртской Республики Ф. в целях искусственного улучшения показателей оперативной работы, явно превышая свои служебные полномочия, сфальсифицировал материалы проверки о совершении А. административного правонарушения и склонил его к инсценировке дачи взятки оперуполномоченному того же отдела П. за непривлечение к ответственности. Затем П. составил рапорт о даче ему А. взятки, который Ф. зарегистрировал в книге учета сообщений о преступлениях и, в соответствии с требованиями п. 3 ч. 1 ст. 145, ст. 151 УПК РФ, направил по подследственности для решения вопроса о привлечении А. к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 291 УК РФ. Однако следователь собрал доказательства, указывающие на инсценировку Ф. преступления, и прекратить в отношении А. уголовное преследование. Собранные доказательства послужили основанием для возбуждения уголовного дела в отношении Ф. Суд признал его виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286 УК РФ и ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 292 УК РФ. Это яркий пример того, насколько важно следователю и руководителю следственного органа иметь возможность ознакомления с оперативно-розыскными материалами, служащими поводом для возбуждения уголовного дела. И таких примеров, к сожалению, не мало.

Значимой в деятельности следственных органов является работа по раскрытию преступлений прошлых лет. Но она не может

быть эффективной при отсутствии возможности следователя, руководителя следственного органа ознакомиться с делом оперативного учета по преступлению, предварительное следствие по уголовному делу о котором приостановлено.

Координатором взаимодействия между правоохранительными органами выступает прокурор (ст. 1, 29, 30 Федерального закона от 7 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»)). Он наделен широким спектром полномочий по обеспечению законности в различных сферах.

В силу ст. 29, 30 ФЗ «О прокуратуре РФ» предметом прокурорского надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами. Указания Генпрокурора РФ по вопросам дознания, не требующим законодательного регулирования, являются обязательными для исполнения.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» руководители органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по требованию прокурора представляют ему оперативно-служебные документы, включающие дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Согласно подп. «б» п. 5 приказа Генеральной прокуратура РФ от 15 февраля 2011 года № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» на прокурора возлагается обязанность проводить проверки исполнения законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по результатам изучения материалов уголовных дел о нераскрытых преступлениях или при поступлении информации о ненадлежащем исполнении поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания по уголовным делам и материалам проверки сообщения о преступлении или решения суда по уголовным делам, находящимся в их производстве.

К сожалению, в приказе не установлены срок проверки прокурором информации о ненадлежащем исполнении поручения, порядок и срок уведомления инициаторов информации, что может негативно отразиться на проверке сообщения о преступлении и расследовании уголовного дела, своевременном принятии законного и обоснованного процессуального решения. Оставаясь в неведении о результатах прокурорской проверки, инициатор информации лишен возможности надлежащим образом спланировать проведение проверочных мероприятий по сообщению о преступлении либо следственных действий по уголовному делу. В такой ситуации следователь, руководитель следственного органа зависят от добросовестности прокурора, поскольку в случае несвоевременного принятия эффективных мер прокурорского реагирования, они, будучи ограничены процессуальными сроками, вынуждены выполнять порученные оперативному подразделению мероприятия по возможности собственными силами и средствами. Все это в итоге приводит к увеличению нагрузки на следствие, дополнительным временным затратам и, как правило, отрицательно влияет на качество процессуальных действий. Это может привести и к утрате доказательств.

Личный опыт работы автора в должности руководителя следственного отдела, а также опрос сотрудников органов Следственного комитета РФ показывают, что практика рассмотрения прокуро-

рами информации следователя, руководителя следственного органа складывается неоднозначно. Имеются факты, когда прокурор по истечении нескольких месяцев дает ответ инициатору информации с разъяснением, что рассмотрение подобных нарушений закона со стороны должностных лиц органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, не входит в предмет прокурорского надзора. При этом в качестве оснований для отмены процессуальных решений следователя, в частности постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, прокурор указывает на приобщение следователем к материалам проверок «формальных справок» сотрудников оперативных служб и непринятие ими должных мер к исполнению поручения следователя в полном объеме. Таким образом, получается «замкнутый круг», заложниками которого остаются следователь с его руководителем.

Из содержания пп. 6, 8, 9 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной совместным приказом от 27 сентября 2013 года № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68¹¹², следует, что результаты ОРД предоставляются органу следствия при выполнении поручения в виде сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности на основании постановления руководителя органа (подразделения), осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя). Согласно п. 14 Инструкции при необходимости рассекречивания сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты ОРД, руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем), выносится соответствующее постановление. В иных случаях результаты ОРД, содержащие составляющие государственную тайну сведения, представляются в

---

¹¹² Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // СПС «КонсультантПлюс».

соответствии с установленным порядком ведения секретного делопроизводства. В связи с этим возникает вопрос, насколько следователь, руководитель следственного органа могут оценить качество исполнения данного ими поручения и, как следствие, информировать прокурора о нарушениях Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», если действующее законодательство не предоставляет им возможность проверить полноту мер, принятых оперативными службами, а главное – соблюдение закона при проведении оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых в дальнейшем могут использоваться в качестве доказательств.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что действующая Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности в отличие от предыдущей¹¹³ не предусматривает прокурора в качестве субъекта, правомочного получать результаты оперативно-розыскных мероприятий, хотя в силу требований ч. 1 ст. 86 УПК РФ он наделен правом сбора доказательств. Тем более в ходе оперативно-розыскных мероприятий фиксируются правонарушения, на которые прокурор может своевременно и эффективно среагировать в рамках надзора за исполнением федерального законодательства.

Исходя из приведенных положений нормативных правовых актов, а также полномочий следователя и руководителя следственного органа, установленных ст. 38, 39 УПК РФ, представляется, что они имеют право информировать прокурора лишь о нарушении сроков исполнения поручения и невыполнении указанных в нем конкретных мероприятий.

Не секрет, что иногда должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, составляют доку-

---

¹¹³ Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // СПС «КонсультантПлюс».

менты о результатах оперативно-розыскных мероприятий, которые, говоря образно, «проводятся не выходя из кабинета». В таких документах чаще всего содержится информация о том, что проведенные оперативно-розыскные мероприятия положительных результатов не дали.

В то же время встречаются и факты фальсификации результатов оперативно-розыскных мероприятий. Примером может служить уголовное дело в отношении старшего оперуполномоченного управления собственной безопасности МВД по Удмуртской Республике Н. по признакам преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 286, ч. 3 ст. 306 УК РФ. В соответствии ч. 7 ст. 8 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» он вынес постановление о проведении оперативного эксперимента в отношении старшего следователя Следственного управления при МВД по УР М. в связи с поступлением оперативной информации о вымогательстве им взятки у К., снабдил его специальными техническими средствами для аудио- и видео фиксации хода оперативно-розыскного мероприятия и вручил ему деньги для передачи М. в служебном кабинете последнего. М. отказался от взятки, о чем К. сообщил Н. и возвратил ему деньги. Тогда Н. прошел в служебный кабинет М. и тайно подложил деньги на полку шкафа, откуда в последующем они были изъяты. После этого Н. склонил К. подписать объяснение, содержащее несоответствующие действительности сведения о передаче М. взятки.

В целях искусственного создания доказательств совершения М. преступления Н. составил справку о задержании его с поличным при получении взятки и предоставил ее следователю с другими материалами о результатах оперативно-розыскной деятельности. В отношении М. было возбуждено уголовное дело, избрана мера пресечения, а в дальнейшем предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 290 УК РФ, в основу которого легли материалы оперативно-розыскных мероприятий, представленных Н. В ходе расследования Н., в соответствии с Инструкцией, представил следователю рассекреченную видеозапись оперативного эксперимента, заведомо им укороченную и

прекращающуюся в момент выхода К. из здания после встречи с М. Уголовное дело в отношении М. было направлено в суд.

В процессе судебного разбирательства дела сторона защиты представила видеозапись того же оперативного эксперимента, из которой следовало, что после встречи с М. К. вышел из здания, подошел к Н. и сообщил ему об отказе М. получить взятку. После исследования представленной записи, К. сообщил суду, что дал ложные показания о передаче взятки М. под давлением оперуполномоченного Н. Полученные в суде доказательства послужили основанием для вынесения в отношении М. оправдательного приговора. Противозаконные действия Н. повлекли незаконное привлечение М. к уголовной ответственности.

Приведенные примеры раскрывают незначительную часть проблем, которые возникают при взаимодействии органов предварительного следствия с оперативными службами.

В связи с тем, что качество раскрытия, расследования и предупреждения преступлений во многом зависит от взаимодействия органов следствия с участниками, вовлеченными в этот процесс, и прежде всего с оперативными сотрудниками органа дознания, на наш взгляд, представляется необходимым внести дополнение в ст. 38, 39 УПК РФ, чтобы предоставить руководителю следственного органа и следователю (с согласия руководителя следственного органа) право обратиться к прокурору с ходатайством об ознакомлении с делом оперативного учета и документами, отражающими ход и результаты оперативно-розыскных мероприятий по исполнению поручения руководителя следственного органа, следователя, а при ненадлежащем исполнении поручения информировать об этом прокурора. Данные изменения позволят существенно облегчить надзорную деятельность прокурора в виду сокращения необоснованных (поверхностных) обращений следователей и их руководителей о ненадлежащей работе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Кроме того, целесообразно выработать механизм взаимодействия прокурора, руководителя следственного органа, следователя

при рассмотрении информации о нарушении Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также предусмотреть межведомственным документом правоохранительных органов порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности прокурору.

Принятые меры позволят повысить эффективность деятельности органов предварительного следствия, укрепить законность в досудебном производстве в части принимаемых должностным лицом органа предварительного следствия процессуальных решений и будут способствовать адекватной оценке им допустимости доказательств, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий.

Д. Ю. Наговицын,

ассистент, преподаватель кафедры

уголовного процесса и правоохранительной деятельности

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Существующие в России экономические и социальные проблемы создают благодатную почву для развития социального неравенства, протестных настроений и организации оппозиционных движений, в том числе радикального толка.

Организация незаконного вооруженного формирования (далее – НВФ) относится к одной из форм проявления организованной преступности и к преступлениям террористического характера. Борьба государства с НВФ имеет огромное значение, поскольку последние представляют угрозу общественной безопасности, порождают социальную напряженность среди населения, высокую вероятность причинения вреда гражданам, создают неправомерные условия для неконституционного силового решения накопившихся социальных и иных проблем, а также представляют опасность для территориальной целостности и единства Российской Федерации. В то же время в функционировании НВФ находят свое отражение процессы, связанные с проявлением сепаратизма и иных видов экстремизма.

С угрозами безопасности Российской Федерации, исходящими от одного из таких объединений – законспирированной ячейки «Союз Коренных Народов Великой Руси Удмуртского Региона РСФСР-СССР» (далее – группа, ячейка, объединение, организация, структура, общество, «Союз...», «граждане СССР»), входящей в межрегиональное незарегистрированное движение «Граждане СССР», в 2017 г. столкнулась Удмуртская Республика.

Движение «Граждане СССР» представлено во многих регионах России; поддерживает идеи непризнания легитимности суще-

ствующего конституционного строя и необходимости восстановления юрисдикции СССР, в том числе силовыми методами. Российская Федерация воспринимается ими в качестве «иностранной управляющей компании».

Представители указанного сообщества на территории Республики использовали следующие методы ведения «политической борьбы» – несогласованные протестные акции, массовые направления жалоб и требований в органы государственной власти и местного самоуправления (воззвания к самоликвидации, передача власти «Совету народных депутатов СССР» и др.), призывы к неисполнению жителями Удмуртии норм законодательства Российской Федерации (отказ от оплаты налогов, услуг ЖКХ, кредитов, службы в армии и т. п.). Для максимального охвата аудитории активно использовались сеть Интернет, поддержка мероприятий протестного характера, организуемых другими гражданскими и оппозиционными объединениями, а также встречи с общественностью. В деятельность «Союза...» последовательно вовлекались представители студенчества, рабочей молодежи, особо ценились бывшие сотрудники правоохранительных органов, которые могли оказать квалифицированную силовую поддержку для достижения своих целей по восстановлению «советской» правовой системы.

Костяк ячейки составляли представители маргинальной среды и лица с неустойчивой психикой. Их отличало искаженное восприятие действительности и навязчивая идея восстановления «советской» правовой системы.

На предварительном этапе в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) установлен руководящий аппарат, общая численность, организационно-штатная структура (наличие «законодательной», «исполнительной», «судебной» ветвей власти, распределение «портфелей» в новом «правительстве СССР»). Значительную долю членов группы составляли женщины пенсионного возраста, как правило, относящиеся к категории так называемых «профессиональных жалобщиков», «вечно недовольных жизнью», вошедшие в состав «Союза...» для реализации личных

амбиций – «открыто заявить личные претензии к власти» в силу возрастной неудовлетворенности окружающей действительностью.

Создателем ячейки и её председателем являлся один из жителей г. Ижевска. Кроме того, в состав так называемого руководящего аппарата входили другие жители Удмуртии, один из которых мнил себя «председателем исполнительного комитета РСФСР-СССР», другой «министром внутренних дел Удмуртской АССР», третий – «председателем совета народных депутатов СССР».

«Председатель исполнительного комитета» и «Председатель совета народных депутатов», фанатично убежденные в реальности достижения «гражданами СССР» поставленных перед собою целей, осуществляли вербовку новых членов-«соратников». «Министр внутренних дел», как бывший оперативный сотрудник МВД России, осведомленный о формах и методах ОРД, отвечал за их проверку (через бывших сослуживцев, в том числе по информационно-справочной картотеке органов внутренних дел, адресному бюро и др.).

«Рабочий день» ячейки предусматривал плановое проведение совещаний и занятий по тематическим подгруппам. Так, по понедельникам проходили заседания «группы по противодействию распространения вышек 5G», «группы блокирования деятельности судебных приставов»; во вторник – «общее собрание по неуплате ЖКХ», «группы по прививкам»; в среду – «совет МВД и добровольной народной дружины»; в четверг – «Совет народных депутатов г. Ижевска»; в пятницу – «совет общины». Мерам конспирации при проведении совещаний активом «Союза...» уделялось повышенное внимание: входная дверь запиралась на ключ, вход обеспечивался по предъявлению документов (согласно выданным «паспортам граждан СССР» при уплате «пошлины» в размере 2 тыс. рублей; документы печатались в одной из типографий).

Изначально указанная незарегистрированная общественная организация как таковой общественной опасности не представляла, поскольку организовывала лишь управление сторонниками в своем «иллюзорном мире». Ячейка поддерживала контакты с аналогичными объединениями в городах Набережные Челны, Киров, Екате-

ринбург, Краснодар, а также в Пермском крае. Удмуртская Республика позиционировалась в качестве центра координации движения.

С ноября 2019 г. в «Союзе...» стали формироваться добровольные народные дружины самообороны, приобреталось гражданское оружие и боеприпасы, организовывались тренировки по стрельбе и рукопашному бою. Таким образом деятельность указанной ячейки стала переходить к экстремистским началам.

В апреле 2020 г. «Министр внутренних дел» посетил вдову одного из бывших активистов, ранее сообщившего ему о наличии личного «схрона» оружия. Наследница покойного, разделявшая идеологию «граждан СССР», подтвердила факт существования арсенала в г. Чайковский Пермского края (в гараже её отца), согласилась его передать «для целей революции».

31 августа 2020 г. он осуществил доставку в г. Ижевск первой партии средств поражения (автоматы, винтовки, гранаты и большое количество боеприпасов, а также приборы для бесшумной стрельбы), которые председатель ячейки поручил разместить в двух тайниках (гараж в черте г. Ижевска и на окраине в лесу).

С целью документирования противоправной деятельности указанной группы было принято решение о проведении гласных ОРМ по пресечению запрещенной деятельности членов группировки. В результате в сентябре 2020 г. руководство ячейки было задержано сотрудниками ФСБ, по 25 адресам проведены ОРМ: «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», в ходе которых изъято несколько десятков единиц боевого огнестрельного оружия (пистолеты, автоматы, винтовки), 32 гранаты, более 20 кг взрывчатых веществ и 11 тысяч боеприпасов различного калибра.

На основании результатов оперативно-розыскной деятельности УФСБ России по Удмуртской Республике возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 208 и ч. 2 ст. 208 УК России.

В соответствии со ст. 208 УК России вооруженность является обязательным признаком незаконного формирования, предполагает наличие у его участников любого вида огнестрельного или иного

оружия, боеприпасов и взрывных устройств, в том числе кустарного производства, а также боевой техники. В связи с чем в рамках уголовного дела было назначено производство баллистических и взрывотехнических судебных экспертиз. При назначении и производстве указанных экспертиз следствие столкнулось со следующей проблемой. Изъятые огнестрельное оружие переделано из охолощенного оружия, которое на момент проведения экспертизы уже снято с производства (пистолет-пулемет Томпсона, винтовка Мосина), либо для проверки которых требовались специальное оборудование и снятые с производства боеприпасы (револьвер системы Лефоше, оснащаемый шпилечными патронами, выпуск которых прекращен в начале 20 века; револьвер системы Наган, оснащенный патронами с глубоко обжатым дульцем гильзы, производство которых прекращено в 1945 году, в настоящий момент производят только единичные заводы Европы). Сами изъятые боеприпасы также были самодельного изготовления из уже ранее использованных гильз к боевому огнестрельному оружию с увеличением мощности патронов путем увеличения количества насыпанного пороха. По методике проведения баллистических судебных экспертиз для признания патронов самодельного изготовления боеприпасами требуется отстрел каждого патрона, что создавало опасность выхода из строя огнестрельного оружия, используемого при отстреле данных патронов.

Так, при отстреле патронов самодельного изготовления с увеличенной мощностью, предназначенных для снайперской винтовки Драгунова, в связи с использованием капсулей для охотничьих патронов произошел самопроизвольный выстрел, в результате чего произошло перекашивание затворной рамы и деформация крышки винтовки. Для решения возникшей проблемы и отстрела указанных боеприпасов привлекались специалисты АО «Концерн «Калашников», которые предоставили полигон и соответствующее огнестрельное оружие, основные части к огнестрельному оружию и оборудование для проведения экспертизы.

В результате проведенных экспертиз получены доказательства, указывающие на наличие в действиях участников ячейки од-

ного из важных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, «вооруженность группы».

В соответствии с п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под незаконным вооруженным формированием в ст. 208 УК РФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориальной целостности Российской Федерации). В связи с чем при расследовании уголовного дела требовалось установление целей выявленного вооруженного формирования.

Согласно представленным результатам оперативно-розыскной деятельности привезенное оружие, боеприпасы, взрывные устройства и взрывчатые вещества планировалось использовать в целях нападения на сотрудников полиции и дезорганизации их деятельности. Однако сама по себе фиксация высказываний участников данного формирования о предполагаемых целях использования указанного арсенала недостаточна для объективного вменения факта создания НВФ и участия в нем. В целях доказывания сплоченности, структуры, совместных действий руководства и участников ячейки назначена комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза.

Экспертам для изучения были предоставлены материалы уголовного дела, в том числе рассекреченные аудио- и видеозаписи, полученные при проведении ОРМ. По итогам детального изучения их стенограмм экспертом-лингвистом сделаны следующие выводы:

«...В текстах предоставленных для исследования диалогов идет речь о нападениях на сотрудников правоохранительных органов. Нападения обсуждаются как возможный способ борьбы с нелегально существующей, по мнению участников диалогов, структурой МВД (в частности ГИБДД), как один из возможных способов завладеть оружием. Участники диалогов считают, что навести

порядок (для профилактики) в отделениях полиции можно, например, вызвав страх у сотрудников полиции: обсуждается похищение сотрудника полиции и дальнейшее уничтожение его трупа...

В диалогах неоднократно поднимается тема готовности участников разговоров стрелять, убивать...

В предоставленных для анализа диалогах присутствуют признаки скрытности в общении, о чем свидетельствуют установленные правила поведения: участники диалогов телефоны выключают/оставляют в машинах либо в телефоне устанавливают «режим полета»; во время телефонных разговоров предусмотрена маскировка разговоров; предпочтение отдается общению по рации, придуманы позывные; при перевозке оружия для прикрытия используется вторая машина... ».

Экспертом-психологом на основании анализа представленных аудио- и видеозаписей допросов обвиняемых и свидетелей, отражающих конкретные действия обвиняемых по достижению своих целей, сделаны следующие выводы:

«...имеют место признаки формирования организованной группы. Социально-психологическими критериями организованной группы являлись следующие:

– наличие внутренней функционально-ролевой специализации участников исследуемого группового взаимодействия и основанной на этом функциональной дифференциации участников межличностного взаимодействия с выделением одного из участников в качестве группового лидера и исполнительскими ролями иных участников группового взаимодействия;

– наличие признаков формирования групповой сплоченности в виде существования определенных факторов внутренней «общности» с совместным использованием личного транспорта, гаражей, иных личных ресурсов членов исследуемой группы для достижения групповых целей, а также четко выраженных внешних границ группы, т. е. принимаемых членами группы определенных правил, регулирующих отношения с внешней средой, направленных на предотвращение негативных последствий групповой деятельности (конспирация);

– согласованность действий членов группы, что обнаруживается как в форме способности группы к детальному оперативному планированию групповых действий (преступлений), распределению ролей, совместному осуществлению подготовительных мероприятий для последующей реализации целенаправленных групповых действий, связанных с перевозкой и хранением огнестрельного оружия, боеприпасов, так и в форме отдаленного, перспективного планирования, направленного на поиск и формирование отдаленных групповых целей, не исключавших насильственных групповых действий в отношении представителей правоохранительных органов;

– наличие общего группового продукта в виде совершения неоднократных, согласованных между собой групповых действий по перевозке и хранению огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

Помимо вышеуказанных экспертиз проводились:

1) молекулярно-генетические (на предмет обнаружения биологических следов обвиняемых на огнестрельном оружии, боеприпасах, взрывных устройствах и упаковке от взрывчатых веществ);

2) дактилоскопические (на предмет обнаружения следов пальцев рук и ладоней обвиняемых на липкой ленте-скотч, используемой для упаковки огнестрельного оружия и боеприпасов);

3) почерковедческая (на предмет идентификации почерка текста на листе бумаги с описью приобретенного огнестрельного оружия и боеприпасов) судебные экспертизы, при производстве которых сложностей не возникало;

4) фоноскопическая (на предмет идентификации голосов).

По итогам расследования материалы уголовного дела направлены в суд, организатор и участники НВФ признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 208 УК РФ, и приговорены к длительным срокам лишения свободы.

Таким образом, в результате расследования уголовного дела удалось пресечь антиконституционную деятельность НВФ, не допустить массовых нарушений федерального законодательства, изъять из незаконного оборота крупную партию средств поражения.

К. С. Артамкин,

аспирант ИПСУБ ФГБОУ ВО

«Удмуртский государственный университет»

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕДУРЕ НАСЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время наблюдается цифровизация всех сфер общества, использование цифровых устройств, электронных технологий, что является неотъемлемой частью жизни существенной части человечества в целом и российского общества в частности. Указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1], от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2] и сформированной Правительством национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в России на государственном уровне начата работа по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере. Данная национальная программа в настоящий момент не имеет широкого распространения в наследственных правоотношениях, поскольку эта сфера в значительной мере исключает возможность удаленного обращения к нотариусу, т. к. ряд значимых действий требует проверки соответствия воли и волеизъявления наследников, в частности подача соответствующих заявлений для открытия наследственного дела, нотариальное удостоверение завещаний. Кроме того, согласно п. 2 ст. 1171 ГК РФ защита имущества, составляющего наследственную массу, в современном российском обществе в большинстве случаев возлагается на нотариуса, реже на исполнителя завещания (душеприказчика) [3] и наследников, которые и производят юридически значимые действия либо путём направления соответствующих документов в физических экземплярах по почте, либо в электронном формате.

Однако уже сейчас существуют технические инструменты, которые существенно упрощают процесс вступления в наследство и передачу наследственной массы наследникам, тем самым упрощая проведение процедуры вступления в наследство и повышая её безопасность.

К таким техническим средствам относятся:

1. Единая информационная система нотариата (далее – ЕИС), созданная в соответствии со ст. 34.1 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» [4]. ЕИС не позволяет полностью переместить процесс вступления в наследство в цифровую сферу. Тем не менее создание данной системы и её переход на электронный документооборот с 1 января 2018 года существенно повысил сохранность документов и безопасность получаемой информации. Кроме того, ЕИС позволяет совершать ряд действий в дистанционном формате, например: совершение исполнительной надписи; выписка из Реестра уведомлений о залоге движимого имущества; обеспечение доказательств в сети интернет; конвертация электронного документа из одного формата в другой с сохранением его юридической силы; принятие на хранение либо выдача электронных документов; передача электронных документов физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам.

Внедрение ЕИС позволило расширить возможности оформления наследственных прав на имущество граждан, умерших 1 января 2015 г. и позднее, путем обращения к любому нотариусу на территории нотариального округа субъекта РФ по месту открытия наследства. Это стало возможным благодаря обязанности нотариуса вносить оперативно сведения в реестр наследственных дел ЕИС об открытии дела. В тоже время нотариус не может начинать производство по наследственному делу без предварительной проверки на наличие уже возможно открытого ранее другим нотариусом этого дела.

Кроме того, в рамках данной системы реализован сервис: «Реестр наследственных дел», в котором, введя необходимую информацию – фамилию, имя, отчество, даты рождения и смерти,

можно увидеть открыто дело или нет, и у какого нотариуса оно находится в производстве [5]. Также в данной системе можно получить сведения о розыске наследников в рамках наследственных дел.

Электронное взаимодействие нотариата и государственных реестров (Росреестр, ЗАГС, ФНС) дает возможность нотариусам самостоятельно и бесплатно заказывать и получать выписки и справки, содержащие сведения, необходимые для ведения наследственного дела и выдачи свидетельств о праве на наследство, что повышает гарантии достоверности получаемых юридически значимых сведений, гарантирует безопасность персональных данных и делает обращение наследников к нотариусу удобным и не затратным по времени. В частности, согласно п. 4 Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования, и ст. 47.1 Основ законодательства РФ о нотариате нотариус не вправе требовать от заявителя представления информации, которую он может получить самостоятельно в электронной форме, в том числе из государственных реестров.

2. Подача документов в электронном варианте, подписанные электронно-цифровой подписью (далее – ЭЦП) и усиленной ЭЦП. Данный способ позволяет направлять пакет документов через электронно-цифровые системы передачи информации, защищенные ЭЦП. Этот способ, во-первых, устраняет возможность внесения изменений в документы, во-вторых, подтверждает подлинность документов. Кроме того, этот способ обеспечивает безопасность документооборота, ведь постороннее лицо не сможет увидеть документы и внести в них изменения в отличие от направления документов по почте. Таким образом, лицо, вступающее в наследство, экономит время, направляя необходимые документы о принятии наследства без личного присутствия; снижает свои затраты, ведь заверение каждого листа документа стоит 100 рублей для физического лица, в то время как ЭЦП на один год обслуживания стоит 900 рублей для физического лица.

3. Использование технологии «Госключ». «Госключ» – это приложение для подписания юридически значимых документов в электронном виде. Данная технология является частью Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» и позволяет бесплатно получить ключ и сертификат электронной подписи и подписывать документы. Приложение Госключ позволяет получить сертификат усиленной квалифицированной электронной подписи для подписания электронных документов, в том числе представляемых в регистрирующий орган для государственной регистрации юридического лица (при создании) и физического лица в качестве индивидуального предпринимателя. Ключ электронной подписи создаётся, хранится и применяется в приложении, для его использования не нужны USB-токены, СМС-пароли; все функции доступны без личного присутствия документов. Для получения сертификата УКЭП в приложении Госключ потребуется наличие подтвержденной учетной записи Госуслуг, смартфон с NFC-модулем и загранпаспорт нового поколения. Стоимость получения сертификата электронной подписи в Госключе – 0 рублей.

4. Смарт-контракты. Смарт-контракт – это сделка, исполняемая автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий. Смарт контракты оцифровывают договоренности, превращая условия в код, который автоматически выполняется, когда условия контракта соблюдены. Смарт-контракты базируются на компьютерном протоколе, который по установленным правилам посылает или получает определенную информацию или изменяет данные [6]. После анализа соответствующей информации программа выполняет определенные операции в соответствии с условиями заключенного соглашения. Смарт-контракт исполняется у всех участников сети и записывается в блокчейн. Программа такого контракта должна быть защищена от несанкционированного изменения его внутренней логики, чтобы сторона договора не могла намеренно препятствовать исполнению смарт-контракта или незаконно изменять его содержание [7]. Данная технология не имеет широкого

использования в области наследственного права, но возможности её огромны. Например, наследодатель может определить получение наследником наследственной массы при выполнении последним определенных условий. Данная технология позволяет исключить роль нотариуса из процесса, т. к. наследодатель самостоятельно путём составления смарт-контракта сможет даже после смерти контролировать исполнение своего завещания.

Таким образом, используя приведенные электронные инструменты в процедуре вступления в наследство, повышается юридическая значимость документов, снижаются возможности для подделки документов; документы в виде цифровой информации лучше защищены от неправомерного изъятия и распространения, т. к. имеется централизованная база, в которой персонально учитывается какие действия какими лицами были произведены, какие были предоставлены документы и т. д. Всё это приводит к централизации и автоматизации работы нотариата, что, в свою очередь, облегчает работу сотрудников нотариата: снижает время работы над отдельно взятым делом; из-за отсутствия необходимости проверять подлинность документов повышается и перевод документов в электронный формат, повышается их эффективность. Кроме того, граждане имеют возможность самостоятельно отслеживать процесс принятия наследства через специализированные электронные сервисы путем использования идентификации данных, таких как ЭЦП, квалифицированная ЭЦП, усиленная квалифицированная ЭЦП; в настоящий момент времени для этих целей также применяется технология Госключ.

Список литературы

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

3. Гражданский кодекс Российской Федерации 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/

5. Цифровые технологии защищают права наследников, и часто помогают найти неизвестное имущество [видеоинтервью] : 7 канал, Красноярск, сетевое издание 12 ноября 2021 г. – URL: <https://trk7.ru/tvprogramm/133230.html>

6. Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. – 2018. – № 2. – С. 33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34857728>

7. Волос А. А. Смарт контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. – 2018. – № 12. – С. 5. – URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vypusk-1-47-2020?id=2571>

Н. И. Орлова,

эксперт Отдела управления

интеллектуальной собственностью ПАО МТС

г. Москва

ПРОБЛЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ ПАТЕНТА, ПРАВОВАЯ ОХРАНА КОТОРОГО ПРЕКРАЩЕНА

В обычной жизни рядового обывателя сложные правовые ситуации возникают редко. Но когда он все же с ними сталкивается, то не всегда находит квалифицированную юридическую помощь, что иногда влечет за собой для такого обывателя даже утрату самой возможности стать обладателем соответствующего права.

Само по себе наличие подобной ситуации наглядно подтверждает необходимость глубокого исследования вопросов, связанных с наследованием исключительных и иных интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности. В настоящей статье рассматривается вопрос специфики наследования исключительного права на изобретение в случае прекращения его правовой охраны в связи с неуплатой пошлины за поддержание патента в силе.

Итак, рассмотрим сложившуюся ситуацию. После открытия наследства наследники обращаются к нотариусу за выдачей свидетельства о праве на наследство. При этом они предъявляют патент на конкретное изобретение наследодателя. Казалось бы, ситуация простая. Но дело осложняется тем, что на момент открытия наследства охрана изобретения была прекращена в связи с неоплатой патентной пошлины за поддержание патента. На этом основании нотариус отказал в выдаче свидетельства о праве на наследство именно в части патента.

Казалось бы, все верно. Нет действующего патента – нет и объекта наследования. Однако судебная практика разъясняет что и почему могло быть отражено в такой ситуации в свидетельстве о праве на наследство.

Для защиты своих прав наследники обратились не с требованием об оспаривании отказа в совершении нотариального действия,

а с требованием о признании патентных прав в Суд по интеллектуальным правам. Специализированный суд встал перед некоторыми затруднениями. И дальше, президиум Суда по интеллектуальным правам при рассмотрении кассационной жалобы с целью получения профессионального мнения по вопросу надлежащего порядка восстановления прав наследников умершего изобретателя направил запрос в отдел по вопросам нотариата Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Министерства юстиции Российской Федерации. Ответ был предоставлен начальником отдела по вопросам нотариата Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Министерства юстиции Российской Федерации, кандидатом юридических наук С. С. Поповой.

Согласно этому профессиональному мнению, исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, когда это право признается и охраняется только при условии государственной регистрации такого результата (например, в соответствии со статьей 1353 ГК РФ¹¹⁴), включается в состав наследства только при подтверждении такого права соответствующими документами. В случае изобретения как объекта интеллектуальных прав таким документом является патент. При отсутствии патента на день вступления в наследство исключительное право на результат интеллектуальной деятельности не может быть включено в свидетельство о праве на наследство.

Вместе с тем в ст. 1356 ГК РФ закреплено, что право авторства на изобретение неотчуждаемо и непередаваемо, отказ от этого права ничтожен. Отсутствие на момент смерти автора изобретения патента на изобретение вовсе не означает, что само изобретение как результат интеллектуальной деятельности не существовало на момент смерти наследодателя.

---

¹¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета. № 289 (первонач. текст).

В силу положений ст. 1357 ГК РФ право на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец первоначально принадлежит автору изобретения, полезной модели или промышленного образца. Право на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец может перейти к другому лицу (правопреемнику) или быть ему передано в случаях и по основаниям, которые установлены законом, в том числе в порядке универсального правопреемства или по договору, в том числе по трудовому договору.

Поскольку при принятии наследства к наследникам в полном объеме переходят все права и обязанности наследодателя, то к наследникам переходит и право на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец.

С учетом изложенного профессионального мнения президиум Суда по интеллектуальным правам сделал вывод о том, что в состав наследственного имущества могло входить право на восстановление действия патента на изобретение (выделено авт.). То самое право, которым обладал изобретатель на момент открытия наследства. А значит, по мнению специализированной судебной инстанции, это право «могло быть включено в свидетельство о праве на наследство»¹¹⁵.

В дальнейшем позиция о том, что право на восстановление действия патента на изобретение наследуется, высказывалась в юридической литературе неоднократно разными авторами (например, Новоселова Л., Гринь Е., Ульянова Е.)¹¹⁶, в т. ч. при проведении в 2020 году семинара для нотариусов доктором юридических наук, профессором МГУ им. М. В. Ломоносова Юлией Харитоновой в Московской городской нотариальной палате: «Что касается патентов, то подтвердить правообладание ими не так сложно с по-

---

¹¹⁵ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 27 июля 2015 г. № С01-499/2015 по делу № СИП-218/2015.

¹¹⁶ Новоселова Л., Гринь Е., Ульянова Е., Наследование интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2016. № 11 (приложение). С. 3–48 // СПС «КонсультантПлюс».

мощью соответствующих государственных информационных ресурсов. В этих случаях к наследникам переходит *как право владения патентом, так и право его восстановления* (выделено авт.). Охрана патента – платная услуга. Но в случае отказа от оплаты у владельца, а после его смерти – у наследников, в течение трех лет есть возможность передумать и восстановить охрану»¹¹⁷.

Отметим также, что само Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам было вынесено 27 июля 2015 г. (Постановление от 27.07.2015), в то время как нотариус выносила свое постановление об отказе в совершении нотариального действия 14.11.2012¹¹⁸, а само наследство открылось 16.11.2011¹¹⁹. В итоге наследники получили надлежащее разъяснение спустя три с половиной года с момента, когда они в нем нуждались. Впоследствии в 2013 году действие конкретного патента было восстановлено, но это не позволило наследникам избежать отказа в праве на наследование патента. Вот как выглядели фактические обстоятельства, установленные судом: «Правообладателем патента Российской Федерации № 2416838 на изобретение «Высоковольтный разъединитель со встроенным ножом заземления» (дата приоритета – 20.04.2009; дата регистрации – 20.04.2011) являлся Ю. А. Филиппов, который умер 16.11.2011.

Нотариусом нотариального округа Санкт-Петербурга М. В. Тереховой было открыто наследственное дело № 88/2011, согласно справке нотариуса наследниками по закону признаны Н. И. Филиппова (жена) и С. Ю. Филиппова (дочь); наследником по завещанию (на вопрос долю квартиры и земельный участок) – С. Ю. Филиппова (дочь).

Постановлением об отказе в совершении нотариального действия от 14.11.2012 нотариусом М. В. Тереховой отказано в выдаче свидетельства о праве на наследство по закону на патент № 2416838

---

¹¹⁷ Официальный сайт ФНП. URL: <https://notariat.ru/> (дата обращения: 17.12.2022).

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

на изобретение, поскольку названный патент прекратил свое действие с 21.04.2011 (то есть не принадлежал наследодателю на день смерти) в связи с неуплатой годовой пошлины за поддержание патента в силе. Нотариусом было указано, что данный патент может быть восстановлен.

Свидетельство о праве на наследство по закону в отношении права на восстановление действия патента нотариусом не выдавалось.

Согласно письму ФГБУ «ФИПС» от 10.04.2013 действие патента восстановлено с 10.04.2013. Восстановление действия патента с 10.04.2013 подтверждается сведениями, внесенными в Государственный реестр изобретений Российской Федерации.

На повторное обращение наследников к нотариусу последним разъяснено, что восстановление действия патента с 10.04.2013 не свидетельствует о принадлежности указанного патента наследодателю на момент его смерти и не позволяет в бесспорном порядке принять решение о включении этого имущества в состав наследственной массы.

Уведомлением № 2015П00068 Роспатент отказал в государственной регистрации перехода исключительного права без заключения договора, сославшись на пункт 5 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации и указав на непредоставление свидетельства о праве на наследство (на спорный патент)¹²⁰.

Таким образом, суд пришел к выводу, что при обращении наследников к нотариусу последний должен был бы на основании ст. 1356, 1357 ГК РФ выдать им свидетельство о праве на наследство, в котором должно указываться право на восстановление действия патента № 2416838. И уже в этом случае у наследников есть полномочия для восстановления действия патента на изобретение. Согласно ст. 1400 ГК РФ действие патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, которое было прекращено в связи с тем, что патентная пошлина за поддержание патента в си-

---

¹²⁰ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 27 июля 2015 г. № С01-499/2015 по делу № СИП-218/2015.

ле не была уплачена в установленный срок, может быть восстановлено федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности по ходатайству лица, которому принадлежал патент, или правопреемника этого лица. Ходатайство о восстановлении действия патента может быть подано в указанный федеральный орган исполнительной власти в течение трех лет со дня истечения срока уплаты патентной пошлины, но до истечения срока действия патента.

В юридической литературе высказана точка зрения, что наследники по этому делу должны были обратиться к нотариусу за получением свидетельства о праве на наследование права на восстановление действия патента. Согласно мнению В. В. Гущина и Н. Г. Пономаревой, «...поскольку при принятии наследства к наследникам переходят все права и обязанности наследодателя, то и право на восстановление действия патента должно перейти к наследникам. Это означает, как было сказано выше, что наследники должны были обратиться к нотариусу не за свидетельством о праве на наследование патента (поскольку патент не действовал), а за получением свидетельства о праве на наследование права на восстановление действия патента (выделено авт.)»¹²¹.

Представляется, что с этой позицией вряд ли можно согласиться, потому что вопрос был настолько специфичен, что президиум Суда по интеллектуальной собственности (председательствующий Новоселова Л. А., члены президиума Данилов Г. Ю., Корнеев В. А., Уколов С. М, судья докладчик – Рассомагина Н. Л.)¹²² был вынужден запросить профессиональное мнение другого специалиста – Начальника отдела по вопросам нотариата Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Министерства юстиции Российской Федерации, кандидатом юридических наук С. С. Поповой. То есть коллегия из нескольких

---

¹²¹ Гущин В. В., Пономарева Н. Г. Проблемные вопросы наследования патентных прав // Образование и право. 2022. № 7. С. 150.

¹²² Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 27 июля 2015 г. № С01-499/2015 по делу № СИП-218/2015.

высококвалифицированных судей учитывала дополнительно отдельное профессиональное мнение по узкому, не профильному для них вопросу.

Вторая причина не согласиться с выдвинутым тезисом – это положения ст. 72 Основ законодательства РФ о нотариате¹²³, в соответствии с которыми нотариус определяет состав наследственного имущества. Согласно этой норме «нотариус при выдаче свидетельства о праве на наследство по закону путем истребования соответствующих доказательств проверяет факт смерти наследодателя, время и место открытия наследства, наличие отношений, являющихся основанием для призвания к наследованию по закону лиц, подавших заявление о выдаче свидетельства о праве на наследство, состав и место нахождения наследственного имущества». То есть это была обязанность нотариуса надлежащим образом определить, какое право должно было быть включено в состав наследственной массы при указанных обстоятельствах. Сам по себе отказ в выдаче свидетельства о праве на наследство в части исключительного права на изобретение по патенту № 2416838 не отменял обязанности нотариуса выдать свидетельство о праве на наследство в части права на восстановление действия патента на изобретение. Отметим также, что на момент вынесения нотариусом постановления об отказе в выдаче свидетельства о праве на наследство (14.11.2012) действовала первая редакция Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании»¹²⁴, в которой еще не было зафиксировано право на восстановление действия патента (это произошло позднее).

Другой правоприменитель, Роспатент, в этом деле вовсе обошелся без такого свидетельства, восстановив срок действия патента в 2013 году на основании ст. 1400 ГК РФ. И это третий аргумент не

---

¹²³ Основы законодательства РФ о нотариате // Российская газета. 13.03.1993. № 49 (первонач. текст).

¹²⁴ О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) // Российская газета. 06.06.2012. № 127 (первонач. текст).

согласиться с выдвинутой позицией. При этом, как видно из Постановления от 27.07.2015, этот правоприменитель также испытывал затруднения, в первый раз отказав в регистрации перехода исключительного права на изобретение по вышеназванному патенту.

Представляется, что наследникам по данному делу помешало отсутствие специальной нормы, которая бы прямо устанавливала последствия в виде перехода к правопреемникам патентообладателя исключительного права на изобретение в случае восстановления ими действия патента на него, ведь их воля направлена именно на это при реализации наследуемого права на восстановление действия патента. В итоге лишь с 2017 года патентообладателем в Государственном реестре изобретений Российской Федерации числятся наследники¹²⁵. И, как уже отмечено позднее, в 2019 году, отражая складывающуюся практику, были внесены изменения в п. 91 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании»¹²⁶, в котором закрепляется разъяснение о составе наследства и, в частности, указывается, что в состав наследства входит право на восстановление действия патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец на основании п. 2 ст. 1357 и п. 1 ст. 1400 ГК РФ (подп. «б»).

Список литературы

1. Гущин В. В., Пономарева Н. Г. Проблемные вопросы наследования патентных прав // Образование и право. – 2022. – № 7. – С. 150.

2. Новоселова Л., Гринь Е., Ульянова Е., Наследование интеллектуальных прав // Хозяйство и право. – 2016. – № 11 (приложение). – С. 3–48.

---

¹²⁵ Открытые реестры Роспатента // Официальный сайт ФИПС. URL: <https://www.fips.ru/registers-web/> Запрос по патенту №2416838 (дата обращения: 17.12.2022).

¹²⁶ О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) // Российская газета. 06.06.2012. № 127 (первонач. текст).

Т. З. Егорова,

к.ю.н., доцент

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)

федеральный университет»,

г. Казань

ПРЕВЕНЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ГРАНИЦЫ РИСКОВ ПРИ ЕЁ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ

Несмотря на то, что любая область человеческой деятельности всегда в той или иной форме насыщена (по сути своей просто пропитана) таким явлением, как риски, вопросы, связанные с познанием его социально-правовой природы, возможных форм проявления и соответственно содержания каждой из них, а также аксеологической составляющей в сфере науки вообще и правовой науки в частности всё ещё относятся к числу малоисследованных проблем. Весьма значимым прорывом в этом вопросе стали коллективные монографии под названием «Уголовно-правовое воздействие на бизнес» и «Риски в праве: пути решения» [1], посвященные исследованиям рисков в отдельных отраслях права и возможным путям преодоления возникающих в связи с их наличием проблем» [2]. В качестве предмета исследования в названных работах выступают, как видим, и правовые (юридические) риски в виде вероятных негативных последствий для участников соответствующих правовых отношений в результате наступления неблагоприятных для них событий, включая «риски потерь или наступления убытков в связи с нарушением правовых норм» [3].

В роли правовых площадок возможных юридических рисков выступают преимущественно институты и нормы так называемых гражданских отраслей права, каковыми являются гражданское, финансовое, налоговое право, право социального страхования, трудовое, экологическое и предпринимательское право, а также приобретающие всё большую свою значимость такие отрасли, как медицин-

ское и информационное право. Дальнейший научно-технический прогресс приведет к формированию и других отраслей права, а следовательно, ещё неизвестных социуму правовых рисков. Основной доминантой на существование таких рисков выступает недопущение возможного ущерба (убытков) от тех или иных правоприменительных решений и совершаемых на их основе действий. На законодательном уровне сказанное получило, в частности, своё закрепление в ч. 3 ст. 41 УК РФ в виде указания на то, что «риск признается необоснованным, если он заведомо был сопряжён с угрозой на жизнь многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественных бедствий». Разграничение обоснованного риска, признаки которого закреплены чч. 1, 2 ст. 41 УК РФ, и необоснованного риска законодателем связывается, как видим, лишь субъективно-психологической категорией, в качестве которой выступает внутреннее убеждение оценивающего ситуацию лица, содержание которого есть не что иное, как его мнение о существовании или не существовании обстоятельств, составляющих предмет исследования. Мнение же, как обоснованно утверждает один из известных учёных-процессуалистов дореволюционного периода жизни России профессор Л. Е. Владимиров, «На суде не допускаются» [4]. Разделяет такие суждения и наш законодатель, и относит к категории недопустимых доказательств показания, «основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности» (п. 2. ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Ставить человека в опасное для его жизни, здоровья и имущественного состояния запрещено и в соответствии с конституционными нормами об обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ), а также тем, что «достоинство личности охраняется государством» и что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» (ст. 21 Конституции РФ). В силу изложенных обстоятельств институт обоснованного риска судебно-следственной практики совершенно не востребован. Такой институт надлежит исклю-

читать из числа указанных в главе 8 УК РФ обстоятельств. Прав профессор З. З. Зинатуллин в утверждении о том, что «в любых формах своего проявления риск не может расцениваться как какое-либо социально-полезное явление и выступать в качестве основания для принятия с у д ь б о н о с н о г о (выделено авт.)¹²⁷ для человека решения», а потому и считающего, что такому «социальному явлению, как риски, не должно быть места ни в уголовно-процессуальном регулировании, ни в правоприменительной деятельности» [5]. Возможные отступления от указанной доминанты, что имеет место во введенном Федеральным законом от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ института досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), есть лишь, как представляется, временное явление, вызванное высоким уровнем организованной преступности, носящее к тому же в значительной степени и транснациональный характер, тем, что рост преступности при снижении раскрываемости преступлений негативно отражался на социально-экономических отношениях в целом» [6]. По мере снижения уровня организованной преступности необходимость в институте досудебного соглашения о сотрудничестве отпадет.

Что касается гражданских отраслей права, основанных преимущественно на диспозитивных правовых нормах, применение которых во многом зависит от субъективного усмотрения правоприменителя, платформа для юридических рисков самая широкая. Она включает в себя и правовые риски, имеющие место в предпринимательской деятельности вообще и в деятельности индивидуального (частного) предпринимателя.

Сегодня предпринимательская деятельность с целью извлечения бизнеса и снижения рисков при её осуществлении стала, по сути, своей одной из основных составляющих обеспечения экономической безопасности России, что и получило своё закрепление в

---

¹²⁷ Судьбоносными являются решения, ограничивающие конституционные права и свободы участвующих в уголовном судопроизводстве лиц (нельзя, к примеру, постановлять приговор, если он не отвечает установленным в соответствии со ст. 297 УПК РФ требованиям).

соответствии с Указом Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [7].

Вопросы необходимости принятия самых действенных организационно-правовых мер, разработки стабильных и предсказуемых законодательных предписаний, способных эффективно обеспечивать защиту прав и законных интересов предпринимателей, находятся постоянно в поле зрения руководства государства и лично Президента России В.В. Путина. Особенно ярко, монолитно и в то же время с конкретными установлениями это проявилось в его выступлении в июне 2022 года на XXV Петербургском международном экономическом форуме. Указав на важность отстаивания политического суверенитета России, его национальную идентичность, президент России особо обратил внимание на необходимость дальнейшего укрепления всего того, что «определяет экономическую самостоятельность страны, её финансовую, кадровую, технологическую самостоятельность и независимость», четко сформулировав при этом ключевые принципы, «на основе которых будет развиваться наша страна, наша экономика» [8].

Из значительного числа таких принципов с учётом общего направления данной статьи позволю обратить внимание лишь на те, что органично определяют содержание и дальнейшее развитие предпринимательской деятельности.

В качестве одного из них, а по своей сути исходного, глава государства выделяет необходимость опоры на предпринимательские свободы. При этом указывает на то, что «каждая частная инициатива, направленная на пользу России, должна получать максимальную поддержку и пространство для реализации». Президент указывает на необходимость снижения административной нагрузки на предпринимателей посредством, в частности: а) сокращения числа плановых и внеплановых проверок бизнеса; считает возможным перейти в этом вопросе на риск-ориентированный подход; б) свести к минимуму разного рода злоупотреблениям лазейки для давления на предпринимателей, в том числе посредством декриминализации

целого ряда экономических составов преступления, установления практики возбуждения уголовных дел по так называемым налоговым составам преступления только по представлению налоговой службы и отказа в возбуждении уголовных дел при полном погашении предпринимателей налоговой недоимки, а также сокращение сроков давности по так называемым налоговым преступлениям. Президент требует полностью исключить из практики случаи возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей без достаточных на это оснований. Особое внимание уделено внедрению в предпринимательскую деятельность современных «форматов торговли, включающих электронные площадки»; необходимости оказания помощи «сотрудникам небольших компаний, самозанятым гражданам, начинающим предпринимателям с получением дополнительных навыков и компетенций». Успешная работа предпринимателей требует того, чтобы они ясно видели горизонт, перспективы своей деятельности. Будущего предпринимателя готовить к этому надо заблаговременно, до его регистрации в качестве такового государственными органами исполнительной власти. Программа подготовки на соответствующих курсах в обязательном порядке должна, как представляется, включать в себя изучение основ предпринимательского права и современной компьютерной технологии с использованием интернет-ресурсов. Претендент на индивидуальную предпринимательскую деятельность должен знать сферу производства, цели его осуществления в виде извлечения определенной прибыли (доходов) и повышения своей благосостоятельности; необходимые для их достижения материальные ресурсы и возможные при этом риски с чётким знанием допустимости их границ с тем, как уже указывалось, чтобы не создавать опасности для жизни, здоровья, имущественного состояния всех вовлекаемых в орбиту предпринимательской деятельности лиц, ни на иоту не нарушать конституционные права и свободы граждан.

Прошедший более чем 30-летний период перехода Российской Федерации от административно-командной системы хозяйствования к рыночной экономике, вызвавший возрождение пред-

принимательской деятельности, и его достижение является ярким свидетельством становления России как экономически мощной государственной державы, способной противостоять любым негативным по отношению к ней проявлениям вне зависимости от того, от кого бы они не исходили.

Список литературы

1. См.: Уголовно-правовое воздействие на бизнес / под общ. и науч. ред. Э. Л. Сидоренко, А. Г. Волевова, К. К. Кривцова, О. И. Семьиной. – М. : Проспект, 2021; Риски в праве: пути решения / под ред. проф. Л. Г. Татьяниной. – М. : Юрлитинформ, 2020.
2. Риски в праве: пути решения / под ред. проф. Л. Г. Татьяниной. – М. : Юрлитинформ, 2020. – С. 4.
3. Трумцовский Ю. В. Правовые риски: понятие и виды // Актуальные вопросы публичного права. – 2014. – №4 (28). – С. 116.
4. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула : Автограф, 2000. – С. 140.
5. Риски в праве: пути решения. – С. 97.
6. Риски в праве: пути решения. – С. 124–125.
7. См.: СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 29.02.
8. Путин В.В. выступление на XXV Петербургском международном экономическом форуме // Российская газета. – 18 июня 2022 года.

Е. А. Ходырева,

*д.ю.н., доцент, профессор
кафедры гражданского права*

О. А. Сегал,

*доцент, к.ю.н., доцент
кафедры гражданского права*

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА ПРИ НОТАРИАЛЬНОМ УДОСТОВЕРЕНИИ СДЕЛОК

По данным Всемирной организации здравоохранения каждый восьмой человек в мире, а это в общей сложности 970 миллионов человек, живет с психическим расстройством [1]. Типы психических расстройств различны, но все они характеризуются «клинически значимым нарушением когнитивной функции, эмоциональной регуляции или поведения человека» [1]. В Российской Федерации психические расстройства и расстройства поведения включены в перечень социально-значимых заболеваний [2]. И это не случайно, поскольку человек как живущий в социуме индивид не может жить обособленно, не контактировать с другими субъектами, исключая для себя сферу общественных отношений, в том числе урегулированных правом. Но именно с точки зрения права для участия в различных правоотношениях важное значение приобретает характеристика правосубъектности лица, определяемая через состояние правоспособности и дееспособности. Еще со времен древнего Рима на дееспособность лица влияли различного рода душевные болезни, ибо «в основе дееспособности лежит способность субъекта понимать и желать» [3, с. 47], что за умалишенными не признавалось. Однако, по словам С. Чезаре, недееспособность умалишенного не связывалась с юридическим актом, а сохраняла свое значение лишь в периоды душевного нездоровья лица [3, с. 47].

В современный период психическое расстройство, являющееся основанием для ограничения лица в дееспособности или признания лица недееспособным, связано исключительно с судебным решением. Соответственно возникает вопрос о том, насколько вне применения судебной процедуры психическое расстройство влияет на способность лица участвовать в гражданских правоотношениях, прежде всего в сфере сделок. С одной стороны, при наличии полного объема дееспособности, даже при наличии психического расстройства, гражданин не лишен права участия в гражданском обороте. С другой стороны, психическое расстройство (в зависимости от диагноза и характера течения) может стать препятствием к свободному волеизъявлению. Именно поэтому с целью защиты прав и интересов самого лица, страдающего психическим расстройством, и иных лиц, чьи права и интересы затрагиваются фактом совершения сделки, закон предусмотрел право их оспаривания по ст. 177 ГК РФ. При ее применении суды, при диагностированном или выявленном у лица психическом заболевании, как правило, выносят решение о признании сделки недействительной [4; 5; 6]. Такой подход не во всех случаях может оказаться верным, поскольку сам по себе факт психического заболевания может не влиять на способность гражданина понимать значение своих действий и руководить ими. Поэтому в ряде случаев суды абсолютно верно учитывают степень выраженности психического расстройства [7]. И если соответствующие факты не находят подтверждения, то принимается решение об отказе в иске [8].

Но есть ли правовые механизмы, позволяющие предотвратить негативные последствия совершенной сделки лицами, имеющими психические расстройства, для ее участников и иных лиц?

В статье 43 Основ законодательства о нотариате предусмотрена обязанность нотариуса проверять дееспособность лица при совершении сделок [9]. Проблема поиска информации об объеме дееспособности гражданина активно обсуждалась в литературе и в настоящее время она уже нормативно решена. Так, в соответствии с п. 32 Приказа Минюста от 30.08.2017 № 156 при удостоверении

договора нотариус посредством Единой информационной системы нотариата (далее – ЕИС) запрашивает из Единого государственного реестра недвижимости информацию о наличии (отсутствии) судебного акта о признании заявителя недееспособным или ограниченно дееспособным и (или) из Единой государственной информационной системы социального обеспечения сведения об ограничении дееспособности гражданина или о признании гражданина недееспособным, а также восстановлении дееспособности, приобретении полной дееспособности [10]. Таким образом, если до недавнего времени у нотариуса вообще отсутствовал доступ к каким-либо официальным источникам информации о психическом состоянии граждан, то в настоящее время с целью проверки объема дееспособности гражданина в распоряжении нотариуса есть два информационных сервиса: Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) и Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО).

Однако стоит заметить, что на практике выполнение обязанности по проверке дееспособности в ряде случаев понимают расширительно, и некоторые нотариусы предлагают лицу перед совершением сделки предоставить заключение комиссии врачей-психиатров об отсутствии отклонений в психическом здоровье. Для других нотариусов достаточным является представление справки о том, что обратившееся лицо не состоит на учете в психоневрологическом диспансере по поводу наличия психического заболевания. Тем самым нотариус не только проверяет объем дееспособности гражданина, но и получив заключение о психическом состоянии лица, фактически решает вопрос об участии такого субъекта в гражданском обороте. В связи с этим возникает закономерный вопрос, насколько это требование со стороны нотариусов является правомерным? В доктрине есть сторонники расширительного толкования способов определения дееспособности лица. Так, В. В. Ярков отмечает сложность того момента, «когда в результате беседы, оценки поведения граждан и т. п. (а это тоже «способы» определения дееспособности) появляются сомнения в том, что гражданин

дееспособен», и предлагает нотариусу «предпринять все возможные меры к тому, чтобы рассеять все свои сомнения и предположения» [11, с. 124]. Е. А. Борисова прямо указывает на то, что «выяснение дееспособности граждан заключается в получении достоверной информации о возрасте гражданина и в необходимых случаях о состоянии его психического здоровья» [12]. Оценку психического состояния лица нотариус производит в том числе из личной беседы с лицом, желающим совершить сделку. Такой «разговорный порядок выяснения дееспособности» определен и в издаваемых Федеральной нотариальной палатой рекомендациях. Так, в отношении удостоверяемых завещаний и наследственных договоров определено, что «способность завещателя понимать значение своих действий или руководить ими проверяется путем проведения нотариусом беседы с обратившимся лицом. В ходе беседы нотариус анализирует адекватность поведения и ответов на задаваемые вопросы и делает вывод о способности гражданина понимать сущность и значение совершаемых им действий, руководить ими и осознавать их правовые последствия. При наличии сомнений в способности завещателя понимать значение своих действий, руководить ими или осознавать их последствия нотариус вправе отложить совершение нотариального действия (ст. 41 Основ) и запросить сведения из Единого государственного реестра недвижимости о наличии (отсутствии) судебного акта о признании завещателя недееспособным или ограниченно дееспособным, а также в рамках ст. 15 Основ предложить представить документы, исключающие сомнения в его способности понимать значение своих действий и руководить ими (например, заключение эксперта о дееспособности и сделкоспособности)» [13].

Получается, что нотариус, основываясь только на своих субъективных ощущениях, может прийти к выводу о том, что обратившийся к нему гражданин не осознает или не в полной мере осознает значение своих действий. Примечательным является то, что в такой ситуации нотариус не может отказать в совершении нотариального действия из-за отсутствия в ст. 48 Основ законодательства о нотариате такого основания. Отказ возможен лишь в тех случаях, когда

с просьбой о совершении нотариального действия обратился недееспособный гражданин. Если у нотариуса возникли сомнения, он, в соответствии с ст. 41 Основ законодательства о нотариате, вправе отложить совершение нотариальных действий с целью истребования дополнительных сведений о дееспособности лица.

Полагаем, что нотариус может предложить, но не вправе требовать предоставления справок из психиатрического диспансера, если у него возникли сомнения относительно состояния здоровья гражданина. Такое требование можно расценить как нарушающее право гражданина на неприкосновенность частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ). Кроме того, получение подобного рода справок может быть осложнено необходимостью физического пребывания лица в соответствующих лечебных учреждениях и требует значительных временных затрат, что создает дополнительные препятствия при осуществлении гражданских прав.

О необходимости защиты и предоставлении равного объема прав лицам с психическими отклонениями гласят и правовые нормы. В соответствии со ст. 5 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Ограничение прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами РФ [14]. Ограничение прав и свобод лиц, страдающих психическими расстройствами, только на основании психиатрического диагноза, фактов нахождения под диспансерным наблюдением или пребывания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, а также в стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами, не допускается. Эти положения российского закона о недопустимости ограничения прав граждан, страдающих психическими расстройствами, подкрепляет важная презумпция отсутствия психического расстройства (заболевания), установленная в ст. 5 Мо-

дельного закона, в соответствии с которой лицо считается не имеющим психического расстройства (заболевания), пока наличие психического расстройства (заболевания) не будет установлено по основаниям и в порядке, которые определены национальным законодательством [15]. Но даже при наличии психического расстройства Принцип 4 «Диагностика психического заболевания», принятый на заседании Генеральной ассамблеи ООН, гласит о том, что «никакое лицо не может принуждаться к прохождению медицинского осмотра с целью определения того, страдает ли оно психическим заболеванием, кроме как в соответствии с процедурой, предусмотренной внутригосударственным законодательством» [16]. Следовательно, и требование нотариуса о прохождении медицинского освидетельствования на предмет наличия психического заболевания перед совершением сделки, как не основанное на какой-либо законодательной процедуре, не является правомерным. Любое психически больное лицо имеет право на осуществление всех гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, признанных во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Международном пакте о гражданских и политических правах и в других соответствующих документах, таких как Декларация о правах инвалидов и Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принцип 1 «Основные свободы и права» Резолюции 46/119). Свободное участие лиц, страдающих психическими расстройствами, в гражданском обороте дополняется необходимыми законодательными предписаниями о возможности оспаривания совершенных сделок в случае нарушения прав такой категории субъектов (ст. 177 ГК РФ).

Таким образом, стабильная работа ЕИС нотариата и обеспечение доступа к базам данных ограниченно дееспособных и недееспособных лиц в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия значительно облегчило работу нотариусов, способствуя стабильности и законности гражданского оборота. Важным шагом в этом направлении является развитие системы биометриче-

ской удаленной идентификации граждан, применение которой ограничено из-за относительно небольшого количества лиц, зарегистрированных в этой системе. В любом случае вводимые государством меры позволят нотариусу максимально эффективно идентифицировать личность обратившегося за совершением нотариальных действий лица. Но в то же время введение в российскую практику дистанционного удостоверения сделок вновь возвращает к вопросу о правомерности проверки психического состояния лица перед совершением сделки. Следует понимать, что не любое психическое состояние, даже подтвержденное фактом нахождения под диспансерным наблюдением, свидетельствует о невозможности лица понимать значение своих действий и руководить ими. Для упорядочения сложившейся ситуации видится необходимым на законодательном уровне сохранить обязанность по проверке дееспособности лица (посредством информации из ЕГРН и ЕГИССО), но дополнительно ввести обязанность нотариуса посредством личной беседы насколько это возможно определить способность лица к совершению сделки (без представления каких-либо специальных документов о психическом здоровье лица).

Известно, что нотариат выполняет от имени государства публично-правовые функции посредством удостоверения бесспорных прав и фактов, осуществляя тем самым охрану субъективных прав обратившихся физических и юридических лиц. Отмеченное позволяет квалифицировать деятельность нотариусов как особую форму участия в осуществлении государственной власти путем составления актов, имеющих особую, прежде всего доказательственную силу и подлежащих обязательному исполнению. Учитывая современные реалии, необходимость последовательного реформирования институтов нотариата стоит подчеркнуть. Именно в этой сфере должны действовать особые механизмы, направленные на эффективную защиту прав и законных интересов всех граждан. Полагаем, должно быть найдено оптимальное соотношение, которое обеспечит защиту обратившихся к нотариусу лиц и поможет защитить права и законные интересы всех участников нотариального производства.

Список литературы

1. Психические расстройства. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 (ред. от 31.01.2020) // СЗ РФ. – 2004. – № 49. – Ст. 4916.
3. Чезаре С. Курс римского частного права: учебник / под ред. Д. В. Дождева. – М. : Бек, 2002. – 400 с.
4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.03.2020 по делу № 88-4142/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.12.2022).
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.12.2020 по делу №33-35199/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.12.2022).
6. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.05.2018 № 17АП-4518/2018-ГК по делу № А71-13390/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.12.2022).
7. Решение Железнодорожного районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 10 февраля 2020 г. по делу № 2-2154/2019. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.12.2022).
8. Решение Черновского районного суда г. Читы (Забайкальский край) от 28 мая 2018 г. по делу № 2-525/2018. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.12.2022).
9. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 14.07.2022) // Росс. газ. – 1993. – № 49.
10. Приказ Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 24.11.2021) «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» (вместе с «Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных

действий, и способ ее фиксирования», утв. решением Правления ФНП от 28.08.2017 № 10/17, приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156) (Зарегистрировано в Минюсте России 06.09.2017 № 48092).

11. Нотариальное право : учебник / Б. М. Гонгало, Т. И. Зайцева, И. Г. Медведев [и др.] ; под ред. В. В. Яркова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Статут, 2017. – 576 с.

12. Гражданский процесс : учебник / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова [и др.] ; под ред. М. К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. – 960 с.

13. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.12.2022).

14. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 30.12.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1913.

15. О модельном законе «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Постановление № 52-5 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Принято в г. Санкт-Петербурге 16.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.12.2022).

16. Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (Приняты 17.12.1991 Резолюцией 46/119 на 75-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.12.2022).

Р. Е. Афанасьев,

аспирант ИПСУБ ФГБОУ ВО

«Удмуртский государственный университет»,

директор ООО «ЮФ «Афанасьевы и партнеры»,

г. Набережные Челны

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТЧИКА ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ИСКА К НАСЛЕДСТВЕННОМУ ИМУЩЕСТВУ

В российском наследственном праве имеется чётко кодифицированная, не требующая толкования норма права – п. 4 ст. 1152 Гражданского кодекса Российской Федерации, регламентирующая, что «принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации» [1].

Однако в российском праве, которое относится к романо-германской правовой семье, последнее время набирает обороты тенденция, когда вышестоящие суды не только толкуют нормы права, но и положения Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации, которые становятся и самостоятельным источником права: они фактически устанавливают не только новые нормы права с расширительным толкованием положений гражданского законодательства, но зачастую устанавливают прямо противоречащее федеральному законодательству положение.

Одна из таких фактических «норм», введённая постановлением Пленума, как раз и является предметом внимания.

С институтами открытия наследства и получением свидетельства о праве на наследство законодатель связывает определенные юридические последствия в гражданском судопроизводстве. В случае смерти гражданина ст. 44, 215, 220 Гражданского процессуаль-

ного кодекса Российской Федерации [2] предусматривают два различных юридических последствия:

– если отношение предполагает правопреемство (если право, о котором имеется спор в суде, наследуется), то суд приостанавливает производство по делу до получения наследниками свидетельства о праве на наследство и производит в дальнейшем замену стороны;

– если отношение не предполагает правопреемства (если право, о котором имеется спор в суде, связано с личностью гражданина и не подлежит наследованию), то суд прекращает производство по делу.

Иных юридических последствий закон не предполагает.

Однако Пленум Верховного Суда РФ ввёл новую правовую позицию по данному вопросу в п. 6 Постановлении от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»: суд отказывает в принятии искового заявления, предъявленного к умершему гражданину, со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, поскольку нести ответственность за нарушение прав и законных интересов гражданина может только лицо, обладающее гражданской и гражданской процессуальной правоспособностью. В случае, если гражданское дело по такому исковому заявлению было возбуждено, производство по делу подлежит прекращению в силу абз. 7 ст. 220 ГПК РФ с указанием на право истца на обращение с иском к принявшим наследство наследникам, а до принятия наследства – к исполнителю завещания или к наследственному имуществу (п. 3 ст. 1175 ГК РФ) [3].

Таким образом, получается, что наследственное имущество принадлежит наследнику не со дня открытия наследства, а со дня принятия, а производство по делу в суде можно прекратить в определённых случаях, даже если оно и предполагает правопреемство.

Принимая данные положения, Пленум Верховного суда не изменил норму, а просто дал расширительное толкование спорных, возникающих на практике, случаев. Вопрос истолкования разрешён, применяется на практике. Так, определением Елабужского городского суда Республики Татарстан по иску М., А., А., А. к Н. [4] производство по делу было прекращено, так как смерть ответчика

наступила до подачи иска, хотя это стало известно лишь в ходе судебного заседания.

Этим же определением Елабужского городского суда РТ со ссылкой на вышеуказанное постановление Пленума ВС РФ предложено обратиться с иском к наследственному имуществу.

Таким образом, в российской правовой системе объекты наследственного права наделены способностью нести и осуществлять гражданские права, быть ответчиком в суде.

Вспоминается теория фикции юридического лица К.-Ф. Савиньи, главы исторической школы права. Согласно данной теории государство может расширить круг правоспособных лиц за счёт образования искусственных субъектов права. Таким образом, Савиньи наделял правоспособностью и дееспособностью юридических лиц [5]. Он утверждал, что человек, и только человек, является действительным субъектом права. Позитивное право по своему усмотрению может, однако, либо сузить круг правоспособных лиц, либо наоборот расширить его за счет образования искусственных субъектов права. Юридическое лицо представляет собой не что иное, как искусственно созданный посредством простой фикции субъект права [6].

Можно полагать, что Пленум Верховного Суда развил положения теории фикции юридического лица, перенёс её в положения на неодушевлённый предмет как субъект гражданско-процессуального права. В итоге тысячи практикующих юристов вынуждены наделять земельные участки, жилые помещения, иные объекты, входящие в наследственную массу, гражданской процессуальной правоспособностью и дееспособностью.

После прекращения производства по делу М., А., А., А. к Н. в Елабужский городской суд был предъявлен иск к ответчикам земельному участку и жилому дому как искусственным образованиям, наделенным правоспособностью и дееспособностью.

Иск был принят к производству, у нотариуса истребовано наследственное дело, и по истечении 6 месяцев с момента открытия наследства фиктивные «лица» были заменены физическими – наследниками Г., Р. и исполкомом сельского поселения,

вступившими в свои права путём получения свидетельства о праве на наследство [7].

Временное наделение объектов гражданского права, входящих в наследственную массу, правоспособностью и дееспособностью как юридических лиц противоречит нормам гражданского процессуального законодательства – статьям 36 и 37 ГПК РФ.

Однако гражданское право наделяет наследственное имущество правоспособностью.

В соответствии с п. 3 ст. 1175 ГК РФ до принятия наследства требования кредиторов могут быть предъявлены к наследственному имуществу, в целях сохранения которого к участию в деле привлекается исполнитель завещания или нотариус.

Налицо правовая коллизия между гражданским правом и гражданским процессом. Кажется, что разрешить коллизию невозможно, однако в дореволюционной юриспруденции данная коллизия уже была разрешена.

Г. Ф. Шершеневич указывает: «С момента открытия наследства до принятия его наследником имущество, составляющее наследственную массу, находится в неопределенном положении, так как не имеет хозяина. Прежний субъект отношений выбыл, а новый еще не вступил. Наследственная масса становится сама субъектом входящих в нее прав и обязанностей и представляет собою юридическое лицо. К этой массе предъявляются все иски, которые могли бы быть предъявлены к наследодателю, если бы не смерть его. Само собою разумеется, что наследственная масса может выступить на суде не иначе как в лице представителя. Поэтому для предъявления иска к наследственной массе истец должен предварительно просить о назначении опеки, если таковая еще не учреждена» [8].

Таким образом, для устранения коллизии необходимо наделить наследственную массу правами и обязанностями юридического лица – законного представителя, внося соответствующие изменения в ст. 1175 ГК РФ и ст. 52 ГПК РФ. Так будет правильно, потому что объект не может обладать гражданской процессуальной правоспособностью и дееспособностью.

Кроме того, необходимо внести изменения и в Постановление Пленума, затрудняющее доступ к правосудию.

Статьи 44, 215 и 220 ГПК РФ определяют последствия смерти стороны спора тогда, когда дело было принято к производству. С точки зрения нормы права не имеет значения ни для суда, ни для сторон, когда наступила смерть – до предъявления иска или после. Истец, как и суд не имеют обязанности знать, находится в живых или нет сторона по делу. Для этого законодатель и ввёл норму права о процессуальном правопреемстве. Введённое же Пленумом ВС РФ правоположение только ограничивает доступ к правосудию. Необходимо исключить данный пункт из Постановления Пленума Верховного Суда РФ либо внести изменения, изложив его в следующей редакции:

«В случае, если истец при предъявлении иска не знал о смерти ответчика, и гражданское дело было возбуждено по иску к умершему гражданину, производится замена выбывшей стороны на наследственную массу как юридическое лицо – законного представителя. Производство по делу подлежит приостановлению в силу абзаца первой статьи 215 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации до определения правопреемника лица, участвующего в деле (статья 217 ГПК РФ).

В случае, если лицо знало о смерти ответчика, иск предъявляется к наследственной массе как юридическому лицу – законному представителю, производство по делу приостанавливается. По истечении срока принятия наследства производство по делу возобновляется и определяется круг правопреемников.».

Указанные изменения законодательства исключат правовую коллизию, обеспечат доступ к правосудию и исключат неоднократные обращения в суд по одному и тому же вопросу.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвёртая: текст с изм. и доп. на 1 октября 2022 г.;

таблица изменений, путеводитель по судебной практике. – М. : ЭКСМО, 2022. – 960 с.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

3. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. Июль, 2012.

4. Определение Елабужского городского суда Республики Татарстан от 07 декабря 2017 г. № 2-2345/2017 ~ М-2175/2017 // Архив Елабужского городского суда Республики Татарстан.

5. Savigny, Friedrich Carl von. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 2. Berlin, 1840.

6. Гражданское и торговое право капиталистических государств : учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / Е. А. Васильев, В. В. Зайцева, А. А. Костин [и др.] ; отв. ред. Е. А. Васильев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Междунар. отношения, 1992. – 554, [2] с.

7. Дело № 2-1089/2018 ~ М-752/2018 Елабужского городского суда Республики Татарстан // Архив Елабужского городского суда Республики Татарстан.

8. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5: учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2017. – С. 706.

Р. Р. Рахматуллин,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»,
г. Казань*

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ведущие ученые-криминалисты второй половины 20 века (Белкин Р. С., Винберг А. И., Драпкин Л. Я., Зуйков Г. Г., Лузгин И. М., Лавров В. П., Яблоков Н. П. и др.) включили в предмет криминалистики закономерности возникновения, собирания, исследования и оценки доказательств. Используя эти закономерности, практика весьма успешно раскрывала преступления, что позволяло в дальнейшем качественно и эффективно их расследовать.

Однако на современном этапе эти закономерности проявляются слабо, а в целом не используются должным образом практикой. В результате резко упала раскрываемость преступлений. Так, по сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России раскрываемость преступлений в 2021 году составила 52,5 %, не раскрыто 963,8 тыс. преступлений [1]. Совершившие эти преступления лица остаются неустановленными либо установленными, но находящимися в розыске и не несущими ответственность.

Автором предлагается новая идеология раскрытия преступлений, которая рассматривает процесс раскрытия как длинный, циклический и порой нескончаемый процесс. Он осуществляется на следующих этапах:

I этап – *оперативно-розыскная деятельность по выявлению преступления.*

В условиях угроз и вызовов современности, связанных с усилением противодействия раскрытию преступлений, возросшей криминальной квалификацией и организованностью преступных

структур, собрать достаточно доказательств только традиционными следственными действиями для изобличения преступников практически невозможно. Всему процессу раскрытия преступлений необходимо оперативно-розыскное сопровождение.

Оперативно-розыскная деятельность, основанная прежде всего на негласных методах работы, была предметом исследований исключительно специалистов теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Однако содержание отдельных норм УПК РФ (ст. 185, 186, 186.1) свидетельствует: вольно или невольно следователь фактически становится участником оперативно-розыскных правоотношений. Например, следователь в любое время может истребовать от оперативного аппарата материалы контроля и записи переговоров фигурантов уголовного дела (ч. 6 ст. 186 УПК РФ), по согласованию с оперативными сотрудниками может инициировать в рамках следственно-оперативной комбинации отдельные действия разрабатываемых лиц.

Дискуссионными являются вопросы о пределах допуска следователя к негласной деятельности. Практика подтверждает целесообразность и необходимость ознакомления следователя с оперативно-розыскной информацией, а фактически подключения к деятельности по установлению события преступления и лица, совершившего или замышляющего совершение преступления, уже на этапе оперативно-розыскной деятельности по выявлению преступления, т. е. еще до начала процессуальной предварительной проверки сообщения о происшествии в соответствии со ст. 144 УПК РФ. Это позволит в дальнейшем более целенаправленно и эффективно использовать оперативно-розыскную информацию в ходе расследования выявленного преступления. Как справедливо отмечает Е. А. Травкин, следователь может обратить внимание на процессуально важные моменты, которым оперативный сотрудник не придает значения, на упущения в оперативных наработках; подключаться к их планированию и проведению, способствуя разработке и реализации тактически грамотных, процессуально выдержанных решений [2].

Эффективность такой совместной деятельности по раскрытию преступлений предопределяется следующими условиями:

- должный взаимный обмен следственной и оперативной информацией возможен только на доверительной основе;
- субъекты раскрытия, обменивающиеся информацией, профессионалы, знающие цену сохранности следственной и оперативно-розыскной тайны;
- координация взаимодействия и обмена информацией осуществляется на высоком организационном уровне.

II этап – предварительная проверка сообщения о происшествии, когда отсутствуют явные признаки преступления.

Новые положения уголовно-процессуального закона оказывают существенное влияние на формирование современной модели досудебного производства. В редакции ст. 144 УПК РФ от 4 марта 2013 г. существенно расширен перечень проверочных действий, которые разрешается проводить до возбуждения уголовного дела, тем самым увеличив возможности компетентных органов по раскрытию преступлений. Эти законодательные нововведения отвечают прежде всего требованиям ч. 2 ст. 21 УПК РФ, обязывающей в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

О полноценном начале уголовного судопроизводства на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении свидетельствует и п. 6 ч. 2 ст. 49 УПК РФ, где предусмотрена возможность участия защитника в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Тактика проверки сообщения о преступлении складывается в основном из планирования, выбора и реализации тактических приемов проведения отдельных проверочных действий. Средствами проверки могут являться процессуальные действия, предусмотренные УПК РФ (ст. 144), иные непроцессуальные средства, предусмотренные ведомственными нормативными правовыми актами. Наиболее распространенным средством проверки сообщения о преступлении является *опрос в форме получения объяснений*. При

обнаружении признаков и факторов противодействия можно планировать использование следующих тактических приемов: легендирование цели опроса; постепенное подведение опрашиваемого через выясняемые второстепенные вопросы к основной цели опроса; внезапные вопросы и др. Учитывая, что процесс забывания особенно интенсивен в первые 1–2 часа после события, возникает необходимость проведения опроса сразу после происшествия с использованием *когнитивного* метода.

В ходе проведения таких проверочных процессуальных действий, как *осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствования*, особое внимание должно быть уделено выявлению признаков противодействия. Например, о «негативных» обстоятельствах свидетельствуют данные об отсутствии на месте происшествия следов, которые должны были появиться в процессе инсценируемого события, или об обнаружении следов, которых не должно быть, если бы используемое событие было не мнимым, а реальным. Особое место среди признаков противодействия занимают так называемые *улики поведения*, проявляемые через поведение очевидцев, потерпевших и иных лиц на месте происшествия.

В связи с ограниченностью сроков проверки сообщения о преступлении важно своевременно привлечь нужных специалистов для получения консультаций по каким-либо специальным вопросам, производства предварительных исследований по поручению следователя, участия в процессуальных действиях. Следователь уже при проверке сообщения, с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г., получил все возможности для *назначения судебной экспертизы* (получение образцов, истребование документов и др.).

С тактических позиций важно, что участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 настоящего Кодекса. С тактической (как и с процессуальной) точки зрения весьма важным является новая норма закона, предписывающая обеспечить (при необходимости) безопасность участников уголовного судопроизводства в порядке, установленном ч. 9 ст. 166

УПК РФ, в том числе уже и при приеме сообщения о преступлении. При этом должны соблюдаться и требования ФЗ № 45 1995 г. и ФЗ № 119 2004 г., регламентирующие меры безопасности, принимаемые в отношении участников уголовного судопроизводства.

Важное значение в ходе раскрытия преступлений на стадии проверки имеет должное взаимодействие между сотрудниками следственных и оперативных подразделений. Наиболее эффективными будут следующие формы взаимодействия:

а) *совместное обсуждение и анализ материалов, собранных оперативным путем, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.* Следователь может высказать свое мнение о перспективах реализации оперативных материалов, дать рекомендации о направлении и объеме дальнейшей проверки и др.;

б) *обоюдный обмен информацией между следователем и оперативным работником;*

в) *выполнение оперативными работниками поручений следователя.*

В целом своевременное выявление признаков и факторов противодействия на этапе предварительной проверки сообщения о происшествии будет способствовать быстрому и наиболее полному раскрытию преступлений.

III этап – *в ходе расследования по «горячим следам».*

На данном этапе осуществляется деятельность по установлению максимальной доказательственной и ориентирующей информации об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в кратчайшие сроки с момента обнаружения преступления (на практике – за трое суток; по отдельным делам – до 15 дней) [3].

Особенность (специфика) раскрытия по горячим следам определяется: внезапностью возникновения ситуации, требующей расследования; дефицитом времени для принятия процессуальных и тактических решений, а также для их осуществления; большой динамичностью процесса расследования, быстрой сменой обстановки; недостатком информации (о характере события, лице, совершившем преступление) при принятии решений, вызванной прежде всего

противодействием раскрытию преступлений; необходимостью безотлагательного использования новой поступающей информации.

При производстве осмотра места происшествия чаще используется осмотр по ситуационным узлам, т. е. первоочередное обследование тех его участков, где, по мнению осматривающего, могут находиться наиболее важные для быстрого раскрытия преступления следы преступной деятельности и иные объекты, имеющие отношение к расследуемому уголовному делу. Также важно выяснять вопрос о том, какие следы, связанные с преступлением и обстановкой его совершения, могли остаться на теле и одежде преступника (частицы почвы с места происшествия, повреждения на одежде при преодолении препятствий, следы крови при убийстве и т. п.)

При *допросе (опросе)* потерпевшего и свидетелей очевидцев ставится задача – в максимально сжатое время получить важную информацию для установления события преступления и лица, его совершившего. Для фиксации их показаний в условиях дефицита времени целесообразно использовать аудиовидеозапись.

В ходе розыскных действий по горячим следам должна использоваться учетно-регистрационная информация. С помощью криминалистических учетов можно быстро установить личность погибшего по трупу, факты совершения серии преступлений одним и те же лицом (способом) в разных местах, а также осуществляется розыск скрывшихся преступников, предметов преступного посягательства.

Положительным результатом поисковых действий «по горячим следам» явится установление и *задержание* подозреваемого. Если преступление совершено группой, состав которой еще точно не известен, следует на какое-то время сохранить в тайне сам факт задержания.

IV этап – *последующий (основной) период расследования*. Здесь решаются задачи собирания, проверки, оценки и использования доказательств в полном их объеме соответственно предмету доказывания. На данном этапе в равной степени устанавливаются все обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, однако это не снижает значимости установления события преступления и лица, его совершившего.

V этап – работа по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях.

Важным организационным и тактико-криминалистическим условием повышения эффективности деятельности по раскрытию преступлений на данном этапе является анализ материалов приостановленного дела. Наряду с материалами приостановленного дела особым объектом, требующим внимательного изучения, являются материалы оперативно-поискового дела, заведенного по факту нераскрытого преступления.

Прежде всего с истечением времени преступники и их связи теряют бдительность, начинают проговариваться о совершенном или совершать другие действия, свидетельствующие о причастности преступника к ранее совершенному преступлению. Также при совершении новых преступлений преступник может оставлять аналогичные следы.

При составлении аналитической справки, помимо общих вопросов, решаемых в процессе анализа, следует отметить все выявленные факторы и признаки противодействия раскрытию и расследованию, следственные ошибки, пробелы и иные недоработки следствия. Их своевременное выявление будет способствовать проведению дополнительных мер по раскрытию преступления по возобновленному делу.

VI этап – расследование по возобновленному делу.

Существенные особенности имеет тактика отдельных следственных действий, проводимых при возобновлении дела спустя длительное время после его приостановления. Фактор времени оказывает наибольшее влияние на специфику производства допроса. При допросе добросовестных свидетелей могут применяться известные в криминалистике приемы активизации мыслительных усилий допрашиваемых с целью помочь им вспомнить и воспроизвести забытые с течением времени сведения. При допросе недобросовестного свидетеля (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого) используются тактические приемы, подробно описанные в криминалистической литературе [4].

Допросу должна предшествовать тщательная подготовка. В частности, изучение личности недобросовестного допрашиваемого с помощью как гласных, так и негласных мер позволяет установить, не изменились ли со времени первого расследования его взгляды и взаимоотношения, препятствовавшие тогда получению от него правдивых показаний.

По возобновленному делу следователь обычно располагает значительно большей по объему информацией о преступлении, чем перед осмотром места происшествия на первоначальном этапе расследования, поэтому установленное место происшествия, ранее неизвестное, позволяет лучше организовать осмотр, сделать его более целеустремленным и в какой-то мере компенсировать утрату информации, происходящую вследствие изменений в обстановке.

Тактические приемы поисков при *обыске* по возобновленному делу большой специфики не имеют. Однако следует учесть, что с течением времени преступник успокаивается, решив, что опасность разоблачения миновала. Так, нередко он приносит домой спрятанные ранее в другом месте вещи и начинает ими пользоваться. Искомыми объектами могут стать ранее не существовавшие важные для дела предметы, документы и следы, например, переписка между соучастниками преступления, квитанции об отправлении посылки или денег, следы тренировочных выстрелов из огнестрельного оружия и т. п.

VII этап – в ходе судебного следствия.

Деятельность по раскрытию преступления осуществляется и на стадии судебного разбирательства, где фактически продолжается следствие (судебное), а по наиболее сложным и резонансным делам – оперативно-розыскное сопровождение. В ходе производства судебно-следственных действий и оперативно-розыскного сопровождения могут выявляться новые существенные обстоятельства по уголовному делу, которые направляются для проверки органам расследования, по другим обстоятельствам может проводиться проверка оперативно-розыскными мерами.

Таким образом, можно утверждать о длительности, цикличности, а порой нескончаемости процесса раскрытия преступления. В науке и практике также не существует единообразного понимания того, с какого момента считать преступление раскрытым. Думается, раскрытие преступлений как задача (цель) должна стоять перед правоохранительными органами, и эта задача должна быть обозначена в нормативном акте. Но речь должна идти только о «предварительно раскрытом преступлении». В связи с этим текст той же ч. 2 ст. 21 УК РФ следует продолжить словами: «...с привлечением лица в качестве обвиняемого с момента предъявления ему обвинения преступление считать предварительно раскрытым». В условиях состязательного процесса после привлечения лица в качестве обвиняемого процесс раскрытия продолжится до максимально полного раскрытия преступления.

Список литературы

1. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. – URL: <http://crimestat.ru/analytics>
2. Травкин Е. А. Взаимодействие следователей Следственного комитета с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 101.
3. Криминалистика: конспект лекций : учебное пособие / В. П. Лавров, Р. Р. Рахматуллин, В. И. Романов, А. Н. Шалимов ; под общ. ред. В. П. Лаврова. – Москва: Проспект, 2016. – С. 206.
4. Зорин Г. А. Тактический потенциал следственного действия. – Минск, 1989; Филонов Л. Б. Психологические способы изучения личности обвиняемого. – М., 1983; Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты. – М., 2013.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – С. 294.

Ф. А. Абашева,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»*

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ СТАДИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

1 июля 2022 года исполнилось 20 лет действия уголовно-процессуального кодекса постсоветской Российской Федерации (УПК РФ 2001 г.). Данный законодательный акт разрабатывался и принимался в сложный период социально-экономических преобразований, связанных с курсом на построение в России подлинно демократического правового государства, все законодательные акты которого должны быть пронизаны идеями верховенства права во всех областях социальной жизни, приоритетом прав и законных интересов личности, служения человеку, как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ). Решение такой задачи потребовало весьма значительных усилий всего социума России, включая его юридическую составляющую, плодотворная деятельность которой привела к тому, что в результате многочисленных корректировок сегодня мы имеем существенно отличающийся от своей первоначальной редакции УПК РФ. Основные наши пожелания обуславливаются, в частности тем, чтобы: во-первых, уголовно-процессуальным регулированием охватывалась полностью сфера уголовно-процессуальных отношений, органически связанная с производством по уголовным делам, их расследованием и разрешением в установленном законом порядке (границы уголовно-процессуального регулирования очерчивались возникновением уголовно-процессуальных отношений посредством принятия информации о преступлении и обращения вступившего в законную силу итогового по уголовному делу уголовно-процессуального решения к исполнению); во-вторых, в качестве таких участников уголовно-процессуальных отношений как

подозреваемые и обвиняемые в совершении преступления лица были только подлежащие в соответствии с главой 4 УК РФ уголовной ответственности лица; и, в третьих, полностью исключить возможность принятия уголовно-процессуальных решений вне подлежащих уголовно-процессуальному доказыванию с игнорированием таких постулатов человеческой цивилизации, как презумпция невиновности и естественной добропорядочности людей.

Достижению всего этого в целом не препятствует и существующая система стадийного построения производства по уголовному делу. Вместе с тем совершенно не исключается возможность также поиска путей его совершенствования, согласованности с условиями развития российского социума. Последнее в период кризисного развития социума приобретает, как правило, особую остроту. В первые годы XXI века число лишь зарегистрированных на официальном уровне преступлений достигло до 4 млн в условиях низкого уровня их раскрываемости. Производство же следственных действий в целях обнаружения и собирания необходимых для раскрытия преступлений доказательств, за исключением создающих трудности, «пробитого» еще в 1963 г. одного следственного действия в виде осмотра места происшествия до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, запрещалось. Вновь стал злободневным вопрос о том, является ли, как отмечал еще в 1989 г. А. Балашов¹²⁸, возбуждение уголовного дела подготовительной стадией уголовного процесса. В развитии данного вопроса среди процессуалистов развивается острая дискуссия. В свете диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и унифицированного правового регулирования» Ю. И. Деришев обосновывал, что стадия возбуждения уголовного дела в настоящее время есть не что иное, как «отслуживший механизм уголовного судопроизводства», и что «досудебное

---

¹²⁸ Балашов А. И. Действительно ли возбуждение уголовного дела – первоначальная стадия уголовного процесса // Социалистическая законность. 1957. № 7. С. 53–54.

производство необходимо рассматривать в виде единой (унитарной) фазы уголовного процесса, предшествующей судебному рассмотрению и разрешению уголовного дела, сроки которого необходимо «исчислять с момента ... начала производства любого следственного действия...»¹²⁹.

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в редакции федерального закона от 30 декабря 2015 г. в редакции № 44-ФЗ в ст. 144 УПК РФ существенно изменился и дополнился значительным расширением возможности производства на этапе проверки сообщения о преступлении процессуальных действий не только в виде получения объяснений, истребования документов и производства их осмотра, производства документальных проверок и ревизий, но и значительным числом следственных действий по обнаружению доказательственной информации, в числе которых – получение образцов для сравнительного исследования, назначение судебных экспертиз с участием в их производстве и получением экспертного заключения, производство осмотра места происшествия, документов, предметов и трупов с привлечением к их исследованию специалистов, а также освидетельствование.

По сути своей, при проверке сообщения о преступлении на предмет наличия в нем признаков преступления стало возможным производство значительного числа следственных действий, проводимых в существующей сегодня стадии производства предварительного расследования, причем вне зависимости от того, производится ли оно в форме предварительного следствия или дознания. Тот же факт, что для производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, требуется постановление суда в соответствии с ст. 165 УПК РФ, не препятствует производству таких действий в установленные ч. 1, ст. 144 УПК РФ сроки – не позднее 3 суток со дня получения сообщения о преступлении. К тому же законодатель допускает возможность

---

¹²⁹ Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. С. 32, 35.

производства осмотра жилища, обыска и выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложения ареста на имущество, указывая в ч. 1 ст. 104.1 УПК РФ условие о нетерпящих отлагательств случаях (ч. 5 ст. 65 УПК РФ).

Что касается сохранения подразделения предварительного расследования на такие формы уголовного судопроизводства как предварительное следствие и дознание, сегодня в условиях формирования органов следствия и дознания специалистами с высшим юридическим образованием, способными расследовать уголовные дела на требуемом качественном уровне с соблюдением установленного ч. 2 ст. 1 УПК РФ единого обязательного порядка уголовного судопроизводства, следует объяснять во многом лишь существующим высоким уровнем преступности в нашей стране, значительная часть которого относится по установленной градации к категории преступлений небольшой и средней степени тяжести (чч. 2 и 3 ст. 15 УК РФ). Качественная характеристика таких преступлений во многом обуславливает существование в правоохранительных органах служб, способных в своем тесном взаимодействии между собой и службой дознания оперативно и качественно расследовать уголовные дела. В ч. 2 ст. 150 УПК РФ надлежит ограничиться лишь указанием на то, что по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней степени тяжести предварительное расследование производится в форме дознания. И, естественно, исключить ч. 1.1 ст. 150 УПК РФ, указывающую на возможность производства дознания как в общей, так и сокращенной форме. Введение на основе Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. в УПК РФ главы 32.1 о производстве дознания в сокращенной форме есть не что иное, как ликвидация при осуществлении расследования в такой форме «практически всех принципов уголовного судопроизводства как такового и доказывания по уголовному делу»¹³⁰, есть прямое отступление от догматической установки о том, что любое

---

¹³⁰ Баев М. О., Баев О. Я. Заметки об очередных изменениях уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 42.

уголовно-процессуальное решение, согласно ч. 3 ст. 7 УПК РФ, должно быть обосновано исследованными в установленном законом порядке доказательствами по уголовному делу.

Представляется, однако, сомнительным констатировать подобное обращение к такой форме дознания, существование которой обуславливается зарегистрированным, как отмечено, достаточно высоким уровнем преступности в стране. Как попирающая все основы правового государства надобность в такой форме дознания, как представляется, в сравнительном недалеком будущем, безусловно, отпадет. Преступность, как присущее практически любому социуму негативное социальное явление, обуславливает необходимость деятельности по установлению обстоятельств совершенных преступлений для того, чтобы судебная власть использовалась только к лицам, чья вина в инкриминируемом преступлении будет доказана, как отвечающая всем требованиям совокупностью доказательств. Это обстоятельство и требует качественного досудебного производства по уголовным делам, которое надлежит считать конечной стадией в рамках досудебного уголовного судопроизводства, завершающего уголовно-процессуальную деятельность, направление всего производства по уголовному делу в орган государственной власти в лице судов для осуществления правосудия.

Позволим некоторые отступления от логики изложения содержания данной статьи. Дело в том, что в своей статье «Тенденция совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики», ставшей заглавной в монографии профессора Н. Г. Муратовой «Уголовный процесс: проблемы и идеи», известный всем нам ученый Б. Я. Гаврилов выразил свое несогласие с предложениями ряда исследователей процессуалистов о фактическом отказе от предварительного следствия. Тем не менее, Б. Я. Гаврилов считает, что «это не отвергается в будущем»¹³¹. Такая позиция уважаемого ученого есть не что иное, как своеобразная платформа для критики современного российского уголовного судопроизводства.

---

¹³¹ Муратова Н. Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи. М., 2021. С. 6.

Анализ, сформулированной профессором Б. Я. Гавриловым концепции совершенствования досудебного производства по уголовным делам, как это видно из названия указанной статьи, есть свидетельство о необходимости конструирования единой унифицированной стадии уголовного процесса в виде его досудебного производства по уголовным делам, осуществляемого как в форме предварительного следствия, так и дознания.

Вполне обоснованными являются предложения уважаемого ученого о необходимости, в частности, увеличения по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей; возвращения в УПК РФ возможности «заочного заключения по судебному решению под стражу скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск подозреваемого или обвиняемого»¹³².

В то же время ряд его предложений вызывают серьезные возражения. В их числе суждения о необходимости исключения из УПК РФ института предъявления обвинения с аргументацией того, что: во-первых, действующий УПК РФ фактически не содержит различия в правовом положении подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ); во-вторых, тем, что «в суд за годы действия УПК РФ без классического предъявления обвинения направлено около 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания»¹³³.

В основе подозрения лежит «предположение о возможности совершения преступления»¹³⁴, обвинение же есть не что иное, как «признание виновным в совершении преступления»¹³⁵.

Что же касается аргумента о том, что сегодня адвокаты допускаются к уголовному делу с момента проверки сообщения о преступлении, а не на более позднем этапе производства по уголовному делу, есть лишь свидетельствование реализации права каждого на получение гарантированной ст. 48 Конституции РФ

---

¹³² Муратова Н. Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи. М., 2021. С. 7–8.

¹³³ Там же. С. 7.

¹³⁴ Там же. С. 7.

¹³⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 495.

квалифицированной юридической помощи. Тот же факт, что при производстве дознания не имеет места классическая форма предъявления обвинения, не свидетельствует о том, что обвиняемому до судебного разбирательства неизвестно содержание предъявленного ему обвинения, поскольку согласно ч. 2 ст. 225 УПК РФ «обвиняемый, его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела, о чем делается отметка в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела».

Производство по осуществлению правосудия в суде первой инстанции и составляет содержание последующей стадии российского уголовного судопроизводства, регламентированной в разделе девять УПК РФ с наименованием «Производство в суде первой инстанции». Данное производство по уголовным делам начинается со стадии регулирования общего порядка подготовки дела к судебному заседанию (главы 33, 34 УПК РФ). Законодатель в ст. 227 УПК РФ формулирует и возможное решение суда по поступившему к нему уголовному делу в виде разрешения уголовного дела по подсудности, назначения и проведения предварительного слушания и назначения судебного заседания.

Качественный состав существующего сегодня судейского корпуса (правомерным является и стремление к тому, чтобы судьи имели не только высшее юридическое образование и соответствующий опыт работы, но и степень магистра права) позволяет каждое из вышеназванных решений принимать самостоятельно, единолично. Не думается, что процесс принятия любого из закрепленных в ст. 227 УПК РФ решений надлежит расценивать как содержание какой-либо отдельной стадии уголовного судопроизводства, которую надлежало бы именовать как стадию назначения судебного заседания¹³⁶. Отметим к тому же, что законодатель ст. 271 УПК РФ представляет возможность в подготовительной части судебного разбирательства его участникам со стороны обвинения и защиты заявлять имеющиеся у них обоснованные ходатайства, после раз-

---

¹³⁶ Рябинина Т. К. Нравственные начала уголовного процесса. 2-е изд., пераб. и доп. Курск, 2007. С. 337–338.

решения которых суд и принимает соответствующее уголовно-процессуальное решение (ч. 2 ст. 271 УПК РФ).

Вопросы, подлежащие выяснению по поступившему в суд уголовному делу (ст. 228 УПК РФ), по своему существу и содержанию составляют профессиональную обязанность суда. Назрела необходимость в конструировании какой-либо промежуточной стадии между досудебным производством и производством в суде первой инстанции.

Сердцевиной стадии производства в суде первой инстанции ее центральной части, вне зависимости от особенностей ее осуществления (в общем, упрощенном, усложненном порядке, равно как в отношении отдельной категории подсудности), является регулируемое главами 36–39 УПК РФ, а также разделами 10–12 УПК РФ и ст. 428–432, 446.1–446.3, 451–452 УПК РФ судебное разбирательство.

Проблемы судебного разбирательства в судах первой инстанции во все времена жизни России, в силу их глобальной значимости, связанные с разрешением людских судеб, были, есть и будут занимать свое центральное место в законодательстве и правоприменительной практике и, конечно, в уголовно-процессуальной науке. Сегодня практически все вопросы судебного разбирательства уже подвергнуты своему объективному анализу и разрешению. Вместе с тем служение защите прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ), отправление на должном уровне правосудия обязывает нас к поиску и разработке еще более эффективных средств и способов как по производству самого судебного разбирательства, так и принимаемых судами уголовно-процессуальных решений и, наконец, в первую очередь постановлением справедливых приговоров. С учетом этого позволим уделить внимание актам правосудия по уголовным делам.

Прежде всего надлежит указать на то, что любые постановленные судами процессуальные акты должны согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, а следовательно, и каждый судебный приговор, в соответствии со ст. 297 УПК РФ и постановлением пленума Верховного Суда РФ

«О судебном приговоре» от 29.11.2016 № 55, должны быть законными, обоснованными и справедливыми. Именно таковыми и являются в свете абсолютного большинства и постановленные нашими судами приговоры, в т. ч. измененные вышестоящими судами.

Процент отмененных или подвергнутых тому или иному изменению вышестоящими судами приговоров как в уголовном судопроизводстве советской, так и постсоветской России, в силу допущенных судами ошибок, не превышает 7–8 процентов¹³⁷.

Считаем необходимым обратить внимание на суждения профессора М. С. Строговича о том, что: «Судебные ошибки были, имеются и в силу их возможности приходится считаться в будущем. Не право судей на ошибку ... не существует, такого права не было раньше, нет и сейчас, и не будет в дальнейшем. Судебная ошибка – это всегда нарушение закона ... право на ошибку в уголовном процессе это аморальные, безнравственные представления и ее может породить только дальнейшее нарушение законности и нравственности»¹³⁸.

Препятствовать таким негативным явлениям и призвана стадия пересмотра судебных решений, включая, естественно, и приговоры, не вступивших в законную силу в апелляционном порядке (гл. 45.1 УПК РФ) и вступивших в законную силу приговоров в суде кассационной инстанции (гл. 47.1 УПК РФ) и в порядке возобновления производства по уголовному делу в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49 УПК РФ).

В силу того, что предметом надзорного производства сегодня является лишь судебное решение Апелляционной инстанции Верховного Суда РФ и определения судебной коллегии по уголовным делам самого Верховного Суда РФ, и определения судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, вынесенные ими в кассационном порядке, а также постановления самого Президиума Верховного Суда РФ, есть все основания полагать, что уста-

---

¹³⁷ Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщякова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 37 // Судебный вестник Удмуртии. 2018. № 1. С. 17.

¹³⁸ Строгович М. С. Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 88.

новленный гл. 48.1 УПК РФ порядок производства в суде надзорной инстанции не относится к числу подлежащих пересмотру судебных решений по отправлению правосудия по уголовным делам, а содержит в себе лишь решения, относящиеся к не более чем к категории дисциплинарных.

Таким образом, действующий УПК РФ в структурном отношении регулирует производство по уголовным делам:

- досудебное производство (гл. 19–31 УПК РФ), а по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и ст. 420–427 УПК РФ;
- производство в суде первой инстанции вне зависимости от осуществления его судами в урегулированном главами 33–39 УПК РФ порядке, а по уголовным делам в отношении несовершеннолетних ст. 428–432 УПК РФ порядке, мировыми судьями (гл. 41 УПК РФ) либо с участием присяжных заседателей (гл. 42 УПК РФ);
- производство по пересмотру судебных решений судами апелляционных и кассационных инстанций (гл. 45.1, 47.1 УПК РФ) и в порядке возобновления производства по уголовному делу в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49 УПК РФ).

Такое построение рассматриваемого уголовного судопроизводства в полной мере согласуется со сложившимся в уголовно-процессуальной науке пониманием стадий уголовного процесса как взаимосвязанных и вместе с тем самостоятельных его частей, отделенных друг от друга итоговыми уголовно-процессуальными решениями и характеризующихся:

- непосредственными задачами;
- органами и лицами, участвующими в производстве по уголовному делу;
- порядком (формой) процессуальной деятельности (процессуальный порядок);
- характером уголовно-процессуальных отношений¹³⁹.

---

¹³⁹ Гимазетдинов Д. Р., Зинатуллин З.З. «Уголовно-процессуальная форма». М., 2014, изд-во Юрлитинформ, С. 26;

Что же касается социальной ценности уголовно-процессуальных стадий, то она заключается в их служении человеку, охране и защите его естественных прав и свобод, служении правде и справедливости в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Список литературы

1. Балашов А. И. Действительно ли возбуждение уголовного дела – первоначальная стадия уголовного процесса // Социалистическая законность. – 1957. – № 7. – С. 53–54.

2. Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2005. – С. 32, 35.

3. Баев М. О., Баев О. Я. Заметки об очередных изменениях уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. – 2013. – № 2. С. 42.

4. Муратова Н. Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи. – М. : Юрлитинформ, 2021. – С. 6.

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1978. – С. 495.

6. Рябинина Т. К. Нравственные начала уголовного процесса. – 2-е изд., пераб. и доп. – Курск : Издательство Курск. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 337–338.

7. Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщякова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. – М., 1979. – С. 37 // Судебный вестник Удмуртии. – 2018. – № 1. – С. 17.

8. Строгович М. С. Проблемы судебной этики. – Москва : Наука, 1974. – С. 88.

9. Гимазетдинов Д. Р., Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальная форма. – М. : Юрлитинформ, 2014. – С. 26.

Н. В. Глухова,

соискатель кафедры

уголовного права и криминологии

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

г. Сарапул

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РАССМОТРЕНИЕ СУДОМ ЗАЯВЛЕНИЯ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ (НА ПРИМЕРЕ АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА)

Фальсификация доказательств в <...> арбитражном и гражданском процессе «состоит в умышленных действиях по представлению <...> суду в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов»¹⁴⁰.

Этот вид преступления приобретает масштабы эпидемии. 85 % практикующих цивилистов регулярно сталкиваются с фактом фальсификации доказательств в суде, и чаще всего это не приводит к уголовному разбирательству¹⁴¹. Например, в следственный отдел СК РФ по Свердловской области ежемесячно поступает около 100 заявлений о фактах фальсификации доказательств с просьбой о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 303 УК РФ. Из них уголовные дела возбуждаются в трёх-четырёх случаях, а в суд передаются, как

---

¹⁴⁰ Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».

¹⁴¹ Сабашнюк Т. Л. О фальсификации доказательств в арбитражном процессе и об отсутствии ответственности за данное деяние: «неработающая» норма // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 1(20). С. 69–73.

правило, одно или два дела¹⁴². Причиной роста преступлений в этой области является безнаказанность за совершенные противоправные деяния.

В практике арбитражных судов соотношение заявлений о фальсификации доказательств составляет не менее 1 (Одного) заявления на 100 (Сто) процессов, что составляет 85 000 заявлений о фальсификации доказательств в год. Удовлетворяется таких заявлений 50 %, т. е. половина. При этом соотношение количества лиц, совершивших противоправные деяния против правосудия, и лиц, осужденных за это, за один и тот же период по данным статистики за 2018 г. указывает на то, что к ответственности за содеянное привлекается лишь каждый шестисотый. Во всех остальных случаях суд применяет ст. 161 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – АПК РФ) и исключает спорные доказательства из числа доказательств по делу¹⁴³.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости более эффективной защиты общественных отношений, складывающихся в сфере осуществления правосудия, в том числе уголовно-правовыми средствами. Отсутствие действенного механизма защиты в сфере правосудия ставит под угрозу не только деятельность судебной системы, но права и свободы, защищаемые и гарантируемые посредством осуществления правосудия¹⁴⁴.

---

¹⁴² Зорина И. В. Проблемы возбуждения уголовного дела по части 1 статьи 303 Уголовного кодекса РФ (за фальсификацию доказательств в суде) // Вестник науки. 2019. Т. 2, № 5(14). С. 251–262.

¹⁴³ Черкашин А. А. Фальсификация доказательств в гражданском и арбитражном процессе: проблемы противодействия // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 26 октября 2018 года. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2019. С. 305–308.

¹⁴⁴ Асташов С. В. Объект преступления при совершении фальсификации доказательств по гражданскому делу // Российское правосудие. 2008. № 12(32). С. 48–53.

Ст. 161 АПК РФ предоставляет суду право при получении заявления о фальсификации доказательств на одной из стадий проверки такого заявления исключать спорное доказательство из числа доказательств по делу с согласия лица, его представившего, без проверки этого доказательства на подлинность. Тем самым суд предлагает добровольно отказаться от уже совершенного и оконченного преступления в виде фальсификации доказательств, который возможен только на стадии покушения, т. е. только в том случае, если преступление не было доведено до конца¹⁴⁵.

По сути, такой способ разрешения судом заявлений о фальсификации доказательств противоречит целям и задачам уголовного закона, охраняющего интересы правосудия, и препятствует возбуждению уголовных дел за совершенные в ходе судебного разбирательства преступления. Похожие выводы можно сделать и исходя из следующих научных суждений.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 303 УК РФ состав преступления в виде фальсификации доказательств по конструкции объективной стороны является формальным ввиду того, что нормами статьи не предусмотрено наступление общественно опасных последствий. Такие преступления совершаются с прямым умыслом, что свидетельствует об их повышенной общественной опасности¹⁴⁶.

По мнению ученых, преступление считается оконченным с момента представления суду сфальсифицированных доказательств¹⁴⁷. Исключение судом сфальсифицированного доказательства из числа доказательств по делу или признание его недопустимым без

---

¹⁴⁵ Зорина И. В. Указ. соч. С. 251–262.

¹⁴⁶ Денисов С. А., Кирьянов А. А. Глава 18. Преступления против правосудия. Уголовное право. Особенная часть : учебник. Санкт-Петербург, 2020. С. 725–758.

¹⁴⁷ Руева Е. О. Проблемы обеспечения норм об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в гражданском, арбитражном и административном процессах // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2019. № 2. С. 137–143.

применения уголовной квалификации содеянного является неверным т. к. такое поведение, по сути, преступно само по себе¹⁴⁸.

В этой части с точки зрения уголовного закона и применения судом процессуальных норм по разрешению судом письменного заявления о фальсификации доказательств, которое по существу является заявлением о совершении преступления, имеются некоторые противоречия. Процессуальный закон позволяет суду применять процессуальные меры противодействия фальсификации доказательств, что влечет невозможность привлечения к уголовной ответственности за совершенное преступление. Некоторые судьи арбитражных судов при рассмотрении заявления о фальсификации доказательств подменяют его оценкой доказательств на достоверность¹⁴⁹. Это своего рода «судебное замалчивание» того, что при рассмотрении гражданского дела была совершена фальсификация доказательств с целью оказать влияние на содержание судебного решения, а не просто представление суду недостоверных доказательств, которое вообще не является преступлением против правосудия.

Исключение судом сфальсифицированных доказательств из числа доказательств по делу после их представления участниками процесса и приобщения к материалам дела, а также подмена понятия «фальсификации доказательств» на понятие «недостоверность доказательств» – это одна из многих проблем, которая препятствует реализации уголовно-правовых норм при совершении преступлений против правосудия.

Полагаем, что не менее значимой проблемой, которая также препятствует возбуждению уголовных дел за фальсификацию доказательств по гражданскому делу, является отсутствие определенной процессуальной формы, в соответствии с которой суд пре-

---

¹⁴⁸ Климова Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 58–66.

¹⁴⁹ Першутов А. Г. Заявление о фальсификации доказательства в арбитражном процессе и его отличие от заявления о недостоверности доказательства // Арбитражные споры. 2014. № 1(65). С. 97–101.

дупреждает стороны об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств при рассмотрении судом письменного заявления об этом.

В соответствии с нормами ст. 161 АПК РФ суд принимает письменное заявление о фальсификации доказательств от стороны процесса и предупреждает обе стороны судебного разбирательства об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств (ч. 1 ст. 303 УК РФ) и за заведомо ложный донос о совершении преступления в виде фальсификации доказательств (ч. 1 ст. 306 УК РФ)¹⁵⁰.

После предупреждения об уголовной ответственности суд приступает в первую очередь к проверке обоснованности заявления о фальсификации доказательств и предлагает предупрежденной об уголовной ответственности стороне, представившей спорное доказательство, исключить его из числа доказательств по делу. В случае если сторона, предоставившая спорное доказательство, не соглашается на его исключение, то для суда это означает, что заявление о фальсификации доказательств не обосновано, т. е. имел место заведомо ложный донос (ч. 1 ст. 306 УК РФ). В случае если сторона, представившая спорное доказательство, соглашается на его исключение, то это означает, что доказательство сфальсифицировано, и сторона, его представившая, желает уйти от уголовной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 303 УК РФ.

В любом случае, «если по результатам проверки заявления о фальсификации доказательства факт фальсификации с достоверностью подтвержден либо опровергнут, суд выносит частное определение и в порядке части 4 статьи 188.1 АПК РФ направляет его копию в правоохранительные органы для решения вопроса о привлечении лица, представившего фальсифицированное доказательство, или лица, безосновательно заявившего о его фальсификации,

---

¹⁵⁰ Пункт 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

предупрежденных об уголовной ответственности, к данной ответственности»¹⁵¹.

Несмотря на то, что нормами процессуального закона процедура и последовательность действий суда определена вплоть до выявления признаков одного из двух видов преступлений и вынесения частного определения с его последующей передачей в правоохранительные органы, уголовные дела о фальсификации доказательств возбуждаются крайне редко, несмотря на число таких заявлений, представляемых суду.

В соответствии со ст. 161 АПК РФ перед осуществлением процессуальных действий по принятию и проверке заявления о фальсификации доказательств, как это было указано выше, суд разъясняет уголовно-правовые последствия такого заявления. При этом единственная обязанность суда фиксировать осуществляемые процессуальные действия, установленные ст. 161 АПК РФ, – это отражать их в протоколе судебного заседания, в котором делается пометка об обоснованности или необоснованности такого заявления и исключении спорных доказательств из числа доказательств по делу. Однако немаловажным обстоятельством при разрешении этого вопроса является то, что привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос «наступает при условии, что сообщение о преступлении поступило от лица, которое было в установленном порядке предупреждено об уголовной ответственности по статье 306 УК РФ»¹⁵².

Полагаем, что при привлечении к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 303 УК РФ за совершение фальсификации доказательств в арбитражном процессе может быть применен тот же порядок, поскольку предупреждение об уголовной ответственности предусмот-

---

¹⁵¹ Пункт 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

¹⁵² Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».

рено процессуальным законом за оба вида противоправных деяний (по ч. 1 ст. 303 и ч. 1 ст. 306 УК РФ) при разрешении заявления о фальсификации доказательств.

Учитывая то, что надлежащая процессуальная форма предупреждения об уголовной ответственности в АПК РФ определена нормами, содержащимися в ч. 5 ст. 55, ч. 4 ст. 56, ч. 6 ст. 57, в соответствии с которыми свидетель, эксперт, переводчик предупреждаются об уголовной ответственности и дают об этом суду соответствующую подписку. Форма такой подписки письменная и содержит в себе личную подпись лица, предупрежденного об уголовной ответственности. Полагаем, что при определении надлежащей формы предупреждения об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств одного занесения такого предупреждения в протокол судебного заседания недостаточно для последующего привлечения лица к уголовной ответственности. В связи с чем полагаем, что указанный пробел необходимо восполнить путем внесения в ст. 161 АПК РФ следующих дополнений:

Если лицо, участвующее в деле, обратится в арбитражный суд с заявлением в письменной форме о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, суд разъясняет уголовно-правовые последствия такого заявления лицам, участвующим в деле, о чем они дают суду соответствующую подписку по тем же правилам, которые установлены ч. 5 ст. 55, ч. 4 ст. 56, ч. 6 ст. 57 АПК РФ.

С целью решения проблемы, препятствующей возбуждению уголовных дел за фальсификацию доказательств по причине исключения спорных доказательств из числа доказательств по делу без применения уголовно-правой квалификации содеянного, полагаем, что следует обратиться к историческому опыту, при помощи которого разрешались аналогичные случаи.

Так, ст. 343 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. было установлено, что при обнаружении в гражданском судопроизводстве обстоятельств, подлежащих рассмотрению уголовными судами, в частности в случае спора о подлоге документов, к участию в

заседании приглашался прокурор, который на месте давал заключение по вопросам о возбуждении уголовного преследования¹⁵³.

Полагаем, что внесение аналогичной нормы в процессуальные кодексы частично разрешило бы проблему, связанную с привлечением к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по гражданскому делу.

Список литературы

1. Асташов С. В. Объект преступления при совершении фальсификации доказательств по гражданскому делу // Российское правосудие. – 2008. – № 12 (32). – С. 48–53.

2. Денисов С. А., Кирьянов А. А. Глава 18. Преступления против правосудия. Уголовное право. Особенная часть : учебник // Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : ООО «Р-КОПИ», 2020. – С. 725–758.

3. Зорина И. В. Проблемы возбуждения уголовного дела по части 1 статьи 303 уголовного кодекса РФ (за фальсификацию доказательств в суде) // Вестник науки. – 2019. – Т. 2, № 5 (14). – С. 251–262.

4. Климова Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 2 (55). – С. 58–66.

5. Першутов А. Г. Заявление о фальсификации доказательства в арбитражном процессе и его отличие от заявления о недостоверности доказательства / А. Г. Першутов, судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, к.ю.н. // Арбитражные споры. – 2014. – № 1 (65). – С. 97–101.

6. Руева Е. О. Проблемы обеспечения норм об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в гражданском, арбитражном и административном процессах // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2019. – № 2. – С. 137–143.

---

¹⁵³ Сабашнюк Т. Л. Указ. соч. С. 69–73.

7. Сабашнюк Т. Л. О фальсификации доказательств в арбитражном процессе и об отсутствии ответственности за данное деяние: «неработающая» норма // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. – 2021. – № 1 (20). – С. 69–73.

8. Черкашин А. А. Фальсификация доказательств в гражданском и арбитражном процессе: проблемы противодействия // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 26 октября 2018 года. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2019. – С. 305–308.

Т. А. Агафонов,

*обучающийся Института права,
социального управления и безопасности.*

Научный руководитель: С. Ю. Туров,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного
процесса и правоохранительной деятельности*

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Система правоохранительных органов представляет из себя набор ведомств, министерств и служб, которые занимаются охраной правопорядка, профилактикой правонарушений и их расследованиями. Государственное взаимодействие на всех уровнях правоохранительной деятельности просто необходимо для раскрытия и предотвращения преступлений. На практике полноценное всестороннее взаимодействие происходит не всегда.

Разберём это на примере координационного совещания прокуратуры. Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов. Координация происходит путём сбора координационного совещания представителей правоохранительных органов для обсуждения стратегии борьбы с преступностью. Но как показывает многолетняя практика координации деятельности по борьбе с преступностью, осуществляемой органами прокуратуры, проблемой ее правового регулирования остается недостаточность регламентации на законодательном уровне направлений и форм координации, а также правовых процедур ее осуществления. Регламентация их в подзаконном нормативном правовом акте не равнозначна законодательному регулированию. Актуальным остается вопрос законодательного регулирования координационной функции

отдельных правоохранительных органов в их статусных законах. Отсутствие такой их функции в законах и Указах Президента РФ, определяющих их правовой статус, позволяет выдвигать гипотезы о том, что участие в осуществляемой прокурорами координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью для этих органов является не обязательной, а факультативной задачей. Это обстоятельство принижает ответственность руководителей правоохранительных органов за выполнение координационных мероприятий, за обеспечение эффективности согласованной деятельности с другими правоохранительными органами. Хотя согласно Положению о координации все правоохранительные органы, являющиеся участниками прокурорской координации, пользуются равными правами, в настоящее время фактически ответственность за некачественное проведение координационных мероприятий существует только в органах прокуратуры. В законодательном порядке должны быть установлены соответствующие обязанности и ответственность руководителей всех правоохранительных органов – субъектов координационной деятельности. Не только органы прокуратуры, но и каждый правоохранительный орган по аналогии с органами прокуратуры должен нести полную ответственность за проведение мероприятий по координации и оценивать вклад каждого своего нижестоящего правоохранительного органа в общую координацию борьбы с преступностью, и информировать о результатах оценки координационное совещание руководителей правоохранительных органов соответствующего уровня с принятием решения об оценке. А это, в свою очередь, требует не только обсуждения, разработки и утверждения соответствующих рекомендаций Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации, но и законодательного регулирования путем внесения в соответствующие статусные законы о правоохранительных органах функции обязательного их участия в координации борьбы с преступностью и ответственности руководителей правоохранительных органов перед вышестоящими своими органами за проделанную работу по координации. Отсутствие такой

законодательно установленной функции нивелирует ответственность руководителей правоохранительных органов за участие в координации и принижает эффективность координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Этим же объясняется и отсутствие в правоохранительных органах, кроме органов прокуратуры, системного внутриведомственного контроля за качеством и результативностью участия их территориальных подразделений в координационных мероприятиях. Этому способствует отсутствие в этих органах в том числе и внутриведомственной отчетности о проделанной работе по участию в координации [1].

Но если стратегическая координация неких общих действий существует, пусть и весьма формально, но существует, то вопрос тактического взаимодействия остаётся актуальной проблемой. И ключевая проблема этого уровня – это информационное взаимодействие правоохранительных органов.

В первую очередь информационное взаимодействие необходимо при расследовании преступлений – данные о похожих преступлениях, данные о тех, кто привлекался к ответственности за подобные преступления, списки подозреваемых, данные о финансовых операциях и деятельности организаций. Доступность такой информации для следствия помогает значительно сократить круг поисков и сэкономить много времени, а также не упустить деталей, которые способны в корне поменять ход расследования. Также в некоторых случаях информационное взаимодействие способно предотвращать преступления.

Нами выделены следующие проблемы правоохранительных органов в информационном взаимодействии:

1. Неэффективность работы с информационными ресурсами, сложность получения доступа к информационным ресурсам других ведомств.

2. Отсутствует чёткая регламентация взаимодействия правоохранительных органов друг с другом, что исключает быстрое получение доступа к информации.

3. Внутриведомственная разобщённость – эта проблема вызвана тем, что некоторые служащие чаще отдают приоритет выполнению внутриведомственных задач, а не общей цели [3].

4. Также имеют место быть случаи, когда начальство одного из ведомств из корыстных побуждений, желая выслужиться или же поднять свою статистику, приписав результат расследования себе, занимаются саботажем (*Саботаж (фр. sabotage) – умышленное неисполнение или небрежное исполнение определённых обязанностей, скрытое противодействие осуществлению чего-либо; в другом источнике указано, что саботаж – преднамеренный срыв работы или умышленно небрежное её исполнение.*) – умышленно затягивают передачу имеющихся данных или передают данные не в полном объёме, тем самым значительно затягивая процесс расследования или раскрытия преступления.

5. И наконец, самая значительная и актуальная проблема – отсутствие единой информационной базы органов, занимающихся правоохранительной деятельностью. Отсутствие единого информационного пространства приводит к дополнительной нагрузке при первичной обработке информации, а также отсутствие единой информационной базы не способствует обмену информацией между ведомствами и доступом к ней.

Всё же вовремя полученная и, что не менее важно, обработанная информация способна значительно упростить следственно-розыскные действия.

Стоит понимать, что проблема тут лежит не в том, что у правоохранительных органов нет баз данных и информационных пространств: один только Федеральный интегрированный банк данных МВД России чего стоит – это огромная база информации о каждом человеке, которая собрана из разных автоматизированных систем, принадлежащих подразделениям, департаментам и управлениям МВД РФ территориального и регионального значения; или же база Информационного Центра МВД – в ней отражаются все возбуждаемые уголовные дела, их движение, все лица, привлекаемые к уголовной ответственности, в том числе и погашение судимости. У

других же правоохранительных органов тоже есть свои базы данных, например: АИС ФССП России (Автоматизированная информационная система Федеральной службы судебных приставов России) является комплексной территориально-распределённой информационной системой, разработанной на основе свободного программного обеспечения, и в настоящее время функционирует в более чем 2 800 отделах судебных приставов; Единый реестр проверок (ЕРП) – созданная на основании Федерального закона № 294-ФЗ федеральная государственная информационная система, оператором которой является Генеральная прокуратура РФ и т. д. Проблема заключается в том, что отсутствует единое информационное пространство, в котором базы данных правоохранительных органов могли бы взаимодействовать между собой путём оперативного обмена информацией.

Решение проблемы информационного взаимодействия правоохранительных органов, как и повышение их общей координации видится в разработке программы, имеющей несколько уровней доступа, с использованием технологии Big Date, которая послужит не только общей базой данных, но и единым информационным пространством.

Далее, разберёмся для чего же в программе должна быть использована Big Date. Big Data или большие данные – это структурированные или неструктурированные массивы данных большого объема. Их обрабатывают при помощи специальных автоматизированных инструментов, чтобы использовать для статистики, анализа, прогнозов и принятия решений. Благодаря высокопроизводительным технологиям, таким как грид-вычисления или аналитика в оперативной памяти, возможно использовать любые объемы больших данных для анализа. Иногда Big Data сначала структурируют, отбирая только те, что нужны для анализа. Все чаще большие данные применяют для задач в рамках расширенной аналитики, включая искусственный интеллект. Но большие данные в сети – это не только статистика для научных исследований. **По ним можно проследить, как ведут себя пользователи разных групп и националь-**

ностей, на что обращают внимание и как взаимодействуют с контентом. Иногда для этого данные собирают не из одного источника, а из нескольких, сопоставляя и выявляя определенные закономерности [4].

Выделяют четыре основных метода анализа Big Data:

1. **Описательная аналитика** – самая распространенная. Она отвечает на вопрос «Что произошло?», анализирует данные, поступающие в реальном времени, и исторические данные. Главная цель – выяснить причины и закономерности успехов или неудач в той или иной сфере, чтобы использовать эти данные для наиболее эффективных моделей. Для описательной аналитики используют базовые математические функции. Типичный пример – социологические исследования или данные веб-статистики.

2. **Прогнозная или предикативная аналитика** помогает спрогнозировать наиболее вероятное развитие событий на основе имеющихся данных. Для этого используют готовые шаблоны на основе каких-либо объектов или явлений с аналогичным набором характеристик.

3. **Предписательная аналитика** – следующий уровень по сравнению с прогнозной. С помощью Big Data и современных технологий можно выявить проблемные точки в бизнесе или любой другой деятельности и рассчитать, при каком сценарии их можно избежать в будущем. Сеть медицинских центров Aurora Health Care ежегодно экономит \$ 6 млн за счет предписывающей аналитики: ей удалось снизить число повторных госпитализаций на 10 %.

4. **Диагностическая аналитика** использует данные, чтобы проанализировать причины произошедшего. Это помогает выявлять аномалии и случайные связи между событиями и действиями [6].

Благодаря тому, что Big Date обладает методами анализа, разработанную на её основе программу возможно будет использовать не только как базы данных или единое информационное пространство правоохранительных органов, но и как программу для сбора и анализа поступающей информации, что в перспективе поможет даже предугадывать совершение противоправных действий, помогать

в поиске преступников и предотвращать преступления. Например, при помощи описательной аналитики возможно оперативно сопоставить описание и фото-робот преступника с реально существующими подходящими под описание людьми; при использовании же прогнозной аналитики возможно предугадывать количество определённых преступлений или же преступлений в целом на определённой территории на основе данных прошлых лет. А ведь это всего лишь основные методы анализа Big Data. Также ценность Big Data заключается в том, что в качестве базового принципа обработки больших данных – горизонтальную масштабируемость, обеспечивающую обработку данных, распределённых на сотни и тысячи вычислительных узлов, без деградации производительности [5] – иными словами данные, которые были занесены в программу, использующую Big Data, невозможно удалить. Если быть точнее, это возможно, но особенность заключается в том, что данные одновременно находятся на всех устройствах, подключённых к системе, то есть чтобы удалить какой-либо документ из программы, которая использует Big Data, необходимо удалить этот документ одновременно на всех устройствах, в ином случае файл сохранится. Данная функция поможет повысить качество работы правоохранительных органов как для граждан, так и для руководства. В такой программе невозможно «потерять» заявление, умышленно или неумышленно удалить какой-то важный файл, так и все служебные документы смогут храниться в электронном виде долгие годы.

Стоит отметить, что с 2007 года в распоряжении ФБР и ЦРУ появилась PRISM – один из самых продвинутых сервисов с использованием Big Data, который собирает персональные данные обо всех пользователях соцсетей, а также сервисов Microsoft, Google, Apple, Yahoo, и даже записи телефонных разговоров. То есть данную технологию уже применяют спецслужбы США [7].

В завершении необходимо подчеркнуть невозможность полноценной цифровизации и внедрения новых информационных технологий в правоохранительные органы без развития таких проектов как в России в целом, так и в государственных структурах в частно-

сти. Но Россия обладает огромным потенциалом, например, у нас есть сайт госуслуги, который не имеет аналогов на западе и значительно продвинул нашу страну в области цифровизация. Также для повышения эффективности взаимодействия правоохранительных органов необходимо законодательно ввести в соответствующие статусные законы о правоохранительных органах функции обязательного их участия в координации борьбы с преступностью и ответственности руководителей правоохранительных органов перед вышестоящими своими органами за проделанную работу по координации, чётко регламентировать взаимодействие правоохранительных органов друг с другом, а также разработать и создать единое информационное пространство для правоохранительных органов.

Список литературы

1. Колупаева Т. А. Использование информационных технологий в правоохранительной деятельности // Молодой учёный. – № 22. (312) май 2020 г.
2. Проблемы правового регулирования координационной деятельности прокуратуры и основные направления ее совершенствования: Студопедия.
3. Замашанская А. Ю. Актуальные проблемы взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в РФ.
4. Что такое Big Data и почему их называют «новой нефтью» // РБК.
5. Big Data // Википедия.
6. Big Data: перспективы развития, тренды и объемы рынка больших данных // Delovoy Profil.
7. «Большие данные» на службе полиции (и преступников) // Журнал «Компьютерра».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К юбилею доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Зинура Зинатулловича Зинатуллина</i>	3
Зинатуллин З. З. Насущные проблемы постсоветской уголовно-процессуальной науки.....	4
Балакшин В. С. Сколько истин (и каких) надлежит устанавливать по уголовному делу? К юбилею профессора З. З. Зинатуллина.....	24
Волосова Н. Ю. Некоторые проблемы правоприменения запрета определенных действий	36
Максимов О. А. О сущности ходатайств и жалоб в уголовном процессе.....	43
Даровских О. И. К вопросу об отмене или изменении меры принуждения наложения ареста на имущество.....	50
Малышева О. А. Унификация процессуальных полномочий уголовно-исполнительной инспекции – основа эффективности исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста	58
Муратова Н. Г. Компенсационная политика в уголовном судопроизводстве	69
Насонова И. А., Халимоненко С. С. Роль запрета в регламентации принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела	77
Татьянина Л. Г., Каминский А. М. Признание по уголовному делу доказательств недопустимыми на предварительном слушании	85
Мокшина М. А. Уполномоченный по правам ребенка в субъектах Российской Федерации: полномочия, их совершенствование	90
Зарипов Ф. Ф. Системный подход к обеспечению безопасности личности в уголовном судопроизводстве	99
Гафурова Э. Р. Сравнительно-правовой анализ института освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации и Республике Казахстан	107

Насонов А. А. Значение института согласования для реализации уголовно-процессуального принуждения	113
Стяжкина С. А. Уголовно-правовая охрана служебной тайны.....	120
Юлбердин А. А. Труднодоступная местность как место происшествия.....	125
Жук М. Я. Особенности и пределы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела	132
Буханов А. И. Проблемные вопросы участия переводчика при проведении некоторых следственных действий	137
Ишмухаметов Я. М. Уголовная ответственность несовершеннолетних в уголовном праве РФ.....	143
Полякова И. И. Современные тенденции развития правового регулирования института досудебного соглашения о сотрудничестве	149
Машинникова Н. О. Соотношение свободы усмотрения суда и прав участников уголовного судопроизводства на примере ст. 252 УПК РФ.....	154
Гимазетдинов Д. Р. Риски в современных формах уголовно-процессуальных производств	160
Гимазетдинов Д. Р., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальная форма в условиях цифровизации судопроизводства	169
Сафронов М. И. К вопросу о пределах регуляторного вмешательства в частно-правовые отношения на примере пункта 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»	178
Тензина Е. Ф. К вопросу о допустимости доказательств, полученных с применением видео-конференц-связи в досудебном производстве	184
Ишимов П. Л. Повод и основание для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям	190
Кротова Л. А. Уголовно-правовое обеспечение судебной власти как направление правоприменительной политики: позиции Верховного Суда Российской Федерации.....	195

Соболев С. В. Возбуждение и первоначальный этап расследования уголовных дел об убийствах, связанных с исчезновением потерпевших	203
Сентябова А. В. Использование заключения специалиста, представленного стороной защиты в процессе доказывания.....	209
Татьянин Д. В. Дискуссионные вопросы использования электронной информации при производстве следственных действий	214
Муратов К. Д. Совершенствование законодательства в сфере обращения вещественных доказательств по уголовным делам в системе межотраслевых связей уголовного судопроизводства (проекты двух законов).....	219
Решетникова Г. А. Личность как субъект уголовного права: основные идеи.....	232
Туров С. Ю. Проблемы взаимодействия органов предварительного следствия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при рассмотрении сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел.....	242
Наговицын Д. Ю. Проблемы доказывания при расследовании уголовных дел об организации незаконных вооруженных формирований.....	251
Арташкин К. С. Применение цифровых инструментов в процедуре наследования	259
Орлова Н. И. Проблема наследования патента, правовая охрана которого прекращена	265
Егорова Т. З. Превенции предпринимательской деятельности и границы рисков при её осуществлении.....	273
Ходырева Е. А., Сегал О. А. Проблемы оценки психического состояния лица при нотариальном удостоверении сделок.....	279
Афанасьев Р. Е. Проблема определения ответчика при предъявлении иска к наследственному имуществу	288
Рахматуллин Р. Р. Некоторые правовые и криминалистические аспекты раскрытия преступлений.....	294

Абашева Ф. А. Проблемы структурирования стадий современного российского уголовного судопроизводства.....	303
Глухова Н. В. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и рассмотрение судом заявления о фальсификации доказательств по гражданскому делу (на примере арбитражного судопроизводства).....	314
Агафонов Т. А. Проблема информационного взаимодействия правоохранительных органов.....	323

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

К 85-летию доктора юридических наук,
профессора З.З. Зинатуллина

Сборник статей

Составитель и редактор: И.А. Бусоргина

Подписано в печать 20.04.2023. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 19,6. Уч. изд. л. 14,55.
Тираж 27 экз. Заказ № 683.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра
«Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18